

ЛУЦІЯ АПУЛЕЯ

ПЛАТОНИЧЕСКОЙ СЕКТЫ

ФИЛОСОФА

ПРЕВРАЩЕНІЕ,

или

ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЬ.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ЛАТИНСКАГО

Императорскаго Московскаго

университета

БАККАЛАВРЪ

ЕРМИЛЬ КОСТРОВЪ.

Часть II.

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ Университетской Типографіи
у Н. Новикова, 1781 года.

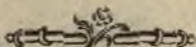

ПРЕВРАЩЕНІЕ
или
ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.

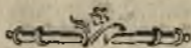
КНИГА ШЕСТАЯ.

Въ сіе время Психея прошекала мнѣ-
гія и различныя справы свѣта, го-
ря желаніемъ въ дѣнь и ночь, дабы
своего любезнаго обрѣсть супруга. Она
льстила, естли не утолитъ гнѣвъ
его супружскими ласками, то по край-
ней мѣрѣ склонитъ его къ сожалѣнію
чрезъ покорность рабскую. Усмотрѣ
храмъ на высотѣ горы воздвигнушый,
можетъ бытъ говоритъ она сама себѣ,
мое Вожешво, мой вождельный су-
пругъ обитаетъ въ сихъ мѣстахъ;
и немедленно обративъ она стопы свои
къ горѣ, восходитъ на нее съ поспѣш-
ностію, не смотря на помногу ея
духъ и упружденное плѣдъ, надежда
и любовь новыя крылѣ и новыя по-
Часть II. А 2 даишѣ

даютъ ей силы. Едва только успѣвъ восшечь на высоту, мгновенно вступаетъ во храмъ неробкою смезею, и тамъ видитъ ячмѣнные и пшеничные класы, иные соединены въ груды, иные соплешенные вѣнками, видитъ также серпы и всѣ орудія употребляемыя для жатвы. Они лежали въ безпорядкѣ и разбросаны на всѣ стороны, какъ обыкновенно дѣлаютъ жнецы, когда они утомясь зноемъ солнечнымъ, возвращаются отъ своихъ трудовъ. Психея съ крайнимъ прилѣжаніемъ успремилась разположить порядочно всѣ сіи вещи, думая, что ни единого божества не должна пренебрегать она священныхъ храмовъ и обрядовъ благоговѣйныхъ, но чтобъ напротивъ того усердною мольбою и досподолжнымъ почтеніемъ склонить ихъ всѣхъ къ себѣ на милость, и подвигнуть къ сожалѣнію.

Въ сихъ тщательныхъ трудахъ усмотря Психею Церера неоскудная земнородныхъ питательница, возопила къ ней издали: Ахъ несчастная Царевна, или ты не знаешь, что богиня красоты пылая мщеніемъ и яростію

стїю ищетъ тебя во всѣхъ краяхъ свѣта, и рѣшилась непремѣнно употребить всѣ возможные средства, и все свое могущество, дабы изшоргнушь тебя отъ среды живыхъ и принести въ жертву неушолимой своей ярости; а ты напротивъ того печешься о убранствѣ и чистотѣ моего храма, и ни мало не помышляешь о сохраненіи твоей жизни? Тогда несчастная Психея повергнувшись на землю къ стопамъ сея богини, орошаетъ ихъ источникомъ своихъ слезъ, и лобзая опираетъ ихъ своими нѣжными власами и проситъ ея предстательства самымъ чувствительнымъ и жалкимъ образомъ: Заклинаю тебя, говоря ей, сжапись надо мною для щедрой твоей десницы разсыпающей по земли богатство и обиліе златовидныхъ класовъ; для сихъ торжественныхъ праздниковъ и утѣхъ; кошорыя благодарность жнецовъ составляетъ въ честь твоего имени, сжапись надо мною для святости твоежъ таинствъ сокровенныхъ въ кошницахъ, (а) для плодоносія полей

А 3

Сиди.

(а) Сїи кошницы заключати въ себѣ священныя вещи и таинства Церерины; снѣ въ тор-

Сицилійскихъ; для крылатыхъ драконовъ, влекущихъ твою колесницу, и для колесницы, на кошорой похищена дочь твоя Прозерпина, для земныхъ вѣдѣй, копорыя отзерзались для сокрытія ея дочери, для мрачнаго жилища, въ безднѣ кошораго торжествованъ ея бракъ, для ея пребыванія во адѣ, и для ея возвращенія на землю. Наконецъ закидаю тебя всѣмъ, что утаивается въ Элевзинскомъ (б) твоемъ храмѣ отъ взора непросвѣщенныхъ; удостой возрѣть очами благими на алощастную Пенхею, лежащую предъ твоими стѣнами; позволь, чтобъ я могла на малое время сокрыться подъ сія класы, доколѣ мѣлншельный спель сильной богини гнѣвъ утоленъ будетъ, или по крайней мѣрѣ, чтобъ силы мои шодикимъ бѣдспіемъ неощенныя хотя

торжественный ея богини праздникъ, и когда совершалось ко храму ея шествіе, носимы были женщинами, которыя назывались кошненосницами *Canistriferae*,

(б) Элевзисъ былъ городъ Аттичскій, столицей между Мегарою и Пиринейскимъ портомъ. Церера имѣла въ немъ великолѣпной храмъ. Сей городъ называется нынѣ Лептиномъ.

ня немного спокойствіемъ обнови-
лись.

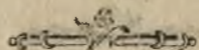
Богиня жатвы ей въ отвѣтъ: слезы твои и убѣдительныя мольбы чувствительно грудь мою пронзаютъ, и я желала бы вспомошествовать тебѣ; но прилично ли мнѣ быть врагомъ Венерѣ моея ближней сродственницѣ, богинѣ благопріятной и прелестной, съ которою давно уже я соединена узами ненарушиматаго дружества. И такъ оставь немедленно мой храмъ; и что я тебя здѣсь не заключила, почитай моимъ снисхожденіемъ. Психея противъ чаянія своего будучи отпринута и сугубою стѣснена печалію, выходитъ изъ храма, и возвращившись на прежнія стези, увидѣла при подошвѣ горы среди густой и тѣнистой рощи великолѣпный храмъ, созданный преудивительнымъ искусствомъ. И какъ она вознамѣрилась испытать всѣ пути и средства къ избавленію своему отъ такого злополучнаго жребія, и просить притомъ защиты и милости отъ всякаго божества; то не преминула приблизиться ко вратамъ сего пышнаго храма. Она видитъ повсюду несчетное богатство, драгоценныя дары

приносимые усердіемъ поклонниковъ, зашпощканныя одежды, высвщія на вѣшвахъ деревесъ. Впрочемъ на врапахъ сихъ начертанно зрѣлось имя богини, и всѣ благодѣянія изліянныя щедрою сея богини на всѣхъ ей молившихся, и принесшихъ толикіе дары. Тогда несчастная Психея падши на свои колѣна и трепещущими руками обнявши оларь, еще дымящійся отъ жертвы, недавно принесенной, припомъ опирая слезы текущія по ланитамъ, возсылаетъ мольбы свои къ богинѣ такимъ образомъ.

Се пра и супруга великаго Юпитера, хотябы ты пребывала нынѣ въ древнемъ храмѣ острова Самоса, которой славится твоимъ въ себѣ рожденіемъ и твоимъ воспитаніемъ, хотябы въ пышномъ и счастливомъ Карфагенѣ, гдѣ поклоняются тебѣ во образѣ дѣвы прекрасной восходящей на высоту небесъ на гордомъ Царѣ звѣрей, хотябы наконецъ посѣщала пы въ сіи минуты гордый и возвышенный градъ Аргосъ (в) орошаемый струями

(в) Аргосъ Пелопонсскій городъ, въ которомъ пертый самой Царь назывался Инахомъ,

ями рѣки Инаха; въ которомъ тебѣ
имянуютъ супругою Бога, мещущаго
молніеносныя громы и державною бо-
гинь небесныхъ Царицею. Ты, напорую
чтущъ на всемъ Восшокѣ подѣ име-
немъ Зиги (г) и въ пространномъ Запа-
дѣ подѣ священнымъ названіемъ Лю-
цины (д) внемли мольбы успѣ моихъ,
Юнона благопловная, и на гонимую судь-
бою Психею воззри милосердія очами,
исхити меня своею десницею изъ без-
дны грозящаго мнѣ нещастія: сея за-
щищи я тѣмъ паче отъ тебя надѣ-
юсь, что ты чревоносящимъ и ражда-
ющимъ въ болѣзняхъ вспомошествоуешь.

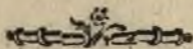
Услышавъ Юнона смиренную сію
мольбу, и явившись мгновенно во всемъ
блескѣ и величествѣ ея божество окру-
жающемъ, вѣщаетъ ко Психеѣ: я благо-

А 5

во-

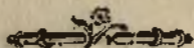
хомъ, и далъ свое наименованіе рѣкѣ сего
полуострова.

- (г) Зиги, соотвѣтствуетъ слову *jugalis*, то
есть, брачная, или богиня брака.
- (д) Луцина Богиня вспомошествоующая раз-
рѣшающимся отъ бремени. Слово сіе про-
исходитъ отъ слова *lux*, то есть,
свѣтъ; ибо она помогала младенцамъ не-
ходить на свѣтъ изъ утробы матерней.

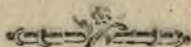
волила бы слухъ мой просмерти къ
 своему воплю и показать тебѣ свои ще-
 дрошы; но противившись хотѣнію Ве-
 неры, которую всегда любила я какъ
 собственную дочь свою, запрещаетъ
 стыдъ мнѣ и благопристойность. Впро-
 чемъ право народовъ и законъ не повелѣ-
 ваетъ рабовъ отъ Господина своего
 бѣжавшихъ принимать подъ свою за-
 щиту: и такъ наблюдая законъ сей,
 не могу явить тебѣ милости.

Психел пораженная симъ послѣд-
 нимъ ударомъ, лишается всей надежды
 сохранить жизнь свою отъ гибели.
 Она уже не видитъ никакого средства,
 чтобъ крылатаго своего обрѣсти суп-
 руга, и потому размышляя сама съ
 собою: какіе уже, говоритъ, могу
 предпріять теперь пути, для избѣжа-
 нія отъ горестныхъ бѣдствій и отъ
 злостнаго рока, естли благоволеніе
 и воля полъ великихъ богинь мнѣ уже
 бесполезны? куда я обращуся, чтобъ
 взбавиться съпей отсюду меня окру-
 жающихъ? гдѣ спасительное убѣжище,
 въ которомъ безопасность меня ожи-
 даетъ? какой мрачной облакъ можетъ
 меня

меня сокрыть отъ пронизательныхъ
очей полъ сильныя и мщениемъ пылаю-
щей богини? Несчастливая Психея! для
чего ты не облечешься въ мужество и
не предпримешь великодушнаго намѣ-
ренія? отвергни тщетную надежду;
ты ни гдѣ не можешь сокрыться: не
лучше ли тебѣ, самовольно предашься во
власть раздраженной богини, и упо-
лить ея гнѣвъ покорностію и достой-
нымъ почтеніемъ: и кто знаетъ, мо-
жетъ быть искомый тобою супругъ
давно уже въ чертогахъ своей мате-
ри! Такимъ образомъ Психея вознамѣ-
рясь непременно явиться предъ лице
Венеры, чтобъ получить прощенье,
или сказать лучше, принявъ уже не-
минуемую казнь, начала приготавливать-
ся, что должно ей говорить и чѣмъ
склонять къ сожалѣнію сію мстящую
богиню.

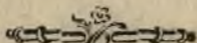
Между тѣмъ Венера не могла не-
счастную Психею сыскать на земли,
восходитъ на небо, думая, что она
туда убѣжала въ горнія селенія. Не-
медленно повелѣваетъ приготовить
себѣ золотую колесницу, которую
Вулканъ подарилъ ей прежде вступле-
нія

нія съ нею въ брачныя узы. Сей Богъ
 дѣлая толь удивительную колесницу,
 употребилъ все возможное свое иску-
 ство; уменьшеніемъ золота пидою
 острою опиялаго, казалась она драго-
 цѣннѣе и великолѣннѣе. Потомъ изъ
 многихъ голубей летающихъ вокругъ
 ложницы Венераиной выбраны были двѣ
 пары самыхъ чистыхъ и бѣлыхъ, ко-
 торыхъ шейки блистали согласнымъ
 цвѣтовъ различіемъ. Они въ шуже
 минути нѣжныя свои головки влага-
 ютъ въ ярмо изъ драгоцѣнныхъ кам-
 ней составленное. Венера восходитъ на
 колесницу, они подвѣмлются и разсѣ-
 каютъ крилами воздухъ; несчетное
 множество воробьевъ и сладкопо-
 ющихъ птицъ хоры сопутству-
 ютъ Венерѣ. Носясь вокругъ ея коле-
 сницы, и не боясь встрѣчающихся ор-
 ловъ и прочихъ хищныхъ птицъ, вез-
 дѣ пріятностію нѣжныхъ своихъ го-
 лосовъ возвѣщаютъ пришествіе Богини.
 Вдругъ уничтожаются облаки, оп-
 верзается небо, какъ своей дщери, и
 превыспренній Эфиръ съ веселіемъ въ
 селенія свои пріемлетъ Богиню, она
 простираетъ стопы свои въ чертоги
 Юпитеровы, и съ гордымъ видомъ тре-
 буетъ

бусть у него Меркурія, крылатаго небо-
жителей посланника, утверждая, что она
хочетъ ему поручить важную въ рассу-
деніи себя должность. Юпитеръ ве-
селимъ мановеніемъ на прозьбу своей
дщери соизволилъ.

Богиня получивъ желаемое, нисхо-
дитъ съ небесъ вмѣстѣ съ Мерку-
ремъ и вѣщаетъ ему тако: любезный
братъ рожденный въ Аркадіи, ты
знаешь, что сестра твоя Венера ниче-
го безъ твоего совѣта не учинила; и
тебѣ извѣстно, я думаю, что уже
много пропекло времени, какъ я на-
чата искашь одну изъ моихъ рабынь,
не имѣя впрочемъ желаемаго въ томъ
успѣха. И такъ одно только къ мо-
ему утѣшенію осталось средство, со-
стоящее въ томъ, чтобъ по всѣмъ
странамъ ты объявилъ, что я до-
стойную тому воздамъ награду, кто
извѣститъ меня о Психеѣ. И потому
прошу тебя, исполнишь мою волю безъ
всякаго медлѣнія, при томъ всѣ примѣ-
ны, по которымъ бы ее узнать, объ-
ясню подробно, дабы ни кто не могъ
извиняшся незнаніемъ, еслии ока-
жется виновнымъ въ ея сокрытіи. Уо-

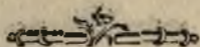
вора сіе вручаешъ она Меркурію свитокъ, въ которомъ написано было имя Психейно, и всѣ лица ея черты и признаки, потомъ возвращается въ свои чертоги:

Меркурій немедленно повинуется повелѣнію Богини, онъ проходитъ чрезъ всѣ предѣлы свѣта и возвѣщаетъ ея волю такимъ образомъ: *если кто Царскую дочь по имени Психею бѣглую рабу Венерину (е) можетъ поймать, или обольстить, гдѣ она скрывается, тотъ пусть придетъ сыскать Меркурія пропоздѣстника сего повелѣнія, которой находится будетъ за Мурційскими (ж) пирами-*

(е) У Римлянъ былъ законъ, что еслии свободная женщина или дѣвица выйдетъ замужъ за раба, то уже должна лишиться своей вольности, но Венера по сему праву не могла назвать Психею своей рабою, ибо Купидонъ не былъ ея рабъ, и потому должно слово сіе брать въ другомъ смыслѣ, оно показываетъ ни что иное, какъ только гнѣвъ и презрѣніе Венерино къ Психеѣ.

(ж) Мурційскія пирамиды были въ Римѣ и стояли при концѣ славнаго полукружія, въ которомъ обширивлялось конскіе ры-

шаніе;

мидами. За сей трудъ обвѣстителкѣ
вѣгляя получить въ награду отъ
самой Венеры семь пріятныхъ по-
цѣлуешъ, и осмой толь сладостной,
что уста съ устами и языкъ съ
языкомъ съ прижимкою сомкнутся.
Едва только слова сіи произнесъ Мер-
курій, какъ вдругъ всѣ смертныя
восхитясь надеждою толь пріятныя
награды, начали другъ предъ другомъ
изыскивать всѣ способы, чтобъ явить-
ся достойнымъ оныя. Сіе злое ихъ
спремленіе рѣшило Психею немедленно
предстать предъ лице Венерино. Когда
она приближалась ко дверямъ Богини-
ныхъ чертоговъ, немедленно выбѣга-
етъ ей на встрѣчу одна изъ рабынь
Венериныхъ называемая припычкою
и вопишь громкимъ голосомъ. Ужели
наконецъ, вѣроломная раба начинаешь
познавать, что ты имѣешь себѣ го-
спо-

спаніе, находивше въ семъ мѣстѣ и
другія Пирамиды, посвященныя Нептуну,
Марсу и прочимъ богамъ, но Мурційскія
посвященны были Венерѣ, ибо слово сіе
происходитъ отъ слова Mirtia или Mir-
tus, то есть, Миртовое дерево, которое
посвящено было сей Богинѣ, равно какъ
оливное Палладѣ и проч.

спожу? можешь ли ты къ невѣжеству и грубости нравовъ своихъ присоединишь еще безстыдство, и припворяешься, что будто не знаешь сколько заботъ и трудовъ употребили мы, ища тебя повсюду? Я весьма радуюсь, что ты въ мои попалась руки, подобно какъ въ адскіе челюсти, отъ которыхъ никогда не избавишься, ты немедленно понесешь казнь достойную твоего ожесточенія; говоря сіе ухватила она Психею за волосы и влекла безчеловѣчно, хотя несчастная Царевна ни мало не противилась. Какъ только Венера узрѣла влекомую сію жершву, то качая своей головою злобно усмѣхалась по примѣру бѣсящихся отъ ярости. Ахъ! вопишь ей со гнѣвомъ, ты удостоила наконецъ припши поздравить твою свекровь? или можешь быть пришла ты посѣтить больного своего супруга? но ничего не бойся: я приму тебя и угощу какъ любезную мою невѣстку; гдѣ, продолжаетъ она, *безпокойство и печаль* сіи вѣрныя мои служанки? они предстали, Венера предала имъ Психею на мученіе. Сіи фурии повелительницы своя исполнила волю, терзали несчастную и прину-

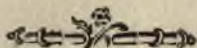
диди испыташь найжесточайшіе роды
испязаній; послѣ сего обратно Венерѣ
представили, которая увидѣвъ ея
засмѣялась вторично самымъ язвитель-
нымъ и злостнымъ образомъ, говоря
предстоящимъ: она думаетъ, что бере-
менностью своею можетъ подвигнуть
меня къ сожалѣнію, и что я забуду
ея злодѣйство для знаменитаго мла-
денца, которому я должна быть щас-
сливою бабкою, и по истиннѣ кто
не можетъ назвашь меня стократъ
благополучною, когда въ самомъ лѣтѣ
монхѣ цвѣтѣ получу сіе почтенное отъ
всѣхъ названіе? И когда сынъ по-
дой и презрѣнной рабы будетъ имя-
новаться внукомъ Венеринымъ? но что
я говорю! сіе дитя ничего для меня
не будетъ значить: ибо состояніе су-
пруговъ, его родителей весьма нера-
вное, при томъ сей бракъ совершенъ
въ уединенной долині, безъ всякаго
свидѣтеля и безъ согласія родитель-
скаго; такъ можетъ ли онъ назвашь-
ся дѣйствительнымъ и правильнымъ
бракомъ? а потому и младенецъ отъ
такаго союза происшедшій не долженъ
будетъ почиташься законорожденнымъ;
хотѣбы я и захотѣла, чтобъ мать его

Часть II. В до.

до разрѣшенія отъ своего бремени.... При сихъ словахъ она устремляется на Психею съ яростію, и во многихъ мѣстахъ раздираетъ ей одежду, рветъ ея волосы и обезображаетъ ея лице, наконецъ взявши ячмѣню, пшеницы, овса, маку, чечевицы, бобовъ смѣшала все въ одно мѣсто и составила изъ того великую груду, потомъ говоритъ Психеѣ: ты мнѣ кажешься полъ тусна и безобразна, что ни чѣмъ другимъ не можешь привлечь къ себѣ любовниковъ, какъ только всегдашнимъ трудомъ и рабскими услугами, поштому и я, хотя узнать въ чемъ ты искусна, приказываю тебѣ всѣ сіи разнаго рода зерна смѣшанныя вмѣстѣ, раздѣлишь и разобрать порознь; такъ чтобъ каждаго рода зерна были въ особливомъ мѣстѣ, но знай при томъ, что трудъ сей должна ты окончать непременно къ вечеру. Приказавъ такимъ образомъ Психеѣ, сама пошла на брачный ужинъ, къ которому была приглашена.

Нещастная Психея будучи внѣ себя отъ такого жестокаго повелѣнія стояла неподвижно предъ сею грудою

дою составленною изъ разныхъ и безчисленныхъ зернъ; она разсуждала, что бесполезно будетъ отважиться на такое невозможное дѣло. Тогда муравей, сія маленькая и трудолюбивая тварь сожалѣя о печальномъ состояніи Купидоновой супруги, и проклинающая люшость ея свекрови, бѣгаетъ повсюду, собираетъ и созываетъ всѣхъ сосѣднихъ муравьевъ, своихъ знакомцевъ и пріятелей: трудолюбивыя чада и питомцы земли, говоритъ онъ имъ, помогите, помогите прекрасной Царевнѣ, супругѣ великаго бога любви; она въ крайнемъ шеперь находится недоумѣніи. Въ минушу стекается отовсюду безчисленное множество, подобно какъ сонмы народовъ, они съ крайнимъ прилѣжаніемъ разносятъ по зерну всю груду, потомъ для каждаго рода зеренъ особенное опредѣля мѣсто, убѣгаютъ немедленно. При наступленіи темноты ночной возвращается Венера съ брачнаго пиршества, дыша Нектаромъ, и отъ своихъ ризъ благоуханныя изливая ароматы, притомъ украшена блестящихъ множествомъ розъ: но увидя съ какимъ раченіемъ шоль невозможное

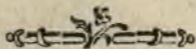

совершенно дѣло; не ты, говоришь Психеѣ, не ты проклятая своимъ искусствомъ и своими нечестивыми руками исполнила сію трудную должность; но потѣ предерскій младенецъ, котораго ты къ своему несчастію и равно къ его злополучному жребію плѣнила своей красою. Послѣ сего бросивъ ей съ негодованіемъ кусокъ чернаго хлѣба, удалилась въ свою ложницу.

Между тѣмъ Купидонъ заключенъ будучи въ одномъ покоѣ находящемся среди чертоговъ своей матери, спрегомъ былъ съ великою осторожностію, дабы вылетѣвъ изъ сего мѣста не усугубилъ онъ болѣзни своей чрезмѣрною рѣзвостію и сластолюбіемъ; или не полетѣлъ бы искать свою Психею. Такимъ образомъ сія любящаяся чета въ однихъ находясь чертогахъ, но не имѣя способа къ желанному свиданію, препровождала темноту ночную въ крайнемъ безпокойствіи. Едва только румяная заря, показалась на шверди лазоревой, то Венера признавъ немедленно къ себѣ Психею, видишь ли ты, говоритъ ей съ яростію, видишь ли ты густую сію рощу простирающую

щуюся вдоль берега мимо текущей рѣки и сего кристальнаго источника стремящагося изъ подъ твердаго камня. Тутъ пасется безъ всякаго страха великое множество прекрасныхъ овиновъ, которыхъ шерсть подобилась блестящему злашу. Я желаю, чтобъ ты, какимъ бы по способомъ ни было, принесла мнѣ пукъ сего драгоценнаго и прелестнаго руна. Психея пошла въ сію рощу немедленно и притомъ съ охотою, не для того, чтобъ исполнить волю своей мучительницы, но чтобъ повергнувшись въ рѣчную глубину, прекратить свои бѣдствія. Но вдругъ услышала она пріятное журчаніе зеленаго куста на берегу рѣки сего растущаго и колеблемаго шихимъ вѣяніемъ Зефира. Сей кустъ вдохновенный лобзаніемъ своего любителя говоритъ несчастной Царевнѣ: воздыхающая подъ тяжкимъ бременемъ неудобносимыхъ бѣдствій, Психея! не оскверняй водъ моихъ плачевною швоей смертію, и не дерзай также присупать къ страшнымъ симъ овиномъ, доколѣ солнце раскаленными лучами несносный производитъ жаръ: ибо они тогда свирѣлы и неустрашимы буду-

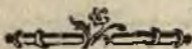

чи острою рогъ своихъ и ядоносными зубами пронзающъ всѣхъ приближающихся, и язвы отъ ихъ жестоко-сти полученныя бываютъ смертоносны. Теперь сокройся лучше подъ симъ тѣ-ниснымъ кленовымъ деревомъ, кото-рое сія рѣка равно какъ и меня про-хладными орошаетъ струями, и ког-да уже полдневный зной преидетъ, и сіи живошныя не столько будучи лю-ты и свирѣпы возлягутъ вдоль по бе-регу для отдохновенія на свѣжемъ и прохладномъ воздухѣ, тогда поди въ сей ближній лѣсъ, гдѣ много найдешь злашаго рунъ, побою желаемого. Ибо сіи живошныя ходя между густы-ми деревьями и колючимъ терномъ, зацѣпляются шерстью за вѣтви суко-вашия. Такимъ образомъ простосер-дечной и человѣколюбивой кустъ по-лезные давалъ совѣты томимой Пси-хеѣ; она послѣдуя имъ и наблюдая все съ возможною осторожностію, на-брала премножество золотой шерсти безъ всякой опасности, и потомъ от-несла сей драгоценной даръ Венерѣ. Однако и симъ вторымъ и весьма бѣд-ственнымъ своего послушанія опытомъ не могла она ушолить злобы и нена-висти

висти сел Богини, которая съ гнѣвнымъ видомъ и негодованіемъ, являя при томъ язвительную усмѣшку ея не удовольствіе показующую: мнѣ извѣстно, говоритъ Психеѣ, кто вспомошествовалъ тебѣ и подалъ довольныя средства къ исполненію воли моея и въ семъ равно шель пагубномъ случаѣ. Но я еще хочу испытать благоразуміе твое и неустрашимую бодрость; видишь ли ты сію гору и на ней возвышенный, ушѣсисный холмъ, съ котораго черныя стремятся источники и разливая свои мрачныя воды на ближней долині, напояютъ Спикскія болота и усугубляютъ волны Коцица? поди немедленно, и въ семъ сосудѣ принеси мнѣ сего воды почерпнувъ ея въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается она свое теченіе. Въ ту же минуту подаетъ она Царевнѣ хрустальной сосудъ сдѣланной весьма искусно и претитъ самымъ жестокимъ образомъ, если не исполнишь ея повелѣніе.

Психея стремясь туда съ поспѣшностію, восходитъ на холмъ крушой горы, надѣясь тамъ прекратить всѣ свои мученія. Но приближась къ сему страшному мѣсту, видитъ не избѣж-

ную себѣ гибель, и что не возможно исполнить предпріятого намѣренія. Ибо страшный по своей величинѣ, при томъ невриступный по причинѣ крутыхъ утѣсовъ камень отпрыгаетъ изъ своихъ разсѣлинъ и челюстей ужасныя воды, кошорыя изъ вершины въ минуту упадая изъ пространнаго жерла, и спремься при томъ по скамъ горы, шеряются въ глубокой спези весьма узкаго прохода, и неспрямѣнно изшкаютъ на ближнюю долину. Изъ двухъ пещеръ находящихся по обѣимъ сторонамъ сего источника два страшные дракона простираютъ свои головы; обманчивый сонъ никогда не могъ сомкнуть ихъ недремлющихъ очей, и они вѣчно бодрствуютъ въ семъ ужасномъ мѣстѣ. Наконецъ воды сіи по видимому сами себя защищаютъ какъ своимъ быстрымъ теченіемъ, такъ равно и шумнымъ гласомъ, повторяющимъ въ волнахъ ужасныя слова: *удались, что дѣлаешь? страшился, что предпріемлешь? бѣги, спасайся, ты стремишься къ гибели.* Непреодолимою сею трудностію смущилась Психея и стояла подобна каменной статуѣ. Она присутствовала въ семъ мѣстѣ единымъ только тѣломъ, но

но душа ея и чувства, какъ будто уничтожились. Впрочемъ несноснымъ сей опасности брежемъ споль была ошлягощена, что отъ чрезмѣрной печали не могла она пролить ни единой слезныя капли, для своего утѣшенія.

Но сія невинно спраждающая и гонимая дѣва не могла сокрыться отъ всевидящихъ очей божественнаго промысла. Ибо Скиптроносецъ Юпитеровъ быспропарящій орелъ мгновенно распрощерши крилъ свои ниспускается съ высотъ холмистаго Олимпа, и твердо помня оказанную себѣ Купидономъ важную услугу, когда онъ подъ руководствомъ сего бога любви похитилъ щастливо прелестнаго для небожителей виночерпца Ганимеда, прилетаетъ къ Психеѣ съ желанною помощію, и почитая величество и честь Купидонову въ лицѣ несчастной и угнѣбшаемой его супруги: Любезная Психея, говоритъ онъ ей, ты весьма простосердечна и еще не имѣла ни какихъ опытовъ на свѣтѣ къ своему наученію, естли надѣешься, что изъ сего священнаго и не меньше ужаснаго источника можешь тайнымъ образомъ похитить хотя

В 5

одну

одну каплю воды, Знай, ты не можешь къ нему и приблизиться: или ты ни отъ кого не слышала, что сіи Спикскія воды не токмо другимъ не божителямъ, но и самому державному Юпитеру спрацны, и что боги клянущя Спиксомъ, равно какъ живущіе на земли клянущя богами. Но дай миѣ изъ рукъ твоихъ сосудъ. Въ ту же минушу пернатый сей орелъ пріѣвъ его отъ Психеи и воскресившись на высоту, стремится къ источнику, гдѣ лешая то по сію, то по другую сторону между зіяющими драконовъ челюстями почерпаетъ въ сосудъ воды, которая противишя ему и остерегаетъ впрочемъ, дабы оплелѣлъ безвреденъ, но онъ утверждаетъ, что сама богиня любви и красоты повелѣла ему исполнить такую должность, и что сія вода ей отнесется. Чрезъ сію удачную хитрость успѣлъ онъ въ своемъ предпріятіи съ меньшею трудностію; онъ оплелаетъ и въ руки Психеѣ отдаетъ сосудъ наполненной водою. Она принявъ его съ радостию возвращается къ Венерѣ съ симъ желаннымъ даромъ. Однако и сіе не дѣйствительно было для ушоленія

ніа

нїя мстительной ярости сея богини, которая съ вѣщшею догадкою и огорченіемъ угрожаетъ Психеѣ, что она ее подвергнетъ новымъ и лютейшимъ напастямъ: безъ сомнѣнія, говоритъ ей, ты хитрая волшебница, когда могла столь удачно и безъ всякаго себѣ вреда исполнить мои повелѣнія. Однако еще должна ты мнѣ показать нѣкоторую маловажную услугу: возьми сію коробочку и поди съ нею въ царство мертвыхъ, въ самыя глубокія Плутоновы селенія, и представь предъ лице владѣтельница ихъ Прозерпины, подай ей сію коробочку и скажи: Венера проситъ тебя, чтобъ ты послала ей не много своей красоты, которая нужна ей на одинъ только день, ибо она печалась о болѣзни Купидоновой собственной красоты лишилась. Получивъ сіе, возвращайся немедленно; я должна употребивъ для себя ея красоту явиться въ собраніе боговъ.

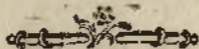
Психея возчувствовала тогда всю жестокость своей судьбы, она ясно видѣла, что скорая и неминуемая гибель для ней готовится, и могла ли она помышлять иначе, когда ее при-
ну-

нуждають самовольно повергнуться во мрачной шаршаръ? Не перья времени снѣдитъ она къ одной превысокой башнѣ, желая съ высоты спремглавъ броситься на землю. Она разсуждала, что сіе средство самое лучшее и способнѣйшее для схожденія во мрачность адскую. Но вдругъ башня сія говоритъ ей: Для чего несчастная Психея хочешь ты прекрапити свои дни такимъ постыднымъ образомъ? для чего съ такою слабостію очарваешься ты при семъ послѣднемъ уже бѣдствіи, которому Венера должна тебя подвергнуть? Если душа твоя единойды разлучится съ тѣломъ, безъ сомнѣнія сойдешь ты во адъ, но уже оштолѣ никогда и никакимъ образомъ не можешь возвратиться. Послушай меня Психея: знаменитый Ахейскій городъ Лакедемонъ опстоитъ не далеко отъ того мѣста, поди къ нему и близъ его предѣловъ, припомъ въ мѣстахъ сокрытыхъ и удаленныхъ въ сторону, сыщи Тенарь, (з) которой

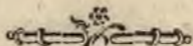
не

(з) Тенарь Лаколической мысѣ, близъ котораго находишся пещера, почитаемая отъ стихотворцевъ дорогомъ во адъ.

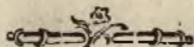
не что иное, какъ только адское от-
верстiе и врата къ Плутону, ты
увидишь тамъ непроходимой и ус-
кой путь, кошорой прямо тебя пове-
дешъ въ царство тѣней. Впрочемъ
знай, что не можешь ты въ сiя тем-
ныя жилища безъ всякаго иппи запасу,
но должна имѣть въ обѣихъ рукахъ
по одной ячмѣнной лепешкѣ испечен-
ной съ медомъ, и припомъ носи во
рту своемъ двѣ монеты, хошя самой
ниской цѣны. Будучи уже почти на
половинѣ сего смертоноснаго пути, уви-
дишь ты хромага (и) осла везущаго
дрова и за нимъ погонщика также хра-
мага, кошорой будешъ тебя просить,
чтобъ ты подняла упавшихъ съ возу
нѣсколько полѣнъ, однако ни говоря
ему ничего проходи мимо. Ты при-
ближишься наконецъ къ рѣкѣ мерт-
выхъ, гдѣ перевозчикъ Харонъ ожида-
етъ себѣ отъ приходящихъ достойной
платы, ибо онъ безъ того ни едиаго
мертвеца не перевозитъ на другой бе-
регъ рѣки . . . — Какъ! прсрвала
рѣчь

(и) Сiя басня до нашихъ временъ не до-
шла, и потому, что значить, ссвѣтъ
не извѣстно.

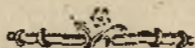
рѣчь сію Психея, уже ли сребролюбіе и въ самомъ адѣ обитаетъ? Уже ли Харонъ, и сильной Паръ шѣней, толь въпрочемъ великій богъ за ничто ничего не дѣластъ? бѣдной челобѣи умирая долженъ ли пещися о деньгахъ, и естли не будетъ оныхъ имѣть, уже ли ни кто умереть ему не позволишь? — Ты сему златолюбивому и гнусному переводчику отдай одну монету, но съ шѣмъ только, чѣмъ онъ самъ взялъ ее изъ своего рта. Плывая чрезъ сіи печальныя воды увидишь ты страшный призракъ мертваго старика (і) подѣмлющій къ тебѣ свои согнившія руки и просящій, чѣмъ ты приняла его въ лодку, не слушай его и не будь сожалительна къ его несчастію; иначе сама невозвратно погибнешь; переправившись черезъ рѣку и не много прошедши дороги, увидишь ты престарѣлыхъ женщинъ шкущихъ разныя полотна; они будутъ тебя просить, чѣмъ ты имъ помогла хо-
тя

(і) И сія баснь такожъ отъ насъ скрыта.

тя на одну минуту, не слушай ихъ прозбы и не дерзай ниже перстомъ прикоснуться къ ихъ рукодѣлю: ибо искушенія сн ни что иное, какъ свѣти распроспертыя для тебя Венерою, дабы ты хотя одну лепешку изъ рукъ своихъ упустила; и не думай, чтобъ потеря одной лепешки была мало-важна; ибо лишившись ея уже никогда солнечнато не увидишь свѣта. Предъ вратами чертоговъ Прозерпинныхъ лежишь преглавный Церберъ видомъ и величиною преспашной; онъ изъ трехъ своихъ челюстей ужасный испуская лай, вообще старается устрашить мертвецовъ, которымъ никакого зла не можеть сдѣлать. Онъ днемъ и ношю хранитъ врата сихъ мрачныхъ и печальныхъ чертоговъ, бросивъ изъ рукъ своихъ одну лепешку минуешь ты его безъ всякаго страха и опасности, потомъ достигнешь Прозерпинныхъ чертоговъ, которая приметъ тебя весьма благосклонно и проситъ будетъ учтиво, чтобъ ты сѣла на мягкой златошканной коверъ, и притомъ представитъ тебѣ великолѣпной столъ. Однако ты ни единой ея прозбы не исполняй,

на-

напротивъ того сядь просто на землю и для пищи своей похребуй кусокъ чернаго хлѣба. Наконецъ изъяснивъ ей причину твоего прихода въ царство мертвыхъ, прими отъ нее, что она тебѣ дастъ и возвращаясь обратно повергни оставшуюся лепешку Церберу, чтобъ вторично избѣжать его свирѣпства, попомъ сребролюбивому Харону послѣднюю отдавши монету и переплывъ рѣку, возвращайся тѣмъ же стезями, которыми шла ты во адъ, и такимъ образомъ безъ всякаго себѣ вреда увидишь ты обратно согласное свѣтъ небесныхъ расположеніе. Но паче всего берегись ты открывать несомую коробочку, и не будь толь слаба, чтобъ любопытствовать и смотрѣть какое сокровище божественной красоты будетъ въ ней заключаться. Симъ образомъ башня вдохновенная свыше научила Психею, и даваа совѣты, какъ ей должно поступать во адъ.

Немедленно Психея, спѣшитъ къ Тенару, и првугошова двѣ Лепешки и двѣ монеты, вступаешъ на дорогу, ведущую къ тѣнямъ мертвыхъ, она проходишь въ безмолвіи храмаго олова

не-

погонщика, отдаетъ одну монету Харону за перевозъ, не внимаетъ прозьбамъ гнуснаго шарика, плавающего въ волнахъ Стикса, презираетъ всѣ убѣжденія коварныхъ старухъ, шкующихъ различныя полотна; и усыпивъ ярость Церберову, бросивъ ему одну лепешку, входитъ она въ чертоги Прозерпины, гдѣ отрекшись отъ мягкаго для сидѣнія ковра, и отъ великолѣпнаго съ Богинею обѣда, садится она просто на землю и довольствуется кускомъ чернаго хлѣба, извѣстляетъ ей причину, для которой она послана Венерою. Владѣтельница ада наполняетъ коробочку, заключаетъ ее, и отдаетъ обратно въ руки посланницѣ. Психея бросивъ оставшуюся лепешку Церберу, и отдавъ послѣднюю монету Харону, выходитъ изъ мрачнаго Эреба съ великою радостію. Увидѣвъ обратно свѣтъ солнечной, и ощутивъ въ чувствахъ своихъ животворныя силы, хотя поспѣшала она окончатъ повѣренную себѣ должность, но безумное любопытство вдругъ ея мыслию овладѣло. Не безразсудна ли я, говоритъ она сама себѣ, естли, имѣя въ рукахъ своихъ небесную красоту, не употреблю, хотя

Часть. II. В нѣ.

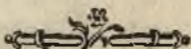

нѣкоторую изъ нея часть для умноженія моихъ прелестей, дабы чрезъ то больше понравится моему супругу, и преклонить обратно сердце его къ ушѣхамъ любовнымъ. Въ тужъ мину-ту открываетъ она коробочку, но вмѣсто красоты изходитъ изъ нея черный паръ, зловонный запахъ адскій, которой распространяется, какъ мра-чное облако, и со всѣхъ сторонъ окру-жаетъ Психею, и во всѣ ея чувства не преодолимый изливаетъ сонъ. Она пад-ши на самой дорогѣ, лежала неподви-жна, подобно, какъ бездушное тѣло. Но Купидонъ исцѣлясь отъ язвы, и не могши болѣе терпѣть Психеина отсут-ствія, вылетаетъ чрезъ окно изъ чер-ного, въ которомъ толь строго былъ стрегомъ; и какъ его крилѣ отъ долго-временнаго покоя довольно укрѣпи-лись, то быстрѣйшимъ полета своего усиліемъ мгновенно прилетаетъ къ Царевнѣ: онъ соединя весь сей паръ полъ скоро усыпляющій, заключаетъ его въ коробочку, потомъ легкимъ прикосновеніемъ одной стрѣлы, воспа-вляетъ отъ сна Психею. Несчастная, говоритъ онъ ей, ты по своему любо-пытству едва опять не погибла, но

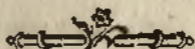
же медли, спѣши исполнить повелѣніе
моей родительницы, а о прочемъ я
самъ буду стараться. Произнесши сло-
ва сіи возлепаетъ на высоту крылатый
любовникъ, но Психея стремится съ
поспѣшностію къ Венерѣ, дабы вру-
чить ей даръ принесенной ошъ Про-
зерпины.

Между тѣмъ Купидонъ пылая лю-
бовію и страшася, чтобъ Венера не
предала его во власть прошивной ему
трезвости, прибѣгаетъ къ своимъ
обыкновеннымъ хитростямъ. Онъ у-
стремляетъ полетъ свой превыше твер-
ди небесной, и тамъ повергается къ
стопамъ Юпитеровымъ, изъясняя ему
свое несчастіе. Тогда отецъ боговъ
приложивъ къ своимъ уснамъ его нѣж-
ную руку, и облобызавъ ея съ горяч-
ностію: любезный сынъ! говоритъ ему,
хотя не имѣешь ты никогда достой-
наго ко мнѣ почтенія, какое воздаютъ
мнѣ прочіе боги, хотя сердце мое, пра-
вящее законами естества, учреждаю-
щее порядокъ и печеніе планетъ, сми-
ряющее распрю всѣхъ стихій, поль-
многими уязвлялъ ты стрѣлами, что
имя, честь и слава моя поругана яви-

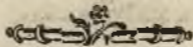

лась между живущими на земли, хотя, говорю, многократно воспламенялъ ты грудь мою прелесными земныхъ красавицъ, и чрезъ то прошиву благоприсойности, прошиву всѣхъ законовъ и учрежденій, принуждалъ меня ко многимъ прелюбодѣйствамъ, хотя, наконецъ, скрывалъ ты божественное мое величество подъ видомъ огня, змievъ, птицъ, скотовъ и другихъ живопныхъ; но я, внемля только гласу моего снисхожденія, особливо, что ты въ объятіяхъ моихъ воспіяна, пощусь прозбу твою исполнишь, и удовольствовашь при томъ все твое желаніе, но только съ тѣмъ, чтоо снисходилъ ты всѣмъ подобнымъ тебѣ любовникамъ, и при томъ, естли находится нынѣ какая нибудь прелесная на земли красавица, то пусть она дѣйствіемъ спрѣль твоихъ почувствуешъ ко мнѣ любовный пламень. Сіе должно быть знакомъ твоей ко мнѣ благодарности за ту мою услугу и благосклонность, которую тебѣ въ присутствіи всѣхъ боговъ показать я намѣренъ.

Условясь такимъ образомъ, повелѣваетъ Юпитеръ Меркурію немедленно

созвать всѣхъ боговъ въ общее собраніе, и объявить, что всѣ, которые не явятся, должны будутъ заплашить по десяти тысячъ златницъ. Страхась поль важнаго наказанія, стекаются боги со всѣхъ сторонъ и занимаетъ каждой свое мѣсто. Юпитеръ возсѣвъ на свой возвышенный престолъ, вѣщаетъ имъ съ величественнымъ видомъ: О боги! которыхъ имена чистымъ перомъ Музъ начерпаны на скрижалѣхъ Парнаскихъ, вы знаете всѣ опрока сего, воспитаннаго въ моихъ объятіяхъ. Я хочу обуздать стремленіе кипящей его младости: вседиельный слухъ и повсемѣстные разговоры о его любовныхъ шуткахъ, о безпорядочной жизни, довольно уже помрачили его честь и славу. Должно прекратить всѣ пути, ведущіе младость его къ распушству, должно юношества его дерзость связать брачными узами. Онъ избралъ себѣ любовницу, похитилъ цвѣтъ ея дѣвства; и такъ пусть ею владѣетъ, пусть сочетается со Психеею, и въ нѣжныхъ ея объятіяхъ вкушаетъ любовныя утѣхи. Потомъ обратившись къ Венерѣ, а ты дочь моя, вѣщаетъ ей, ты не съшуй и не печалься, не-

страшися, чшобъ сынъ твой, сочешавшись бракомъ со смертною, помрачилъ блескъ своей породы. Я хочу, дабы ихъ состоянiе было равное, и Тименсевъ между ими союзъ не будетъ прошивенъ гражданскимъ правамъ и законамъ. Въ то же мгновенiе повелѣваетъ онъ Меркурiю вознестъ на высоту Эфира прекрасную Психею. Воля его исполняеца, онъ узря предъ throномъ своего божества сiю Царевну, подаетъ ей сосудъ исполненный Амврозiею, (и) прими, вѣщаетъ ей, прими Психея и будь безсмертна, ужѣ никогда прелестный Купидонъ съ тобой не разлучится. Я васъ соединяю узами вѣчнаго брака. Немедленно приутопляется великодушное брачное пиршество. Купидонъ и Психея занимающъ первыя мѣста, по нихъ сидѣли Юпитеръ и Юнона, и наконецъ всѣ боги, каждой по своему чину и достоинству; державный Юпитеръ принимаетъ Нектаръ изъ рукъ Ганимедовыхъ, но прочимъ небожителямъ подносилъ пище сiе Бахусъ.

Вул-

(и) Амврозiя была пища боговъ, и значитъ безсмертiе.

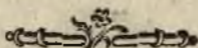
Вулканъ старался пріуготовлять (л) всѣ Ёствы. Часы и минушы, неусыпные вратѣ небесныхъ спражи, повсюду разсыпали благовонные цвѣты, прелестныя Траціи, разливая благовонные ароматы, наполнили все пріятнымъ оныхъ запахомъ. Чистыя Музы громкимъ и сладостнымъ пѣсней своихъ гласомъ, подвигли къ радости всѣ круги свѣтилъ небесныхъ. Аполлонъ игралъ на звучной лирѣ, и прекрасная любви Вогиня въ угодность новобрачныхъ, согласовала шону его пріятностію своей пляски; и когда уже девять Музъ соединили свои голоса и составили мусикійскій хоръ; то Сатуръ игралъ на своей флейтѣ, и веселый Панъ на сладкой свирѣли. Такимъ торжественнымъ образомъ сочелся Купидонъ со Психеею; въ приспѣвшее время родилась имъ дщерь, имянуемая Сладостію. (м) Такую басенку рассказы-

В 4

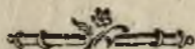
за-

(л) Вулканъ богъ огня, или самой огонь и потому прилично ему было варить и готовить кушанье.

(м) Сія богиня имѣла храмъ въ Римѣ, ея статуя представляла молодую и прекрасную особу съ видомъ и осанкою приличною Царицѣ, которая добродѣтели имѣла подъ своими ногами.

вала плѣнной дѣвицѣ сія безумная и полупьяная старуха. Я стоя отъ нихъ неподалеку, и слыша всѣ ея слова, весьма сожалѣлъ, что не могъ при себѣ имѣть ни письменной шрости, ни дщицы, чтобъ написать сію пріятную повѣсть. Не много спуселя времени, возвращающіяся разбойники опятощены добычею. Можно было примѣшпть, что они кровавое съ кѣмъ нибудь имѣли сраженіе: ибо многіе изъ ихъ были опасно ранены; однако прочіе, будучи здоровы и ошважны, оставляютъ въ злодѣйской своей пещерѣ немощныхъ товарищей, дабы лечились они, и перевязывали свои раны, а сами поспѣшаютъ принесть остаточную добычу, которую, по ихъ разгосрамъ, сокрыли они въ одномъ потаенномъ мѣстѣ. И такъ отобѣдавъ наскоро, выводятъ они меня и коня моего на дорогу, и ударяя палками, принуждаютъ насъ итти чрезъ непроходимыя и пустыя мѣста; упомясь шоль труднымъ странствованіемъ, пришли мы подъ вечеръ къ одной пещерѣ, изъ которой они взявши премножество похищеннаго сокровища, обременяютъ насъ онымъ, и не давши намъ отдохнуть ни мало,

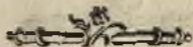
назадъ погоняютъ. Они съ такимъ страхомъ и поспѣшностію возвращались, что я не могши перенѣть учащаемыхъ ударовъ палочныхъ, споткнулся и упалъ на большой близъ дороги лежащей камень, гдѣ уязвилъ я себѣ правую ногу и лѣвое копыто, не смотря на то поднимаютъ они меня весьма неучтиво. Долго ли намъ, говоритъ изъ нихъ одинъ, кормить сего презрѣннаго, а теперь уже хромого осла? онъ принесъ къ намъ одно только несчастіе, отвѣтствуетъ ему другой, и мы доселѣ ни какой пользы отъ него не получили, кромѣ смерти и ранъ со-спрудниковъ нашихъ; кленусь вамъ, прерываетъ рѣчи ихъ прешій разбойникъ, кленусь Марсомъ, что я, какъ шолько привезетъ онъ въ пещеру къ намъ сію добычу, брошу его съ пре-высокой горы и онъ пріятною будетъ пищею хищнымъ птицамъ.

Между тѣмъ, какъ сіи милоси-вые и добросердечные разбойники столь благосклонно обо мнѣ разсуждали, уже достигли мы до своего убѣжища: ибо страхъ смерти придалъ мнѣ бы-стрые крилѣ. Тогда они облегчаютъ насъ поспѣшно отъ бремени, припомъ

не заботясь о нашемъ голодѣ, и поза-
бывъ такъ же умертвить меня, какъ
обѣщались на дорогѣ, берутъ съ собою
раненныхъ товарищей, говоря имъ, что
спѣшатъ они принести оспашечное со-
кровище, которое неблагоприятная на-
шихъ ногъ медленность, и притомъ не-
достатокъ мѣса на утомленныхъ на-
шихъ спинахъ взять имъ съ собою не
дозволили. Однако въ крайнемъ на-
ходясь безпокойствѣн, разсуждая о пре-
дложенной мнѣ погибели, говорилъ я
себѣ съ собою: чего ты ожидаешь,
Луцій? самая жестокая смерть по со-
гласному разбойниковъ опредѣленію тебѣ
назначена, и сіе исполнишь имъ весьма
удобно: видишь ли ты на сихъ утѣ-
сахъ острые камни, которые шѣло
твое, въ какое бы ты мѣсто ни палъ,
разрушатъ на мѣлкія части, Сверхъ
того Фотиса твоя любезная Волшебница
дала тебѣ только видѣ ослиной и под-
вергла прудамъ свойственнымъ истин-
ному ослу, но кожа твоя и все шѣло
ни мало не соотвѣтствуетъ своею твер-
достью шѣлу сего животнаго: (н) оно
весь-

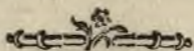
(н) Въ 3. ин. сего сочин. Апулей говорилъ о
себѣ, что кожа его отвердѣла подобно
ос-

Весьма ибжно и мяшко, и такъ для чево ты не предпримешь геройскаго намбренія, и при толь удобномъ случаѣ не стараешься о самомъ себѣ? не имѣешь ли ты къ бѣгству самаго удобнаго и благопріятнаго случая, когда здѣсь илѣтъ разбойниковъ? или боишься ты спрегущей тебя полумертвой старухи? ее однимъ хромой своей ноги ударомъ повергнуть и умертвить можешь. Но куда успремишь свое прехвальное бѣгство, и въ какомъ сокроешья убѣжищѣ? ахъ! эшо смѣшное сомнѣіе различное прямому Ослу. Ибо кто изъ прохожихъ, нашедши толь израднаго для себя бѣгуна не обрадуется и не возьметъ его съ собою? Въ шуже минушу съ возможнымъ усиліемъ прерываю ремень, которымъ былъ я привязанъ, и на всѣхъ чешырехъ ногахъ пускаюсь въ бѣгство. Однако не могъ я ушайтсѣ отъ яспребиныхъ глазъ проклятой старухи, которая увидя меня на свободѣ, прибѣгаетъ поспѣшно, и упошребляя силу и отважность болю.

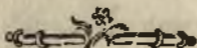
шую

ослиной, но здѣсь напропивъ описываетъ ее мяшкою. Я не знаю, какимъ образомъ формаситъ сія прѣтивная мѣста.

шую, нежели сколь лѣша ея и полѣ дозволяли, хвапается за конецъ моего поводѣ, и всѣ силы истощаетъ, чтобѣ удержашъ и привести меня обратно: однако, помня жестокое разбойниковѣ намѣреніе и вредный прошиву моеѣ жизни умыселѣ; не имѣлъ я никакой учтивости и снисхожденія къ сей старухѣ, напротивѣ того, отвѣтствуя заднихъ ногѣ ударами, повергъ ея на землю. Будучи въ полѣ смѣшномѣ положеніи, сія проклятая не упустила однако изъ рукѣ своихъ поводѣ, но держала крѣпко и за бѣгущимѣ мной влеклась нѣсколько времени по земли; она крикомѣ и жалкимѣ воплемѣ призывала въ помощь къ себѣ кого нибудѣ сильнѣйшаго; но тщетны были всѣ ея жалобы и слезы: ибо никого не было, ктобы могъ ей подать желаемую помощь, кромѣ плѣнной дѣвицы, которая услышавъ крикѣ выбѣгаетъ и видитъ достопамятное зрѣлище: видитъ она другую престарѣлую (о) Дирцею уже не быкомѣ но
хра-

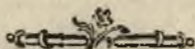
(о) Дирцея была супруга Тебанскаго Царя Анкуса, сей Государь женился на ней разведшись съ Антипоєю, отъ которой имѣлъ

храбрымъ и смѣлымъ осломъ влекомую. Сія дѣвица рѣшась на мужественное предпріятіе вырвала изъ рукъ старухиныхъ поводъ, припомъ лаская и поглаживая меня, чѣшобъ удержатъ мое стремленіе, сѣла на мою спину весьма проворно и совѣтуетъ бѣжать изъ всей мочи. Собственная моя охота къ бѣгству, и желаніе избавитъ отъ плѣну толь прекрасную дѣвицу, припомъ удары по моимъ бокамъ учащаемые сдѣлали меня уже не осломъ но быстрымъ коземъ достойнымъ рыстаній Олимпійскихъ; я старался впрочемъ ржаніемъ своимъ соотвѣтствовать ласковымъ ея словамъ, которыми она увѣщевала меня употреблять возможную скорость, и припомъ уклоняя голову на сторону, пришворяясь будто хочу почесать свои бока или спину, цѣловалъ я какъ любовникъ нѣжныя дѣвицы сея ноги.

Тог-

имѣлъ двухъ сыновей Зетя и Амфіона, которые отмщая безчестіе своей матери, убили невѣрнаго Ликуса, а Дирцею привязали ко хвосту свирѣпаго быка, которой бѣгая повсюду раздробилъ ея намѣлкія части. Боги надъ ней сжалились и превратили кровь ея въ источникъ то-гоже имени.

Тогда она воздыхая изъ глубины сердца и подѣмля къ небесамъ томные очи: щедрые небожители, вѣщаешь печальнымъ гласомъ, испрошите помощь несчастной дѣвицѣ, гонимой несправедливымъ рокомъ, изпорчите меня изъ бездны отверстой для поглощенія моей жизни! а ты жестокая судьба престань разить грудь мою стрѣлами твоей свирѣпости. Или еще недовольно понесла я бѣдствій тобою мнѣ опредѣленныхъ? а ты услужливый и челолюбивый оселъ пекущійся о моей свободѣ и жизни, естли ты благополучно со мною достигнешь моего дому и возвратишь меня печальнымъ моимъ родителямъ и моему дражайшему жениху; то какую благодарность могу тебѣ воздать за сію услугу? гдѣ найду достойныя тебя почести? какія сладостныя пищи могу изобрѣсть для тебя, какъ для своего избавителя? во первыхъ твою гриву, расчесавъ искусно, украшу своими перлами, шерсть на твоей головѣ разобравъ, завью кудрями, притомъ волосистой, но по не радѣнію прошивной взору твоей хвостѣ не премину расчесать и сдѣлать пріятнымъ: словомъ, весь на тебѣ позлащен-

ный

ный уборъ сіяль будетъ какъ звѣзды, и когда ты явишься на спогнахъ въ такомъ великолѣпн, весь народъ успрямится за тобою съ радостнымъ восторгомъ, всякой день сама буду приносить тебѣ въ шелковой корзинѣ самую лучшую пищу, которая бы достойна была моего несравненнаго благодѣтеля. И при сихъ сладостныхъ ѣствахъ при семъ безмятежномъ спокойствіи честь и слава безсмертная соединялся съ твоимъ именемъ: ибо я оставлю достопамятный знакъ моей судьбы и божескаго къ намъ снисхожденія: я прикажу бѣгство наше изобразить на картинѣ самую лучшею живописью, и поставлю ее въ большой залъ нашего дому; всѣ будутъ на нее смотрѣть и удивляться; и сія повѣсть пронесется во всѣ предѣлы свѣта, позныя попомки будутъ ее чашать въ книгахъ славныхъ сочинителей; гдѣ будетъ написано: *рожденная отъ знаменитой крохи дѣвица, сидя на ослѣ избавляетъ себя отъ плѣну.* Сіе приключеніе почищаться будетъ въ числѣ древнихъ и чудныхъ рѣдкостей. Ты примѣромъ своимъ докажешь всѣмъ, что Фриксъ преплылъ чрезъ море.

Аріо

Аріонъ избавился отъ волнъ на хребтѣ Дельфиновомъ, и Европа точно похищена тельцомъ, и естли истинно, что Юпитеръ превратился въ образъ тельца, то можешъ бышь также подъ видомъ моего осла скрытъ какой нибудь смершной, или небожитель.

Когда сія дѣвица соплетала мнѣ поль лестный похвалы, и проливая мольбы къ небесамъ, стѣсняла грудь свою воздыханіями, достигли мы одного мѣста раздѣляющаго дорогу на двѣ стороны. Она взявши узду обращала меня въ право, ибо дорога сія лежала къ дому ея родителей, но я знаа, что разбойники симъ же путемъ пошли за ошачочною своею добычею, пропивилса ей упорно: что ты предпріемлешъ нещастная дѣвица, говорилъ я самъ себѣ, что дѣлаешъ, для чего съ такою поспѣшностію и притомъ самовольно устремляешся во адъ? для чего меня понуждаешъ на путь ведущій насъ обоихъ ко врагамъ смерти? споря такимъ образомъ, какъ будто о предѣлахъ царства, или о наследственной землѣ, встрѣчены были мы разбойниками, которые возвраща-
лись

лись тогда съ похищеннымъ сокровищемъ: они при лунномъ свѣтѣ узнавъ еще издалека, кто мы таковы, и приближась поздравили насъ самымъ язвительнымъ образомъ: куда вы поспѣшаете, говоритъ одинъ изъ нихъ, куда спрѣмѣшься въ шоль позднее время? или ни мало не страшашъ васъ злые духи и разныя привидѣнїя, которыя обыкновенно бѣгающъ повсюду во время темноты ночной? или сія добродушная дѣвица хочетъ тайно поспѣшить своихъ родителей? но мы ей дадимъ спутника и при томъ лучшайшую покажемъ дорогу, по которой можешъ возвратиться въ домъ свой. Окончавъ сіи слова, хватаетъ онъ меня за узду, и поворачиваетъ назадъ, не забывая при томъ награждать спину и бока мои шолспой и суковатой дубиною. Тогда, видя, что насильно меня влекушъ на смерть, вспомнилъ я о своемъ раненомъ копытѣ и началъ хромать. О! о! бездѣльникъ сказалъ онъ мнѣ, ты хромлешъ теперь еще больше, нежели какъ прежде? свои благоразумныя ноги весьма быспры для бѣгства, но чтобъ итти къ пещерѣ нашей, ужели они совсѣмъ осла-

Часть II. Г бѣли?

бѣли? давноли скоростію своею превосходилъ ты крылатаго Пегаса? между тѣмъ какъ забавной сей спутникъ шутилъ надо мною и гладилъ меня палкою безъ милосердія; продолжали мы путь свой далѣе и приблизились наконецъ къ первой убѣжища ихъ оградѣ: мы увидѣли шамъ на высокомъ кипарисѣ висящую старуху, которая обыкновенно жила въ разбойничей пещерѣ. Они ее опхвзавъ бросили съ высокой горы въ стремнину вмѣстѣ съ веревкою, которою она удавилась. Потомъ несчастную дѣвицу крѣпкими связавши узами, немедленно, какъ голодные волки, устремились они къ мясу, которое пріуготовляла для нихъ старуха, и пожирая все то съ великою жадностію начинаютъ между собою разсуждать, какимъ бы образомъ и съ вящею лютостію насъ умертвить, и чрезъ то опомстить намъ за наше бѣгство. Но мнѣнія были несогласны, какъ обыкновенно бываетъ въ собраніи грубыхъ и буйныхъ людей: одинъ говоритъ имъ, чтобъ плѣнницу должно сожечь живую, другой совѣтуетъ бросить ее на расхищеніе звѣрямъ третій утверждаетъ, что она достойна висѣлицы,

на-

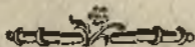
наконецъ четвертаго мѣнѣе было, чтобы разнаго рода испязаніями наказати ея невѣрность, и умертвиши ея мучительнымъ образомъ. Крашко, хотя ихъ мысли были различны, но всѣ единогласно поносную и жестокую смерть сей плѣнницу опредѣлили. Тогда одинъ изъ нихъ, подавая знакъ къ молчанію началъ говорить такимъ образомъ: какъ правамъ нашего общества, такъ равно и милосердію каждаго во особености, сверхъ того и моею кротости весьма неприлично, чтобы наказывать сію дѣвицу толь немилосердо, а особливо когда погрѣшность ея такой свирѣпости не заслуживаетъ; звѣри, висѣлица, огонь и другія испязанія, припомъ скорая смерть не должны быти участію нашей плѣнницы; и такъ послушайте, прошу, моего совѣта, позволимъ наслаждаться жизнью сей коварной дѣвицы, однако такую, какую она заслуживаетъ: вы помните, я думаю, любезные поварищи, по намѣренію, которое предпріяли мы въ разсужденіи сего дѣливаго осла, но впрочемъ великаго прожоры, и которой недавно быспрошою ногою своихъ успѣшествовалъ къ бѣгству нашей

Г 2

плѣн-

пѣвницѣ, и послѣ припрорился хромымъ, и пошому совѣтую вамъ умертвить его завтра и вынять изъ желудка всю внутренность, а послѣ дѣвицу сію, которую онъ намъ предпочелъ, посадишь въ его пустое брюхо нагую, такимъ образомъ, чшобъ одна голова ея была наружи, а все прочее тѣло защито накрѣпко въ желудкѣ. Потомъ внесемъ начиненнаго осла на гору и поставимъ прошивъ зноя солнечнаго, и такъ оба они претерпятъ все, что вы ни опредѣлили своею справедливостію: оселъ умретъ, чего уже онъ давно достоинъ, а дѣвица будетъ нищею звѣрямъ, ибо ея заѣдятъ черви, будетъ также подвержена свирѣлости огня, поелику солнечный жаръ сожжетъ ея лице, испытаетъ наконецъ мученіе свойственное повѣшеннымъ, когда псы и плошоядныя птицы расперзаютъ ея утробу. Представте себѣ и другія мученія, которыми она подвержена будетъ: заключится живая въ желудкѣ мертваго осла, непрестанно будетъ ощущать несносный и зловонный запахъ. Всегдашній голодъ изнуритъ ея все тѣло, при томъ не имѣя своихъ рукъ на свободѣ, не можетъ она само-

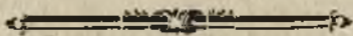
самовольною и насильственной погибнуть смертию. Толь убѣдительные и толь справедливые совѣты и доказательства слыша прочіе разбойники со всей охотою и безъ всякаго сомнѣнія ихъ подтвердили. Но я слыша долгими своими и ошвѣсными ушами толь челоуколюбивое предпріятіе, оплакивалъ только несчастный свой жребій и тѣло свое, которое въ слѣдующій день должно быть презрѣннымъ трупомъ.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ КНИГИ.

ПРЕВРАЩЕНІЕ
или
ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.

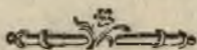

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Какъ только мгла ночная возвратомъ багряныя зари уничтожилась, и быстрая Фебова колесница блескомъ своихъ лучей освѣщала твердь небесную; вдругъ приходитъ къ нашимъ мучителямъ одинъ разбойникъ, которой былъ ихъ товарищъ, какъ видно было по взаимнымъ и дружескимъ ихъ привѣщаніямъ. Онъ сѣвши при самомъ входѣ пещеры, и собравъ свои силы чрезъ малое отдохновеніе, ободряетъ ихъ сею вѣспію: Въ разсужденіи Милонова дому, недавно въ Типатей нами разграбленнаго нѣтъ никакого страха, и мы безъ всякаго сомнѣнія

нія находимся теперь въ безопасности: ибо, какъ только вы, храбрые мужи взявъ съ собою все похищенное богатство, возвратились въ сіе наше убѣжище, то я, вмѣшавшись въ толпу народную и притворясь печальнымъ и соболѣзующимъ о такомъ несчастномъ приключеніи, съ крайнимъ вниманіемъ слушалъ все, и чтобъ васъ подробно и точно по вашему приказанію о всемъ послѣ увѣдомить, примѣчалъ, какія иредпріимутъ мѣры, дабы узнать виновниковъ такого злодѣйства, и какія употребятъ средства и способы для ихъ поисковъ; однако по щастію нашему весь народъ общимъ согласіемъ, утверждаясь впрочемъ на слабыхъ догадкахъ; но представляя убѣдительныя и вѣрныя доказательства и знаки, обвинялъ въ семъ грабежѣ какого-то Луція: всѣ говорили, что сей Луцій за нѣсколько дней прежде пришедши съ ложнымъ о себѣ одобрительнымъ письмомъ къ Милону, и показывая себя притворно честнымъ и добрымъ человекомъ, вкрался къ нему въ любовь, и будучи принятъ, какъ желаемой гость, жилъ въ домѣ сего простосердечнаго шарика свободно, и почитался

искреннимъ его другомъ ; но препроводивъ нѣскольکو времени въ семъ домѣ обольстивъ онъ служанку Милонову , и притворясь въ нее влюбленнымъ , примѣчалъ всѣ замки и запоры дверныя , и при томъ кладовую , въ которой заключалось Милоново серебро и все прочее сокровище. Къ сямъ доказательствамъ присовокупилось еще важнѣйшее : ибо всѣ говорили , что Луцій въ ту же самую ночь и въ самое время сего злодѣйства убѣжалъ , и доселѣ неизвѣстно , гдѣ онъ находится ; и при томъ для поспѣшности въ своемъ бѣгствѣ , дабы скорѣе въ потаенномъ и безопасномъ укрытѣи мѣстѣ , чтобъ его не догнали посланные сыщики , увелъ съ собою своего бѣлаго коня. Наконецъ нашли его слугу снѣгаго въ Милоновомъ домѣ , и заключили въ градскую темницу , чтобъ показалъ онъ сообщниковъ и товарищей , которыхъ господинъ его Луцій имѣлъ въ семъ злодѣйствѣ : въ слѣдующій день мучили сего несчастнаго самымъ жестокимъ образомъ и подвергли въ сей строгости правосудія , однако онъ ни въ чемъ не захотѣлъ признаться , и доказывалъ себя нимало невиннымъ. Впрочемъ

мно-

многихъ градскихъ служителей послали въ отечество Луцѣво, дабы сыскать его и наказашь сразмѣрно его злодѣйству.

Слыша такія вѣсти отъ разбойника, и сравнивая предтекшую благополучную жизнь Луцѣву съ жизнью и со-спояніемъ презрѣннаго и несчастнаго осла, во образъ котораго превратилъ меня рокъ непредвидимый, воздыхалъ я изъ глубины моего сердца. Я разсуждая самъ съ собою видѣлъ ясно, что древніе наши мудрецы справедливо *фортуну* именовали *слѣпою* (а): ибо она благодѣянія свои на незаконныхъ и недостойныхъ людей изливаетъ,
и

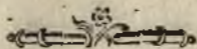
(а) Язычники почитали *фортуну* божествомъ, имѣющимъ во своей власти все счастливые и несчастные случаи. Но Философы называли ее *слѣпою* и *безумною*: *слѣпою*, поелику она благопріятенствуетъ недостойнымъ людямъ, и не имѣетъ никакого уваженія къ заслугамъ и добродѣтели; *безумною*, поелику она всегда летаетъ, и ежеминутно разрушаетъ свои собственные дѣла. Въ Аѳинахъ сдѣлана ей была статуя, которую Плутоновъ, Богъ сокро-

и безъ всякаго разсудка и различія избираетъ себѣ любимцовъ. И что я говорю? она съ тѣми только обращается, и тѣмъ благопріятствуетъ, которыхъ, естлибы имѣла очи, должна вѣчно презиратьъ и ненавидѣть; но что всего несноснѣе, и лютѣе, она различныя и совсѣмъ пративныя о смершныхъ разглашаетъ мнѣнія: честной и добродѣтельной человѣкъ почитается нерѣдко преступникомъ и злодѣемъ; но порочной и злостію дышущій часто славится именемъ добраго и невиннаго чловѣка. Наконецъ я, несправедливымъ и жестокимъ съ ударомъ поверженъ будучи въ шель презрѣнное и бѣдственное состояніе, въ какомъ нахожуся нынѣ, и которое въ самомъ порочномъ и свирѣпомъ сердцѣ можетъ воспламенить

ко

ескровица и богатства держалъ въ своихъ объятіяхъ. На медаляхъ изображалась она богинею стоящею на олтарѣ и держащею въ одной рукѣ рогъ изобилія, а въ другой корабельной руль, и сіе значило, что она всѣмъ свѣтомъ управляетъ. Индѣ изображали ее также сидящею, имѣющею подъ лѣвымъ плечомъ рогъ изобилія, но правымъ локтемъ опершуюся на колесо: такой видъ означалъ се иеноспомяство!

ко мнѣ искру сожалѣнія, и чувствительности, я вижу себя обвиняема въ разграбленіи дому такого человѣка, котораго я почишаю своимъ гостепріицемъ и своимъ искреннимъ другомъ. Сіе злодѣйство, естлибы я въ немъ былъ виновенъ, не разбойничесствомъ только, но опцеубійствомъ бы назваться должно было. Но къ вѣщшему несчастію не могъ я защищать себя, или хотя однимъ словомъ доказать свою невинность. Однако потерявъ все терпѣніе, и чтобъ совѣсть не перзала меня, будто я молчаніемъ своимъ признался въ подлѣ жестокомъ поступкѣ хотѣлъ я произнести одно сіе слово: *нешинопатъ*. Однако первой только слогъ повторялъ я нѣсколько разъ громкимъ голосомъ, а послѣднихъ не могъ докончать, сколько ни изгибалъ свои опвислыя губы; и такъ остановился на семъ слогѣ, *не, не*, и повторялъ его многократно. Но могли ли я изчислить всѣ жестокости фортуны, когда она во злобѣ своей не успѣдила подвергнуть меня тойже участи и тому же рабству, которому и конь мой подверженъ?

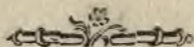
Волнуясь такими о свирѣпствѣ фортуны размышленіями, ощутилъ я
въ

въ сердцѣ своемъ еще чувствительнѣй-
шую печаль: ибо вспомнилъ я намѣре-
ніе и совѣтъ разбойниковъ, по кошо-
рому рѣшились они принести меня въ
жертву шѣни молодой дѣвицы, участницы
моихъ бѣдствій. Я посматривая на свое
брюхо, мечталъ, что уже разрѣшаюсь отъ
бремени сею несчастною плѣнницею. Но
разбойникъ, которой принесъ имъ вѣсть,
какимъ образомъ, и сколько впрочемъ
несправедливо и ложно меня обвинили,
вынявши тысячу золотыхъ, которые
были зашиты въ его плащѣ, отдалъ
ихъ въ общую казну, какъ челоуѣкъ
щедрой и некорыстолюбивой, говоря
при томъ что онъ сіи деньги отнялъ
у разныхъ путешественниковъ. На
конецъ спрашиваетъ ихъ о здоровьѣ
прочихъ товарищей, и узнавъ, что мно-
гіе изъ нихъ и самые мужественнѣйшіе
погибли при разныхъ случаяхъ, гдѣ
показали они безсмертные храбрости
своей опыты, совѣтуетъ на нѣсколько
времени прекратить разбойническое свое
искусство, и не производить грабежей
на большихъ дорогахъ; но помышлять
лучше, и стараться, какъ бы новыми
товарищами наполнить и замѣнить
число погибшихъ, и неустрашимое свое

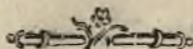

Воинство привесть чрезъ по въ таку-
юже силу, какою оно цвѣло прежде ;
кто не захочетъ съ нами соединиться ,
продолжалъ онъ , того страхомъ и
угрозами принудимъ ; но кто само-
вольно пожелаетъ вступить въ наше
общество , того ободримъ обѣщаніемъ
награды. Впрочемъ много найдется та-
кихъ людей , которые не могли тер-
пѣть несносной подаши и рабскаго сво-
его состоянія , и не хотя зависить отъ
тиранской власти , съ охотою согласи-
ся на ихъ предложенія. Что ка-
сается до меня , говорилъ онъ ; то
я стараясь о пользѣ нашего сообщества,
уже давно разговаривалъ съ однимъ
молодымъ человѣкомъ , который собою
высокъ , здоровъ всѣмъ шѣломъ и хра-
броу удивительной ; я ему совѣто-
валъ , и наконецъ убѣдилъ , чтобъ
онъ свое мужество и силы тщетною
празностию истощаемыя обратилъ къ
чему нибудь лучшему , припомъ поль-
зовался бы крѣпостию своего здоровья,
доколѣ еще время дозволяетъ ; и чтобъ
рожденную къ геройскимъ подвигамъ
десницу употребилъ онъ лучше для
разхищенія сокровищъ , нежели для при-
нятія бѣдной милостыни. Всѣ разбой-
ники

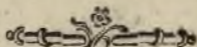
ники толь благоразумной совѣлѣ похвалили, и вознамѣрились принять въ свое сообщество такого достойного юношу, а при томъ общимъ согласіемъ опредѣлили искать и другихъ ему подобныхъ, дабы число ихъ воинства наполнилось.

Тогда сей разбойникъ выходящъ немедленно вонъ, и спустя нѣсколько времени, возвращается обратно, ведя съ собою юношу, котораго онъ общалъ, и съ которымъ ни кто изъ находившихся разбойниковъ въ пещерѣ не могъ сравниться: ибо сверхъ того, что былъ онъ толстѣ, силенъ и здоровъ, превышалъ въ разсужденіи роста своего, цѣлою головою всѣхъ шутъ бывшихъ разбойниковъ, и при томъ такъ молодъ, что едва еще начали у него показываться усы. Но платье на немъ было изъ многихъ и разноцвѣтныхъ лоскутковъ сшитое, и столь узкое, что не могъ онъ имъ прикрыть всего тѣла, но грудь его и брюхо, будучи на ружи удивляли всѣхъ своей шучностью и толстотою. Въ такой великолѣпной одеждѣ вшедши, здравствуйте, говоритъ онъ, храбрые
 мужи,

мужи, не устрашимые питомцы Марсовы. Я васъ почитаю уже своими вѣрными товарищами, удоспойте принявъ благосклонно шакого челоуѣка, которой, исполненъ будучи мужества и неустрашимости съ сердечнымъ желаніемъ хочеть повиноваться законамъ вашего общества, и которой охотнѣе подвергаетъ шѣло свое спрѣламъ и острію меча, нежели принимаетъ деньги своими руками, и котораго самая смерть, только прочихъ устращающая, дѣлаетъ безстрашнѣе и опважнѣе. Наконецъ не думайте, чтобъ я былъ какой нибудь несчастной и презрѣнной бѣднякъ, не судите о мужествѣ моемъ по сей раздраной и гнусной одеждѣ. Я имѣлъ подъ своимъ предводительствомъ храброе войско, и опустошилъ всю Македонію, словомъ, вы предъ собою видите Гема (б) славнаго Фракійскаго разбойника, единымъ именемъ своимъ приводящаго въ прѣпелъ всѣ окрестныя предѣлы, рожденнаго при-

(б) Слово сіе Гемъ происходитъ отъ Греческаго *αιμα*, что значитъ кровь, и потому оно весьма прилично кровожадудемуму разбойнику.

припомѣ знаменитымъ Терономъ, (в) разбойникомъ бозсмертной славы достойнымъ, которой воспишалъ меня среди ирвопролитія, и убійства, и учинилъ достойнымъ наслѣдникомъ своей неустрашимой храбрости. Но я по нещастію въ краткое время потерялъ всѣхъ своихъ мужественныхъ воиновъ и лишился безчисленнаго сокровища пріобрѣщеннаго собственною моею отважностію: ибо я по своей безрасудной неосторожности на одного Вельможу, которой собиралъ оброкъ для Кесаря съ его провинцій, напалъ въ то самое время, когда онъ, будучи завистливою гонимъ фортуною, ѣхалъ въ ссылку въ назначенное мѣсто. Но чтобъ лучше объяснить вамъ сіе происшествіе, дозволюте мнѣ начать его, и продолжите до конца.

При дворѣ Кесаря былъ одинъ человекъ знаменитъ породою, достоинствомъ и заслугами, и котораго самъ Кесарь любилъ паче прочихъ и оказывалъ всегда ему особенные знаки своей

милости

(в) Теронъ значитъ злѣря, или жестокаго.

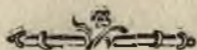
милости и благодѣяній. Но злобою завистниковъ будучи оклеветанъ предъ Государемъ, лишился онъ своего счастья и посланъ въ ссылку. Его супруга, именемъ Плотина, женщина рѣдкаго цѣломудрїя и вѣрности, которая уже десятымъ опъ бремени своего разрѣшенїемъ умножила домочадство, вознамѣрилась ему сопутствовать: она презрѣвъ роскошь и забавы градской жизни восхопѣла бытъ участницею его изгнанїя и бѣдствїй, для сего обрѣзавъ свои власы и переодѣвшись въ мужеское платье, опоясала себя многими поясами наполненными золошомъ и драгоценнымъ каменемъ. И въ семъ состоянїи слѣдовала за нимъ безъ прерыва посреди воиновъ его спрегущихъ и среди мечей обнаженныхъ; она прїемля супружное участїе во всѣхъ его напастяхъ, и бодрствуя неусыпно о безопасности его жизни, претерпѣвала съ мужественнымъ великодушїемъ всѣ печали, гоненїя и всендневное сѣшванїе. Уже испытавши разныя бѣдствїя и трудности на сухомъ пупи встрѣчающїеся, и подвергаясь ужасу и опасности морскихъ волнъ, плыли они къ Зацинпу, ибо на сей островъ

Часть II. Д по-

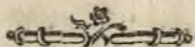

посланъ былъ несчастной вельможа на
 временную ссылку; и присталъ ко берегу
 Акційскому, на которомъ мы произ-
 водили въ то время свои грабежи оставя
 Македоню; вышли они изъ корабля
 на твердую землю, и чтобъ лучше
 успокоиться, вознамѣрились препрово-
 дить ночь въ нѣкоторой хижинѣ спо-
 ящей на берегу не подалеку отъ моря.
 Мы безъ всякаго труда вломившись
 въ сей домъ все разграбили, однако
 вышли изъ него въ великомъ страхѣ
 и опасности. Ибо какъ только услы-
 шала Площина первый стукъ разру-
 шенныхъ дверей, то устремившись
 во внутренность спальни весь домъ
 наполнила крикомъ, призывая на по-
 мощь къ себѣ воиновъ и своихъ слу-
 жипелей поимянно, при томъ не забы-
 ла она и ближнихъ сосѣдей. Но по ща-
 стию никто не отважился противить-
 ся нашей храбрости, и всякъ старался
 въ поспѣешное укрыться мѣсто, чтобъ
 собственной свой спасти животъ, и
 такъ мы безъ всякаго себѣ вреда вы-
 шли изъ дому.

Между тѣмъ сія великодушная
 и добродѣтельная женщина: (ибо я
 дол-

Долженъ говорить о ней справедливо) рѣдкими своими качествами, заслужа отъ всѣхъ почтительное уваженіе, достигла наконецъ до того, что убѣдительными и справедливыми своими прозъбами исходатайствовала у Императора скорое прощеніе своему супругу, а намъ достойную казнь за дерзкій нашъ противу ихъ поступокъ. Кесарь хочетъ, чтобъ войско мое было истреблено, его воля исполняется. Только сильно едино мановеніе Великаго Императора! и такъ всѣ мои храбрые товарищи посланнымъ отъ него полкомъ изрублены были на части; я одинъ только едва могъ избавиться отъ острія меча и по чуднымъ образомъ: ибо въ самой скорости переодѣлся въ женское платье, которое весьма было широко и пошому сразмѣрно стану моего тѣла, припомъ голову свою покрылъ сегоже пола уборомъ, и надѣлъ на ноги свои легкіе сему полу приличные башмаки; такимъ образомъ преобразясь въ женщину и сѣдши на осла, которой везъ ячменные снопы, спасся я отъ смерти, будучи впрочемъ чрезъ войско непріятельское: ибо солдаты почтвая меня поселянкою, дозволили

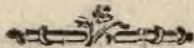

мнѣ свободный путь и шѣмъ съ мень-
 шимъ подозрѣніемъ, что я былъ тогда
 еще весьма молодъ и не имѣлъ боро-
 ды; снося великодушно сіе несчастное
 приключеніе ни мало не помрачилъ я
 славы пріобрѣщенной моимъ родите-
 лемъ, и не измѣнилъ также моей
 прежней неустрашимой храбрости;
 ибо хотя я былъ не безъ опасности
 находясь шоль близко къ полкамъ Го-
 сударевымъ; не преминулъ однако подъ
 прикрытіемъ женской одежды разгра-
 бить въ городахъ и селахъ нѣсколько
 домовъ, и собрать для себя сіе малое
 имѣніе. Въ ту же минуточку вынимаетъ
 онъ изъ своей гнусной одежды двѣ ты-
 сячи золотыхъ; и бросивъ ихъ на сре-
 дину, вопль говоритъ, подарокъ, или
 скажешь лучше приданое, которое при-
 везъ я вамъ съ собою, и я не отрица-
 юсь быть вашимъ предводителемъ, если
 вы признаете меня достойнымъ сея
 чести. Сіе каменное наше убѣжище въ
 краткое время превратится въ золотое.
 Разбойники не сомнѣваются; не мед-
 лятъ, но всѣ единогласно избираютъ
 его своимъ полномочнымъ начальникомъ-
 и выносятъ ему лучшее платье прилич-
 ное власти его и достоинству. Онъ его,

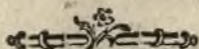

надѣвши обнимаетъ и цѣлуетъ всѣхъ своихъ новыхъ товарищей. Потомъ садятся за пріуготовленной столъ, и новому полководцу опредѣляютъ первое мѣсто, всѣ они пьютъ и ѣдятъ много, и чрезъ сіе торжествуютъ пріятіе власни шоль храбымъ и безстрашнымъ мужемъ.

Между прочими разговорами уведомляютъ они его о бѣгствѣ моемъ съ дѣвицею, и о спрашномъ способѣ, которымъ вознамѣрились казнить насъ обонхъ: спрашиваетъ ихъ, въ какомъ мѣстѣ заключена плѣнница; его къ ней приводятъ; онъ ее увидя связанну и обремененну оковами выходитъ съ пасмурнымъ негодованіемъ. Я не столько безуменъ, говоритъ онъ имъ, и не столько грубъ, чтобъ захохѣлъ противиться вашимъ намѣреніямъ, воспріятнымъ по общему совѣту: но я буду терзаться угрызеніемъ совѣсти, еслии сокрою отъ васъ полезную мысль, касающуюся до вашей выгоды. И такъ позвольте мнѣ старающемуся о вашихъ выгодахъ, говорить свободно, и объявить свое мнѣніе; когда оно вамъ не понравится, вы можете обратиться къ

своему первому намѣренію : я увѣренъ, что всѣ благоразумные разбойники ничего, и даже самое мщеніе часто для ихъ самихъ и для прочихъ пагубное, не должны предпочитать своимъ выгодамъ ; и такъ заключа въ ослиной желудокъ дѣвицу вы только удовольствуете справедливой свой гнѣвъ и не получите себѣ ни малаго прибытку : я вамъ совѣтую лучше продать ее въ какомъ нибудь городѣ : шоль пригожая дѣвица будетъ стоить не малой цѣны : я имѣю довольно знакомцевъ, торгующихъ шоль прибыточнымъ поваромъ ; и одинъ изъ нихъ, какъ я думаю, заплашитъ намъ за нее весьма дорого, дабы для вѣщей своей пользы водить ее въ блудничьи дома, изъ которыхъ она не захочетъ уже бѣгать, впрочемъ чрезъ сіе постыдное состояніе и чрезъ сей гнусной родъ ея жизни удовольствуется нѣкоторымъ образомъ вашъ гнѣвъ и мщеніе. Вотъ мой искренній вамъ и чистосердечный совѣтъ. Но вы имѣете вольность располагать всѣмъ, что касается до вашихъ мыслей и до вашей пользы. Такимъ же образомъ сей краснорѣчивой разбойническихъ дѣлъ стряпчей, пред-
спавъ

ставлялъ себя защитникомъ осла и
плѣнной дѣвицы.

Между тѣмъ долгое время ихъ
разсужденіе рѣшился, или нѣтъ, на
предложенной новымъ полководцемъ со-
вѣтъ, привело меня въ крайній
страхъ и ужасъ; наконецъ къ счастью
нашему они его единогласно подтвер-
ждаютъ, и немедленно разрѣшаютъ
плѣнницу отъ узъ, которая увидя
молодаго сего человѣка, и помня его
рѣчь обдудничьихъ домахъ, и о тѣхъ
людяхъ, которые по проспу называ-
ются сводниками, радовалась и смѣя-
лась отъ всего сердца столько, что
я по справедливости всѣхъ женщинъ на-
чалъ почитать доспойными презрѣнія.
И можно было иначе мнѣ думать,
когда я видѣлъ дѣвицу, припворящую-
ся прежде сожалѣнь о своемъ моло-
домъ любовникѣ, съ которымъ надѣя-
лась скоро брачными совокупиться уза-
ми, а теперь столько радостно отъ
единого имени безчестнаго дому?

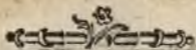
Не много спустя времени оборо-
щаясь къ разбойникамъ безтрепетной
ихъ начальникъ, для чего мы гово-

ришѣ имѣ, чтобѣ благополучно отпра-
вляешься въ путь для снисканія но-
выхѣ себѣ товарищей, и чтобѣ про-
дать молодую и пригожую дѣвицу,
для чего не принесемѣ достойной жерш-
вы Марсу, неусыпному нашего сообще-
ства покровителю, и не почтимѣ его ве-
ликолѣпнымѣ пиршествомѣ? но какѣ
я вижу, не имѣемѣ мы ни одного
животнаго для жершвы, и нѣшѣ так-
же вина довольнаго для сего торже-
ства, но пошлите со мною десять
человѣкѣ, съ которыми я безѣ всякой
опасности могу въ ближній устремить-
ся замокъ, и принести вамѣ все нужное
для поль знаменитаго праздника. Въ
ту же минуту отправляется онѣ съ
десятью товарищами; оставшіеся раз-
бойники возниѣщаютѣ великой огонь, и
ставятѣ изѣ зеленаго дерну жершвен-
никѣ въ честь побѣдоносному богу Мар-
су. Не много еще пропекло времени, и
уже посланные возвращаются неся при-
мѣха наполненные хорошимѣ виномѣ,
и гоня предѣ собою стадо скота, изѣ
котораго выбравѣ престарѣлаго и мо-
хнатую шерстью покрытаго козла, за-
каляютѣ его на жертву своему защит-
нику Марсу, и немедленно стараются
при-

пріуготовить себѣ великолѣпной обѣдѣ. Тогда новый ихъ начальникъ, не шокмо, говоритъ имъ, достоинъ я бышь предводителемъ въ храбрыхъ вашихъ предпріятіяхъ и въ мужественныхъ въ брани подвигахъ, но будьте увѣрены, что не съ меньшею похвалою могу начальствовать при самыхъ вашихъ забавахъ и увеселеніяхъ. Въ тожъ время принимается за работу, и дѣлаетъ все съ удивительнымъ проворствомъ. Онъ мететъ полъ, готовитъ скамьи, разстилаетъ ковры, варитъ и жаритъ мясо, и ставитъ на столъ съ превеликимъ искусствомъ, но болѣе всего не забывалъ онъ во время обѣда наливать большіе сосуды виномъ и подносить ихъ своимъ товарищамъ, дабы ихъ упоить до пьяна. Между тѣмъ вымышляя различныя нужды, выходилъ онъ нѣсколько разъ вонъ, и приближившись къ плѣнницѣ съ видомъ веселымъ подавалъ ей самыя вкусныя части мяса, шайнымъ образомъ съ разбойниковъ унесенныя, и подноситъ при томъ вина, которое онъ прежде самъ предъ нею отпѣдывалъ; дѣвица все сіе принимала съ удовольствіемъ; взаимныя съ обѣихъ сторонъ непринуж-

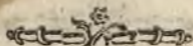

денныя ихъ лобзанія, терзали меня до-
 сажою и негодованіемъ: дочь недо-
 стойная, говорилъ я самъ съ собою;
 уже ли ты вѣчному предала забвенію
 своего дражайшаго любовника, и тѣ
 священныя узы, которыми желала ты
 съ нимъ навсегда соединиться. Уже
 ли ты сего пришельца, сего кровожад-
 душаго убійцу хочешь предпочесть лю-
 безному жениху опредѣленному тебѣ
 родителями? Или не чувствуешь му-
 чительнаго совѣсти угрызенія, и пре-
 зрѣвъ законную любовь, хочешь среди
 кровавыхъ мечей, среди безчеловѣчныхъ
 разбойниковъ препровождать жизнь
 студную и безчеловѣчную? Что, если
 прочіе разбойники усмотрятъ по случаю
 такіе твои поступки, не обратятся ли
 къ первому своему намѣренію и не бу-
 дешь ли ты вѣпорично причиною моеи
 смерти, по истиннѣ ты любишь пове-
 селиться на счетъ ближняго, а несчастіе
 прочихъ ни мало тебя не трогаетъ.
 Разсуждая толь строга и съ толикимъ
 приномъ гнѣвомъ о сей несчастной дѣ-
 вицѣ, позналъ я изъ ихъ разговора,
 хотя сомнительнаго, но для разумнаго
 осла довольно понятнаго, что сей юно-
 ша не Темъ, оный знаменитый Бра-
 кійскій

жійскій разбойникъ , но самъ Тлеполемъ (г) любезный ея женихъ : онъ не опасаяся моего присушствія и продолжал рѣчь свою , говоритъ ей уже довольно ясно : бодрствуй и мужайся прекрасная Харита ; ибо въ скоромъ времени всѣ сіи швой жестокіе непріятели будутъ швоими пльнниками. Послѣ сего , будучи самъ презвъ не престаешь онъ поить разбойниковъ , уже и безъ того весьма пьяныхъ , самымъ крѣпкимъ виномъ , которое онъ для лучшаго успѣха растворялъ не много теплою водою. И я сказать истинну весьма подозрѣвалъ , не усыпительный ли какой нибудь ядъ примѣшивалъ онъ въ сіе шоль крѣпкое вино : ибо всѣ разбойники улившись имъ поверглись наполю и лежали подобно бездушнымъ шрупамъ. Тогда Тлеполемъ связавъ ихъ по своей волѣ самыми крѣпкими узами , и посадя на мою спину прекрасную Хариту , отправился немедленно въ свой городъ , котораго жители увидя сихъ любовниковъ возвращающихся шоль шчасливо , усшремляются къ нимъ на встрѣчу. Ихъ ро-
ди-

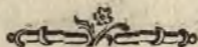
(2) Тлеполемъ также Греческое слово , и значитъ храбраго , или , которой не ушомляется воинскими шрудами.

дишли , друзья , питомцы и рабы
 всѣ пѣснятся вокругъ насъ , и не вмѣ-
 щая радости въ сердечныхъ предѣлахъ ,
 изъясняютъ ее лицомъ и голосомъ . Ка-
 кое новое и достопамятное зрѣлище
 видѣть прекрасную дѣвицу торже-
 ственно ѣдущую на ослѣ , и сопровож-
 даемую безчисленнымъ множествомъ
 народа ! я самъ наконецъ имѣя большее
 право къ удовольствію и радости , и
 желая при томъ общему соопвѣство-
 вать веселію , расширилъ мои ноздри и
 поднявъ опшверстыя уши прокричалъ
 изъ всей мочи ; всѣ безъ изъятія громъ
 страшнаго моего гласа внимали со
 удивленіемъ . Харита предана была во
 объятія своихъ родителей , которые
 отведши ее въ свой домъ не могли на-
 сытиться ея лицезрѣніемъ ; но Тепло-
 лемъ не теряя времени возвращается со
 мною къ разбойнической пещерѣ , взявъ
 при томъ довольно число гражданъ и
 коней . Я шелъ весьма охотно ; ибо
 сверхъ того , что я отъ природы былъ
 любопытенъ , желалось миѣ чрезвычай-
 но видѣть плѣненіе разбойниковъ , шоль
 свирѣпыхъ моихъ мучителей , кото-
 рыхъ застали мы еще спящихъ , и свя-
 занныхъ больше крѣпостію вина , неже-
 ли

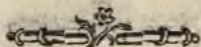

ли веревками. Тлеполемъ и спутники его похишивъ изъ пещеры золото, серебро и все прочее сокровище обременили насъ онымъ; потомъ устремившись къ разбойникамъ повергали ихъ съ высокихъ горъ въ стремнины, и нѣкоторыхъ на томъ же мѣстѣ пронзали собственными ихъ мечами. Послѣ шоль праведнаго мщенія возвратились мы въ городъ съ удовольствіемъ и радостію. Все нами привезенное отъ разбойниковъ сокровище положено было въ градскую казначейницу, и Тлеполемъ по праву законовъ вступилъ въ желанное супружество съ похищеною изъ рукъ разбойничьихъ Харисою, которая съ сего времени оказывала мнѣ всѣвозможныя услуги, называя меня всегда своимъ избавителемъ, и въ самой день бракосочетанія ихъ приказала она своимъ служителямъ положить въ ясли мои сполько сѣна и овса, сколько не можетъ сѣсть самой большой Бактрианской верблюдь. Но я въ сіе время какія ругательства, какія достойныя проклятія могъ изобрѣсть для Фошисы за то самое, что она превратила меня не во пса щасливаго, но въ презрѣннаго осла: ибо я весьма завидовалъ,
что

что сіи острообоняющіе живошныя поахипивъ пайно премножество кусковъ мяса и припомъ всѣ ошашки великолѣднаго пиршества получивъ себѣ въ награду, дѣлали для себя весьма богатой ужинъ; отъ котораго ихъ желудокъ тучиѣ раздувался. Послѣ первой ночи, по закланій жертвы въ честь Тимею и Венерѣ, не престаеѣ новобрачная упоминать своимъ родителямъ и своему супругу; о той величайшей благодарности, которую она воздаѣ мнѣ была обязана. Ея убѣжденія возымѣли желаемой успѣхъ: всѣ общаются ей возвысить мое состояніе и почтись меня несравненною честью. И такъ призвавъ своихъ сродниковъ и пріятелей совѣшуютъ съ ними, какимъ бы образомъ наградишь по достоинству мои достохвальныя услуги. Одинъ заблаго разсуждалъ, держаѣ меня въ самой чистой конюшнѣ, и не обременяя ни какой работою кормишь хорошимъ ячменемъ и бобами; но другаго мнѣніе превозмогло, которой ходатайствуя о моей вольности, совѣтовалъ имѣ отвести меня въ деревню и пустишь вмѣстѣ съ кобылицами въ поле, утверждая, что скоро они будутъ имѣть благо-

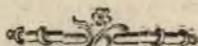
род-

родныхъ муловъ. И такъ призвавши одного служителя, которому поручено было смотрѣніе надъ конскими стадами, приказываютъ опвесить меня въ деревню, прочитавъ ему сперва пространное предисловіе о моихъ заслугахъ. Я отправился въ дорогу съ невѣрою радостію, мечтая, что уже никогда спина моя не будетъ никакой тягостію обремененна, и что наконецъ при наступленіи весны могу на цвѣшущихъ поляхъ свободно сыскать себѣ желаемыя розы. Сверхъ того воображалъ я, что естли подъ видомъ осла поличую благодарность и поль лестныя почести получилъ я отъ супруги Глеполемовой, то безъ сомнѣнія большихъ благодѣяній удостоился бы отъ нее, возвративъ себѣ человѣческій образъ.

Но приведенъ будучи въ деревню, не нашелъ я тамъ ни любовныхъ забавъ, ни желаемой свободы: ибо жена того служителя, которому я съ полкинемъ одобреніемъ порученъ, будучи скупа, безчеловѣчна и зла, немедленно подвергнувъ меня ярму, принудила обрабатывать мельницу, и ударяя меня весьма

часто

часто суковатой палкою, готовила для
 своего дому пищу на щетѣ моей кожи.
 Но не довольствуясь прудомъ моимъ
 для одной себя, молола она жито и со-
 сѣдей своихъ, съ копорыхъ получала
 за мои услуги не малую цѣну. Впро-
 чемъ при шоль несносномъ моемъ прудѣ
 не получалъ я бѣднякъ и того яч-
 меню, копорой мнѣ въ пищу опредѣ-
 лила Харита: ибо я его только молотъ,
 а проклятая оная женщина продавала
 его ближнимъ поселянамъ; напрошивъ
 того мнѣ упомянутому чрезъ цѣлый
 день вертѣнемъ мельницы давала подъ
 вечеръ гнилые и непросѣянные опру-
 би, смѣшенные съ крупнымъ пескомъ.
 Среди поликихъ напасей и мученій,
 копорыми ошягощенъ я былъ отвско-
 ду, свирѣлая Фортуна еще новыя мнѣ
 приуготовила нещастія, дабы, какъ
 говорятъ, и въ мирѣ и въ войнѣ могъ
 я прославиться своими подвигами: ибо
 неусыпный конныхъ спадъ плечишель,
 исполняя повелѣніе господина своего,
 впрочемъ хотя весьма поздно, выпу-
 стилъ меня въ поле съ кобылицами.

Получивъ шоль желанную свободу,
 прыгалъ я и скакалъ отъ радости, и
 уже

уже готовился достойную себя изобразить любовницу. Однако в семъ случаѣ надежда моя превратилась въ вѣщшее для меня бѣдствіе. Ибо жеребцы уже давно ходящіе на паствѣ съ сими кобылицами для причины всякому извѣстной, будучи весьма тучны и сильнѣе при томъ самаго лучшаго осла, опасаясь меня, какъ своего соперника, и боюсь, чтобъ знаменитое и благородное ихъ конское племя не переродилось въ тусныхъ муловъ, съ яростію прошиву меня ополчались, не имѣя никакого уваженія къ священному праву гостепріимства. Одинъ спавши на дыбы, и при томъ поднимая гордую свою грудь бѣсѣ меня передними ногами, другой обративши ко мнѣ тучный задъ, ударяетъ меня копытами съ удивительнымъ искусствомъ, претій наконецъ злостнымъ и свирѣпымъ ржаніемъ устрашая меня, и опуская уши шерзаетъ мои бока и спину изощренными зубами. Подобное сему приключеніе читалъ я нѣкогда въ исторіи о Фракійскомъ Царѣ, (д) кошорой не

Часть II. Е щаст-

(д) Сей царь назывался Диомедомъ. Геркулесъ его побѣдилъ, и поступилъ съ нимъ также

щастныхъ своихъ гостей и пришельцовъ предавалъ на растерзаніе свирѣпымъ конямъ: ибо сей страшный пираниъ столь былъ скупъ и сребролюбивъ, что безмѣрную коней своихъ алчность хотѣлъ человѣческимъ лучше насытить мясомъ, нежели овсомъ или сѣномъ; такимъ образомъ я будучи терзаемъ свирѣпостію моихъ товарищей, началъ сожалѣть и о томъ времени, въ которое принужденъ я былъ вершѣть мѣльницу.

Но фортуна бѣдственнымъ моимъ состояніемъ еще не насытись, избрѣла новое для меня мученіе: ибо выбрали меня какъ проворнаго осла для перевозки дровъ насѣченныхъ на одной превысокой горѣ; и погонщикомъ былъ у меня одинъ мальчикъ, злѣйшій впрочемъ изъ всѣхъ мальчиковъ; я не только труднымъ восходомъ на столь высокую и утѣсистую гору утомленъ былъ до чрезвычайности, и припомъ по швердымъ и оспрымъ спуская камнямъ изломалъ всѣ свои копыта; но
сверхъ

также, какъ онъ поступалъ съ пришельцами, т. е. отдавалъ его на энѣщеніе свирѣпымъ конямъ.

сверхъ того частыми ударами будучи посѣщаемъ, чувствовалъ несносную боль въ самой внутренности моихъ костей; а проклятой мальчикъ, какъ будто играя палкою и любя одно только мѣсто на правой моей бедрѣ, ударялъ по немъ непрестанно, и пробивъ наконецъ кожу, здѣлалъ превеликую рану, или сказать лучше, широкое отверстие окно, изъ котораго кровь текла струями, и которое не преставаало онъ навѣщать ударами. Не довольствуясь сими недозволёнными забавами, опягощало онъ меня толь легкимъ возомъ, что всякой вида сіе бремя почелъ бы оное прѣготовленнымъ не для осла, но для мочнаго слона. Были когда случалось, что возъ потерявши равновѣсіе покачнется на одинъ бокъ; то негодной сей плутокъ, вмѣсто того, чтобъ сложить нѣсколько дровъ съ стороны, на которую онъ уклонялся, или по крайней мѣрѣ перенести ихъ на споронну легчайшую, дабы сдѣлать шажесшъ равновѣсную, клалъ напротивъ того камни, и чрезъ сіе хитрое искусство умѣлъ помочь неравенству бремени: впрочемъ не смотря онъ на мое неносное мученіе и при томъ нимало

не думая о безмѣрной на мнѣ лежащей
тягости, когда намѣ нужно было пе-
реходить чрезъ мѣлкой источникъ, то
не хотя замочить своихъ ногъ, вскаки-
валъ и самъ ко мнѣ на спину, какъ
легкій прибавокъ къ пятгостному возу,
напротивъ того, когда дорога по при-
чинѣ грязи была скольска, и я не могши
держаться на ногахъ отъ несиоснаго и
безмѣрнаго грузу падалъ на землю; то
храбрый сей предводитель не мысля о
томъ, чтобъ помочь мнѣ встать, под-
нимая меня за узду, или за хвостъ,
или чтобъ уменьшить нѣсколько дровъ
пока я не соберусь съ силами, не пре-
спавалъ меня, начиная съ головы и до
ногъ, ушѣмлять суковатою палкою; и
въ семъ единственно состояла его по-
мощь; доколѣ я самъ не встану про-
снувшись отъ сильнаго восчувствованія
мучительныхъ ударовъ. Но сей малень-
кой змѣй выдумалъ еще новую для ме-
ня шутку: онъ сдѣлавъ изъ колючаго
и ядовитаго шерну пучекъ, привязалъ
его къ моему хвосту въ томъ намѣ-
реніи, чтобъ онъ во время скорого мо-
его бѣгу острыми своими иглами ко-
лолъ мои ноги. И такъ принужденъ
я былъ претерпѣвать сугубое зло: ибо,

не ожидая палокъ, и стремясь съ возможною быстротою уязвляемъ я былъ шерномъ; остановившись напротивъ того для ушоленія мучительной болѣзни, уже чувствовалъ я непреодолимую силу палочныхъ ударовъ, совѣшующихъ мнѣ бѣжать безъ всякой лѣности, И мнѣ казалось, что сей негодной мальчикъ умыслилъ меня погубить, какимъ бы по образомъ ни было, въ чемъ однажды и клялся, угрожая, что намѣреніе свое исполнилъ онъ непременно; къ сему его предпріятію и къ вѣдущей противу меня злости, гонящая меня судьба подала ему желаемый случай; ибо въ нѣкоторой день не могши я болѣе терпѣть злобной его люлости, ударилъ его задними копытами съ возможнымъ усиліемъ. Но вообразите, какимъ злодѣйствомъ отмстилъ онъ мнѣ за сей поступокъ. Онъ навѣвчивъ меня пенькою, и привязавъ ее какъ должно веревками, отправился немедленно со мною въ дорогу; попомъ укравши въ ближней деревнѣ горящей уголь подожилъ его въ самую среднну моего времени. Огонь скрываясь нѣсколько времени въ пенькѣ, наконецъ возгорѣлся и произвелъ великой пламень, кошорой

меня вокругъ обнялъ, и я не могъ выдумать никакого средства, чтобъ избавишься отъ сего неожиданнаго несчастія, и отъ сей неминуемой погибели; при томъ такой мучительной жаръ не шerpящій никакого медленія самой быстрой на выдумки разумъ можетъ привести въ нерѣшимость. Но въ сей бѣдственной крайности обратила ко мнѣ фортуна веселое лице, и можетъ быть для жеспочайшихъ впредь напастей избавила меня отъ настоящей и видимой смерти: ибо увидя по случаю не въ дальнемъ отъ меня разстояніи большую лужу, наводненную недавно шедшимъ дождемъ, бросился я въ нее въ самой скорости, опасаясь, чтобъ злой погонщикъ узнавъ мысли мои не воспрепятствовалъ мнѣ въ шоль изрядномъ намѣреніи: свирѣпость пламени погашена была влажностію; я вышелъ изъ лужи освободясь отъ бремени равно и отъ смерти: но злѣйшая изъ всѣхъ двуногихъ тварей лукавой мой погонщикъ столь былъ коваренъ и безстыденъ, что въ собственномъ своемъ злодѣйствѣ не усумнился обвинить мою невинность; и доказывалъ всѣмъ пастьухамъ, что я ида мимо разгнѣщеннаго

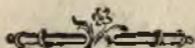
наго сосѣдами огня упалъ нарочно, дабы сожечь свое бремя; потомъ смотря на меня съ язвительною насмѣшкою, долго ли говоритъ, кормишь намъ сего сквернаго и огненоснаго осла! По прошествіи нѣсколькихъ дней вымыслилъ онъ сколь удивительную, поль пагубную для меня хитрость: ибо дрова мною везомыя продавъ одному поселянину живущему близъ дороги, привелъ онъ меня домой безъ всего, крича притомъ изъ всей мочи, что уже не можетъ преодолѣть моего упрямства и лѣности, и потому отказывается быть моимъ погонщикомъ. Видите ли продажалъ, сего лѣниваго осла, и медленіемъ своимъ всѣхъ ословъ превышающаго? онъ кромѣ прочихъ трудношей претерпѣваемыхъ мною отъ его упрямства, подвергаетъ меня еще новымъ вседневно опасностямъ: ибо какъ только встрѣнитъ ся съ нимъ на дорогѣ молодая дѣвушка, или хотя старуха; для него все по равно; немедленно сбрасываетъ онъ съ спины своей ношу и самую также попону, потомъ стремится къ нимъ въ бѣшенствѣ, повергаетъ на землю. . . и притомъ гнусными своими губами, хотя будто цѣло-

вать, обезображаетъ имъ лице, и грызетъ иногда острою своихъ зубовъ. Такое ступное осла сего бѣшенство не ссорами только и враждою вооружитъ противъ насъ сосѣдей, но можетъ изъ того воспослѣдовать самое уголовное злодѣйство: въ послѣдній разъ увидя онъ пригожую и молодую женщину, разбросалъ на всѣ стороны дрова, и прибѣгши къ ней стремительно повергъ ее на землю, намѣреваясь. . . но по щастію нашему воплемъ своимъ и пронзительнымъ женскимъ крикомъ созвала она къ себѣ на помощь довольное число прохожихъ, которые подняли ее изъ подъ самыхъ копытъ ослиныхъ; и такъ безъ помощи ихъ случилось бы ужасное приключеніе съ сею женщиною, которое бы всѣхъ насъ доведло до висѣлицы.

Такія и тому подобныя злоязычный сей плутъ спавилъ для пагубы моея сѣщи, которыя тѣмъ для меня опаснѣе были, что я не могши избличать его коварную ложь, принужденъ былъ молчать; наконецъ своимъ вистійствомъ воспламенилъ онъ во всѣхъ пастухахъ неукротимое прошиву меня

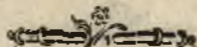
сви-

свирѣпство. Чтожъ медлимъ, говоритъ изъ нихъ одинъ, и для чего шочь сквернаго и повсемѣстнаго прелюбодѣя не погубимъ самую поносную смертію, достойною гнусныхъ его умысловъ? Отсѣчемъ ему голову не теряя времени; внутренность его бросимъ на сибденіе псамъ, которые такъ вѣрно сперегутъ наши спада и припомъ самихъ насъ, прочее мясо его будетъ пищею для нашихъ работниковъ; что касается до кожи, мы напремъ ее пепломъ, и высушивъ на солнцѣ принесемъ своимъ хозяевамъ, утверждая всѣми клятвами, что его задавили волки.

Тогда злобный мальчикъ, нечестивый мой обвинитель, радуясь о назначенной мнѣ смерти, поспѣшаетъ исполнить самъ пагубное сихъ пастуховъ опредѣленіе, онъ уже остритъ ножъ на самомъ лучшемъ осезкѣ, и шѣмъ съ большимъ искусствомъ и спараніемъ, чѣмъ живѣе онъ чувствовалъ удивительную силу заднихъ копытъ; и я весьма сожалѣю, что сіи копыта еще не имѣли всего желаннаго мною успѣха. Въ тоже время одинъ изъ пастуховъ встаетъ съ важнымъ ви-

Е 5 домъ,

домъ , и говоритъ имъ въ мое защи-
щеніе такимъ образомъ : весьма неспра-
ведливое дѣло умершвить поль изряд-
наго осла и лишиться полезныхъ его
услугъ за то единственно , что обви-
няютъ его въ недозволенныхъ прелюбо-
дѣйствахъ ; но лучше здѣлать его не-
способнымъ къ сему неукротимому бѣ-
шенству , чрезъ то , какъ себя изба-
вимъ отъ опасности , такъ и онъ бу-
детъ проворнѣе и шустрѣе ; я видалъ
многихъ жеребцовъ , которые отъ чрез-
мѣрной похоти и жару , были свирѣ-
пы и неукротимы , но чрезъ извѣ-
стное вамъ средство здѣлались смиренны,
подручны и способны ко всякимъ проу-
дамъ . И такъ если вы согласитесь
на мое предложеніе , въ сей же часъ
пойду я на ближній рынокъ для нѣ-
которой моей нужды , и отполѣ за-
шедши домой возьму всѣ потребныя
къ исполненію моего совѣта орудія ,
и возвращусь къ вамъ немедленно ,
чтобъ сего ненавистнаго и жестокаго
любownika лишить удовъ , воспаменяю-
щихъ его къ такому неистовству , и
чрезъ то здѣлать его смиренѣе всякой
овцы .

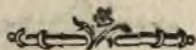

Такимъ совѣтомъ изхищенъ будучи
отъ самыхъ челюстей предлежащей
смерти, но оставленъ впрочемъ для же-
сточайшаго мученія, повергнулся я въ
горешную печаль, и зная, что лишусь
одной полъко, но превосходящей части
моего шѣла, почиталъ я себя погибшимъ
и уничтоженнымъ вдвое. Наконецъ
вознамѣрился я уморить себя голодомъ,
или броситься въ стремнину съ превы-
сокой горы, пусть умру, говорилъ я
самъ себѣ, но умру по крайней мѣрѣ
въ цѣлости. Между тѣмъ, какъ раз-
суждалъ я, какимъ бы образомъ смер-
тію прекратить нещастія своей жизни,
утро наступило, и злостный мальчикъ
повелъ меня по обыкновенію на гору,
гдѣ привязалъ меня къ дубовой вѣшви,
и удалясь не много въ лѣсъ началъ
рубить дрова; но вдругъ преспрашный
медвѣдь вылезаетъ изъ пещеры; я у-
видя его вострепеталъ отъ ужаса, и
немедленно падши на колѣни, и под-
нимая съ возможною осторожностію
свою голову, перекусилъ ремень, ко-
торымъ я былъ привязанъ, помѣвъ съ
горныхъ утесовъ скапившись всѣмъ шѣ-
ломъ, бѣжалъ я по полямъ стреми-
тельно, спасая себя отъ медвѣдя и
отъ

отъ моего погонщика, которой самого медвѣдя превосходилъ свирѣпствомъ и лютостію.

По случаю одинъ прохожей видя меня бѣгущаго безъ проводника, схватилъ мою узду, и немедленно сѣдши ко мнѣ на спину, пустился въ путь свой по неизвѣстной мнѣ дорогѣ, посѣщая впрочемъ бока мои палкою. Я бѣжалъ весьма охотно, надѣясь чрезъ сіе избавишься отъ мучительнаго насилія, которое хотѣли прошиву меня употребить безчеловѣчные пастухи; палочные удары мнѣ были не въ тягость: все мое тѣло давно уже къ нимъ привыкло; но гонящая меня повсюду форшуна предупредивши мое тѣло справедливое къ бѣгству желаніе уготовила для меня еще новыя напасти. Ибо тѣже самые пастухи ища заблудившуюся корову, и бѣгая по всѣмъ лѣсамъ, встрѣтились съ нами нечаянно; они узнавъ меня по уздѣ, и схвативъ немедленно, влекутъ силою домой, но мой сѣдонъ прошивился имъ съ удивительною отважностію, призывая во свидѣтельство всѣхъ смертныхъ и всѣхъ небожителей, за что, говоритъ онъ имъ,

имъ, толь свирѣпо и несправедливо поступаеша со мною? для чего меня удерживаете насильно? Какъ! тебя мы обидимъ, отвѣшпвующъ ему пастухи, тебя, которой укралъ нашего осла и ведешь его домой, толь безсовѣстно? Въ сію же минуту объяви намъ, куда ты сокрылъ мальчика, безъ сомнѣнія тобой убитаго, которой былъ погонщикомъ у сего животнаго? Не докончавъ сихъ словъ, повергаютъ его на землю, и всѣ безотговорочно бьютъ его кулаками, и топчутъ ему грудь и желудокъ; онъ клянется, что никакого не видалъ мальчика, и что осла сего, бѣгущаго безъ всякаго проводника, поймалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ возвратитъ его своему господину, и получить какую нибудь награду за сію услугу! О естли бы, продолжалъ онъ, безсловесное сіе животное могло говорить, и засвидѣтельствовать мою невинность, безъ сомнѣнія бы вы начали сожалѣть о томъ безчеловѣчномъ противу меня гнѣвѣ! однако всѣ его клятвы были безуспѣшны; жестокіе поселяне ничего не слушая и привязавъ его за шею веревкою, повели на гору въ потъ самой лѣсѣ, въ

въ которомъ мальчикъ ихъ рубилъ обыкновенно для себя дрова. Они чрезъ долгое время тщетно искали сего злаго моего проводника, наконецъ увидѣли шло его разтерзанное на мѣста части и разбросанное на всѣ стороны. Я зналъ точно, что сія услуга показана мнѣ оспрошою зубовъ и кохтей медвѣжьихъ; и естъли бы могъ я человѣческимъ проговорить языкомъ, непременно бы объявилъ имъ все съ подробнымъ описаніемъ извѣстнаго мнѣ приключенія. Но мнѣ безгласному нечего было дѣлать, какъ только радоваться, видя, что лютой звѣрь сжалился надо мною, и опмстилъ за меня, хотя нѣсколько поздно, безчеловѣчному моему злодѣю. Пастухи собравъ всѣ члены разтерзаннаго мальчика, и соединя въ одно мѣсто, предали ихъ землѣ въ томъ же самомъ лѣсѣ. Но моего Беллерофонта (е) починяя точнымъ воромъ и человѣкоубійцею, связали крѣпкими веревками и влекли къ своимъ

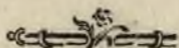
(е) Апулей будучи осломъ представляетъ себя въ семъ мѣстѣ Пегасомъ, и потому прохожаго, которой его поймалъ, называлъ Беллерофонтомъ.

имъ хижинамъ , дабы въ слѣдующій день представленъ будучи на судъ , принялъ онъ достойную казнь за свое злодѣйство.

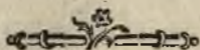
Между тѣмъ , какъ родилоли моего погонщика съ крикомъ и воплемъ оплакивали смерть его, какъ своего любезнаго сына , пришелъ къ намъ поселянинъ , совѣтовавшій лишить меня способности къ венерическимъ забавамъ ; онъ требовалъ и хотѣлъ въ ту же минуту исполнить свое проклятое намѣренье ; но одинъ изъ паспуховъ говоритъ ему ; теперь не объ ослѣ мы заботимся ; смерть несчастнаго мальчика перзаесть сердце наше ; и такъ въ слѣдующій день ты можешь отсѣчь сему скверному живошному не токмо что другое , но даже самую голову ; и всѣ наши товарищи не отрекутся тебѣ вспомоществовать въ семъ дѣлѣ. Такимъ образомъ несчастіе мое опложено было до утра , и я благодаря хвалилъ моего погонщика , что онъ смертію своею хотя на одинъ день отсрочилъ мою гибель ; однако не могъ я въ сіе короткое время за благодарность мою хотя малымъ утѣшиться спокойствіемъ

и

и опдохновеніемъ : ибо машь сего мальчица оплакивая полъ неблаговременную и полъ жестокую смерть своего сына, прибѣгаешъ ко мнѣ въ конюшню ; она будучи одѣта черною одеждою, вопишь и рвешъ сѣдые свои волосы, посыпанные гнуснымъ пепломъ ; она терзая и бѣя грудь свою, кричишь съ яростию : Какъ ! сей гнусный и проклятый скотъ и шеперь еще спокойно насыщаетъ неутолимое свое обжирство, и наполняетъ проспранный свой желудокъ, не пріемля ни мало учасшія въ моей печали, и не сожалья о горестной судьбѣ своего рачительнаго погонщика ? Онъ по видимому смѣется моей старости, и презирая мою дряхлость, думаетъ, что его безчеловѣчное злодѣйство останется безъ наказанія : и можешъ бышь по дерзости своей почитаетъ онъ себя ни мало не виновнымъ. Ибо преступники, чувствуя впрочемъ угрызение своей совѣсти, надѣются однако всегда, что казнь ихъ не постигнетъ. Но я свидѣтельствуюсь богами, о злѣйшее изъ всѣхъ четвероногихъ животное; что, хотя бы ты на сіе время человѣческой получилъ голосъ, не могъ бы однако и самаго несмысленнаго человѣка увѣришь и дока-

ка.

казать, что въ толь плачевномъ приключеніи ни мало ты невиновенъ: не могъ ли ты противиться хищному своего погонщика убійцѣ? Не могъ ли отогнать его оспроюю пвоихъ зубовъ и ударами сильныхъ копыщъ? Не ты ли прежде поражалъ моего сына задними ногами; такъ для чего съ подобнымъ стремленіемъ и бодростію не защитилъ его отъ смерти? По крайней мѣрѣ ты долженъ былъ съ возможною скоростію унести его на своей спинѣ, и чрезъ то изхитить изъ рукъ разбойничьихъ; наконецъ какъ отважился ты бѣжать одинъ, повергну на землю своего проводника, своего благодѣтельнаго попечителя? Или не знаешь, что нехотящіе вспомошествовать ближнему въ случаѣ крайности, достойны жестокой казни, ибо они поступаютъ тогда противъ законовъ чловѣчества, и противу правъ естественныхъ? Но знай чловѣкоубійца, ты не дого будешь радоваться о моемъ несчастіи; я тебѣ докажу, что печаль и сѣпованіе подають сугубую намъ бодрость и жаемяя силы. Проговоря сіе, немедленно снимаетъ она съ себя поясъ, и связываетъ онымъ ноги мои весьма

крѣпко, дабы опнѣть у меня чрезъ то всѣ средства къ своему защищенію; потомъ взявши ошъ конюшенныхъ воровъ запоръ, не преставала ударять меня онымъ доломъ, пока уже силы ея истощились, и подстая сія дубина собственною тяжестію, упомивъ ея слабыя руки, упала на землю. Тогда жалуюсь на свое безсиліе, и на скорую также рукъ своихъ усталость, бѣжишь она къ разгнѣщенному огню, и взявъ пылающую головню, кладетъ ее между заднихъ моихъ ногъ. Я не могши перпѣть поль жестокаго мученія, упопребилъ послѣднее оставшееся для меня средство: ибо съ возможнымъ усиліемъ надувши свой желудокъ, произвелъ я такое дѣйствіе, которое глаза ея ослѣпило, и припомъ зловоннымъ запахомъ ошибло носъ ея, какъ дубиною: симъ весьма благовременно выдуманымъ способомъ избавился я ошъ люшости беззубой старухи: иначе погибъ бы несчастный оселъ, какъ другой

гой Мелеагръ, жегомый головою взбѣсившейся Алфеи. (ж)

(ж) Алфея родивши Мелеагра видѣла Парихъ сидящихъ близъ огня, которыхъ бросила въ сей огонь полѣно говоря, что Мелеагръ будетъ жить до полѣна, пока не сгоритъ сіе полѣно. Послѣ сего онѣ удалились; Алфея вставши взяла полѣно, и попуша хранила его со щазніемъ. Мелеагръ достигши совершеннаго возраста, убилъ страшнаго зверя, опустошавшаго страны Халидонскія. Голову звѣря отдалъ онѣ Атадантѣ. Братья Алфеины желая также имѣти сію голову вступили въ сраженіе съ Мелеагромъ; но онѣ ихъ всѣхъ умертвилъ. Алфея, хотя отмстить смерть брата, бросила роковое полѣно въ огонь, въ которомъ оно по малу згарало и пакъ Мелеагръ умиралъ весьма медлительно, ощущая во внутренности своей жесносный пламень.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ КНИГИ.

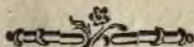

ПРЕВРАЩЕНІЕ
ИЛИ
ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.

КНИГА ОСЬМАЯ.

Предъ восхожденіемъ багряныя зари ;
приходитъ къ намъ изъ ближняго
города молодой человекъ , одинъ изъ
числа служителей прелестной Хариты ,
претерпѣвшей со мною толь много бѣдъ-
ствій въ разбойнической пещерѣ ; онъ
сѣдши близъ огня между своими това-
рищами , началъ рассказывать имъ о
спрашномъ родѣ смерти , которымъ
пресѣкла дни свои несчастная сія Тле-
полемова супруга , и при томъ о пла-
чевномъ состояніи всего ея дома : по-
лечительные стражи быспрошекущихъ
коней , говоритъ онъ имъ ; и вы не-
усыпные овецъ и воловъ пастыри будь-
те

не извѣстны, что мы навсегда лишились несчастной Хариты; она чрезъ самое ужасное приключеніе, но впрочемъ не безъ спутника прешла въ царство мертвыхъ: и такъ, чтобъ васъ увѣдомить о всемъ подробно, позвольте мнѣ начать сіе происшествіе съ начала, и продолжитъ порядочнымъ образомъ до самаго конца: оно достойно внесено быть въ исторію перомъ самыхъ ученыхъ писателей, избранныхъ природою для сего искусства.

Въ семъ не далеко отстоящемъ городѣ былъ одинъ юноша, именуемый Тразилломъ, рожденный отъ знатныхъ и славныхъ родителей, при томъ храброй всадникъ, и чрезмѣрно богатъ; однако дѣлами и поступками своими ни мало не соотвѣтствовалъ онъ значной своей породѣ; но упоая въ непотребныхъ роскошахъ, и обращаясь всегда въ безчестныхъ домахъ соединился шѣсною дружбою съ разбойниками; и слухъ носился, что онъ и самъ не рѣдко свои руки осквернялъ челоукоубійствомъ. Но когда Харита совершеннаго достигла возраста, то сей Тразиллъ изъ всѣхъ благородныхъ юношей

Ж 3

щей

шей плѣбившихся ея красою и добродѣтелями, и желавшихъ вступить съ нею въ брачныя узы, устремилъ вѣщающее къ ней вниманіе, и употреблялъ всѣ возможные средства къ полученію успѣха въ своемъ желаніи; однако не смотря на его богатство, породу и на всѣ великолѣпные дары, которыми старался онъ привлечь и обольстить ея родителей, исключенъ онъ былъ изъ числа жениховъ, по причинѣ непопулярныхъ своихъ поступковъ, и постыженъ единогласнымъ отказомъ. Между тѣмъ, когда прекрасная Харита сочеталась бракомъ съ великодушнымъ и добродѣтельнымъ Тлеполомомъ, незаконный Тразилъ питая въ груди своей пламенную, но тщетную любовь, и присоединивъ къ страсти сей неукротимую досаду, рожденную въ сердцѣ его постыднымъ отказомъ, вымышлялъ средства къ исполненію страшнаго злодѣйства. Наконецъ получивъ благовременный случай, приуготовляется онъ совершить давно предпріятное беззаконіе. Въ самый тотъ несчастливый день, когда Харита благоразуміемъ и храбростію своего супруга изхищена была изъ рукъ безчеловѣчныхъ разбой-

жиковъ, пришедши онъ въ домъ нашъ съ прочими поздравителями, несказанную показывалъ радость о благополучномъ избавленіи прелестной Хариты, и отъ чистаго по видимому сердца желалъ ей видѣть изящный плодъ отъ щасливаго съ Тлеполомомъ бракосочетанія; онъ для знаменитой своей породы принявъ былъ въ домъ нашъ въ числѣ самыхъ ошмѣнныхъ гостей, и скрывая пагубное свое намѣреніе подъ завѣсою хитраго прищворства, показывалъ себя Тлеполему самымъ вѣрнымъ и чистосердечнымъ другомъ.

Наконецъ посѣщая почти ежедневно Тлеполема, разговаривая съ нимъ дружелюбно, и приглашаемъ будучи не рѣдко на ужинъ, получилъ онъ еще вящую отъ него довѣренность, и здѣлся ему опличнымъ пріятелемъ. Чрезъ сіе самое погружался онъ непримѣтно въ глубокую бездну несчастія, пріуготовленнаго щещною къ Харитѣ любовью. Но можно ли сему удивляться? И кто не знаетъ, что искра любовной страсти въ началѣ своемъ будучи мала, оживляетъ людей пріятною пользою щеплошою, но продолженіемъ вре-

мени и всегдашнимъ обращеніемъ съ любимой особою возгарается въ ихъ сердцахъ и производитъ свирѣлой и неугасимой пламень, снѣдающій ихъ до конца самымъ мучительнымъ образомъ? Тразилль чрезъ долгое время разсуждалъ самъ съ собою, какъ бы ему получить благовременный случай и приличное гришомъ мѣсто, дабы на единѣ поговорить съ Харিশю. Онъ ясно видѣлъ, что великое множество служителей, повсюду ей сопутствующихъ, препятствуетъ ему приступить къ порочному намѣренію, и что невозможно прервать священныя узы поль недавней любви, умножающейя поминутно въ сердцахъ сихъ нѣжныхъ супруговъ, и елики, припомъ размышляя онъ, сама Хариса согласится на его желаніе; (чего бы она никогда не сдѣлала) по ея простота и незнаніе, какъ обмануть своего супруга, будучи новымъ препятствіемъ для его пошанной любви; однако несмотря на всѣ сіи трудности, влечется онъ ожесточеннымъ своимъ рокомъ къ невозможному предпріятію, какъ будто бы оно въ самой вещи было возможно. Что нынѣ кажется весьма шруднымъ, по
съ

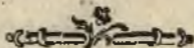

съ послѣдствіемъ времени, когда любовь усугубится, и воспріимешь свои силы, почитается уже легкимъ и способнымъ. Внимайте съ прилѣжаніемъ, до чего быстрое и стремительное сея страсти насиле довело безрассуднаго любовника.

Въ нѣкоторый день не предвѣдущій никакой опасности Тлеподемъ взявши съ собою Тразилла, отправился на охоту, дабы поймать сколько нибудь дикихъ звѣрей, естли только боязливыя козы достойны такого имени; ибо Харита не дозволяла супругу своему гоняться за звѣрями, вооруженными острою зубовъ, или когтей. Уже съши были разставлены вокругъ одного холма, покрытаго шѣнистымъ и густымъ лѣсомъ, охотники пускаютъ немедленно ловчихъ собакъ, дабы онѣ изъ самыхъ потаенныхъ пещеръ выгоняли звѣрей на открытое поле; сіи быстрые псы памятуя свое искусство раздѣляются, и мгновенно преграждаютъ всѣ исходы и пути, они молчаливъ потѣмъ нѣсколько времени; но когда имъ данъ былъ знакъ, то вдругъ весь воздухъ наполнился страш-

Ж 5

нымъ

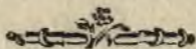

нымъ и различнымъ ихъ лаемъ и воплемъ: однако не видно было ни одной козы, или смирной лани, но выбѣгаетъ напрошивъ того изъ лѣсу превеликой и страшный вепрь; онъ покрытъ былъ долгою и колкою щетиною, изъ пѣнящейся его челюсти слышенъ былъ скрежетъ зубовъ, изъ его кровавыхъ и мщеніемъ грозящихъ очей изливался яростный пламень; онъ подобно лещащей молнии разрушалъ и опровергалъ всѣ встрѣчающіяся преграды: во первыхъ отважившихъ псовъ дерзнувшихъ приступить къ нему блиско, растерзываетъ онъ на мѣлкія части, пѣтомъ единымъ стремленіемъ прервавъ шенета выбѣгаетъ на волю; тогда мы всѣ объѣзды будучи хладнымъ ужасомъ, и привыкши только ловить такихъ звѣрей, онъ которыхъ ни малой опасности ожидать не можно, притомъ не имѣя при себѣ никакого оружія обратились въ бѣгство и скрывались въ кустарникахъ, или подъ вѣтвями густыхъ деревьевъ.

Вѣроломный Тразиллъ видя благовременный случай къ исполненію предпріятого собой злодѣяства, обращаетъ къ

къ Тлеполему сію коварную рѣчь: Для чего мы споя изумленны, или сказать лучше, пораженны шщепнымъ ужасомъ, подобно симъ боязливымъ своимъ слугамъ, или самымъ презрѣннымъ и безсильнымъ женщинамъ, упускаемъ изъ своихъ рукъ шоль изрядную добычу? Для чего не сядемъ на своихъ коней и не погонимся въ слѣдъ за симъ звѣремъ? Возми ты дрошникъ, а я возьму копье. Въ шуже микушу садятся они на коней и устремляются за звѣремъ съ невѣроятнымъ жаромъ; однако страшный сей вепрь, надѣясь на свои природныя силы, ошановляется, и побѣмъ идетъ прошиву ихъ прямо, онъ скрежетомъ своихъ зубовъ и огненнымъ взоромъ показывая свою лююность сомнѣвается, на которагобы изъ сихъ храбрыхъ всадниковъ учинить прежде нападеніе. Тлеполемъ повергнувши въ него дрошникъ, пронзаетъ ему хребетъ; но Тразилъ не хощя уязвлять вепря, ударяетъ копьемъ своимъ Тлеполемова коня, превѣкаетъ ему заднія колѣна; сей гордый конь изнемогая отъ истекающей крови, и не въ силахъ будучи стоять, падаетъ, и свергаетъ господина своего по неволѣ на землю; не-

медленно и яростной звѣрь приближается къ лежащему Тлеполему, и въ семъ состояніи растерзалъ его одежду; и когда сей несчастный старался всѣми силами поднаться на ноги, уязвляетъ онъ и шѣло его своими острыми клыками. Но Тразилла, сего великодушнаго друга, ни мало не перзала совѣсть о поль злодѣйскомъ поступкѣ, и хотя ярость его должна уже была смягчиться толкимъ Тлеполемовымъ бѣдствіемъ, однако онъ шѣмъ не удовольствовался, и въ то самое время, когда сей несчастной прикрывалъ свои язвы раздранной одеждою, и самымъ жалкимъ голосомъ умолялъ его, и просилъ себѣ помощи, не устыдился онъ поражать его копьемъ своимъ въ правую бѣдру, и шѣмъ съ вѣдшею отважностію, чѣмъ больше онъ надѣялся, что раны сіи почтутся дѣйствіемъ свирѣпаго звѣря; наконецъ и самаго вепря не преминулъ онъ умертвить частыми копья своего ударами.

Какъ только безчеловѣчнымъ симъ коварствомъ умерщвленъ былъ юный Тлеполемъ, вдругъ сколько насъ ни было изъ его служителей, оставя свои убѣжища

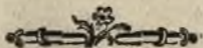
жища прибѣгаемъ къ его поверженному тѣлу, омягощены печалію и сѣлованіемъ; но Тразиллѣ, исполня свое желаніе, и поразя такого человѣка, котораго онѣ почиталъ своимъ непріателемъ, хотя внутренно радовался, и чувствовалъ удовольствіе въ сердцѣ своемъ, однако не преминулъ онѣ радость сію прикрышь завѣсою пришворной печали; онѣ сѣшуетъ, стонетъ, являетъ смущенный видъ, и обѣмля сѣощааніемъ мертвое тѣло, собственными его руками лишенное жизни, показывалъ всѣ знаки несносной печали, кромѣ однихъ только слезъ, которыхъ онѣ не могъ проливать, сколько ни старался. Такимъ лукавствомъ сообразуя ложное свое сѣшваніе съ истинною нашей печалію возлагалъ онѣ свое злодѣйство на невиннаго звѣря.

Едва сіе беззаконіе было совершено, уже быспрошечная о такомъ плачевномъ приключеніи молва разсѣявшись повсюду спремится немедленно въ домъ Тлеполемовъ, и пронзаетъ слухъ несчастной Харишы, которая услышавъ столь горестную вѣсть, и какой уже она никогда не услышитъ, вдругъ лишается

нается разсудка, и подобясь изумлен-
ной Баханкѣ бѣжитъ по градскимъ
спогнамъ, наполненнымъ великимъ мно-
жествомъ народа, и ошолъ спремил-
ся на сельскія поля, испуская страшный
крикъ и жалуясь плачевнымъ воплемъ
на свирѣлость судьбы, поразившей ея
супруга. Стекаются къ ней граждане
пріемля участіе въ ея скорбной печали,
всѣ съ нею встрѣчающіеся послѣдуютъ
ей обратно, соединяя грусть свою съ
ея опчаяніемъ; наконецъ весь народъ
исшелъ изъ города, дабы видѣть полъ
плачевное зрѣлище. Харита прибѣгаетъ
къ мертвому супругу своего тѣлу;
духъ ея и силы уничтожаются, она
упадаетъ на него, и уже гошова была
жертвовать ему своей душою, кото-
рую давно ему посвятила, но родите-
лями и ближними своими опвлечена бу-
дучи насильно отъ супружняго тѣла,
избавилась она отъ желаемой смерти
противу своей воли.

Между тѣмъ несчастнаго Тлеполе-
ма тѣло несется къ погребенію и ему
сопутствуетъ безчисленное множество
народа. Тогда Тразилъ началъ во-
нись страшнымъ крикомъ, ударяя
грудь

грудь свою и терзая на себѣ волосы; радость въ глубинѣ его сердца умножаясь извлекаетъ изъ очей его слезы, которыхъ онъ не могъ источить при первой своей прищворной грусти: онъ точную истинну своихъ чувствъ прикрываетъ ложно завѣсою именъ священныхъ: онъ сѣтуя и прискорбный испускающая гласъ, называетъ Тлеполема своимъ другомъ, своимъ современникомъ и братомъ, и въ то же время старается онъ удерживать руки несчастной Хариты, когда она спремилась ударять оными свои перси; онъ увѣщаетъ ее убѣдительнымъ образомъ, дабы прекратила теченіе своихъ слезъ, преспахла слѣзать и наполнять воздухъ своимъ воплемъ: онъ горестъ ея печали ищитъ уладить различными повѣспми о непостоянствѣ и превратности счастья. Но среди сихъ ложныхъ доказательствъ своего дружества не забываетъ онъ прикасаться къ ея рукамъ и груди, пытая чрезъ сіе прикосновеніе студную свою любовь. Погребательные обряды совершились; молодая Харита поспѣшаетъ прейти въ царство мертвыхъ, и тамъ соединится съ жѣною своего любезнаго Тлеполема: она

пред-

представляетъ въ умѣ своемъ различныя пути ведущіе ко берегу Спикса ; но изъ всѣхъ избираетъ она самой лучшей и способнѣйшей путьъ , подобный сладкому сну , и для котораго не нужны никакія смертоносныя оружія ; словомъ она заключаетъ себя во мрачное и уединенное мѣсто , съ твердымъ намѣреніемъ не вкушать никакой пищи , и чрезъ то прекратить жизни своей бѣдствія . Но Тразиллъ непреодолимыми прозьбами , иногда самъ чрезъ себя , иногда чрезъ другихъ ея пріятелей и сродственниковъ , иногда чрезъ самыхъ ея родителей убѣдилъ наконецъ сію опчаянную , дабы опложа толь противное здравому разсудку намѣреніе , вкусила нѣсколько пищи , и омывшись въ банѣ обновила бы крѣпость и силы своего тѣла , уже изсохшаго и покрышаго блѣдностію . Харита , всегда оптимѣнное къ родителямъ своимъ хранящая почтеніе , исполнила все , что нужно было для продолженія горестной ея жизни ; и къ сему привлечена была не желаніемъ своимъ , но святостію закона , коюрой убѣждалъ ея совѣсть къ повиновенію родителямъ . Она показывала видъ не веселой , но уже спокойнѣе
прежняго

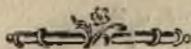

времѣннато; напрошивъ того духъ ея
перзаяся томнымъ сѣтованіемъ, и въ
глубинѣ ея сердца волновалась мрач-
ная буря смущенія и печали. Она
дни и ночи провождала въ сте-
наніяхъ и въ плачѣ, и воздая боже-
скую честь своему супругу, вообража-
ла его въ умѣ своемъ подъ видомъ
бога увеселеній изобрѣшшаго для смерт-
ныхъ утѣшительнаго вина употребле-
ніе; сею мыслию пишаясь усугубля-
ла она свое горестное и плачевное сѣ-
тованіе. Но Тразилль будучи дерзокъ
и безрассуденъ, не дожидаясь, пока
престанутъ течь ея слезы, уполнится
печалью, и съ продолженіемъ времени
упишится ея смущенная душа, отва-
живается говорить ей о новомъ бракѣ
въ то самое время, когда она рыдала
еще о своемъ любезномъ Тлеподемѣ,
перзая свои одежды и волосы; онъ
чрезъ сіе безстыдное предложеніе от-
крываетъ ей тайну своего сердца, и
беззаконное свое коварство. Харита тре-
пещетъ его словъ, и обѣята неочи-
ждаемымъ ужасомъ упадаетъ безъ чув-
ствія, какъ будто поверженная смерто-
носнымъ содѣйствіемъ несчастливаго со-

звѣздѣ, или пораженная громовымъ ударомъ. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ она оживошворяется, начинаешъ опять страшнымъ своимъ воплемъ наполнять воздухъ; припомъ размышляя о слудномъ и беззаконномъ поступкѣ сего ненавистнаго человѣка, оплагаетъ до времени опшѣтствовашъ на его предложеніе, дабы при свѣтѣ здраваго разума о всемъ разсудить подробности.

Между тѣмъ въ нѣкоторую ночь тѣнь убіеннаго Тлеполема прерываетъ сонъ цѣломудренной Хариты и являешся ей имѣя лице блѣдно, безобразно и обогрено кровію: Дражайшая супруга, говоритъ онъ ей, когда воспоминаніе о несчастномъ Тлеполемъ еще тебѣ любовно и утѣшительно твоему сердцу, то пусть ничто не имѣетъ права называть тебя симъ священнымъ именемъ; но ешлы пагубный случай пресѣкши шеченіе моей жизни, пресѣкѣ равно узы нашей супружней любви; сочитайся новымъ и щастливымъ бракомъ съ юношею, кого ты изберешъ по своему разсужденію, но только не съ преступнымъ Тразилломъ; прекрати съ симъ злодѣемъ и знакомство и пріязнь, не
вкушай

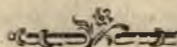
вкушай съ нимъ пищи, и берегись при-
нять его на свое ложе. Убѣгай руки
моего убійцы обагреной моею кровію,
не начинай брака своего люшымъ (а)
ощеубійствомъ: сіи, шобою зримыя и
слезами швоими омовенныя раны не почи-
тай дѣйствіемъ ярости свирѣпаго звѣ-
ря; но копье вѣроломнаго Тразилла раз-
лучило меня съ шобою: наконецъ объ-
явилъ онъ ей подробно всѣ обстоятель-
ства сего неслыханнаго злодѣйства.

Харита при наступленіи ночи воз-
летши на одръ для успокоенія своихъ
чувствій поль несносною объята была
печалію, что въ самое время сна, изъ
прелестныхъ очей проливая слезные ис-
точники, орошала оными розовыя свои
ланишы. Но явленіемъ супружней шѣни,
какъ будто страшнымъ громовымъ
шрескомъ возбуждена будучи, возобно-
вляешъ свой плачь, и вопль ужасный,

3 2

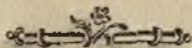
шер-

(а) Злодѣйство Тразиллово можетъ наз-
ваться ощеубійствомъ потому, что онъ
умертвилъ своего искренняго друга, и
шакъ Харита имѣла бы нѣкоторымъ
образомъ участіе въ семъ злодѣйствѣ,
если бы она вступила въ бракъ съ убій-
цею своего мужа.

перзая свою грудь и рамена бѣлѣйшія слоновой кости; однако не обѣявляя ни кому о семъ сновидѣніи, и припторяясь, будто ничего еще не знаетъ о пагубныхъ обстоятельствахъ Тлеполемовой смерти, намѣреваетъ она достойной казнію отмститьъ беззаконному его убійцѣ, и потомъ уже пресѣчь свою жизнь толико для нее мучительную и несносную.

Между тѣмъ ненавистный и безразсудный Тразиллѣ не престаеетъ покоить цѣломудренный ея слухъ убѣжденіями къ новому браку; но Харита отрицаясь отъ того съ нѣкоторымъ учтивствомъ, и ушаева я намѣреніе свое съ удивительною хитроснью, ошвѣчаетъ на всѣ его прозвбы такимъ образомъ: еще прелестный образъ дражайшаго моего супруга, и твоего искреннаго пріятеля, живо представляется моимъ очамъ, еще нектарный лобзаній его запахъ проникаетъ мое обоняніе; любезный Тлеподемъ еще обитаетъ во глубинѣ моего сердца, и потому весьма ты благоразумно поступишь, если нещадной вдовицѣ дозволишь сътовать столько времени, сколько пребудетъ

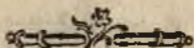

ешѢ смерть ея супруга: помедли, до колѢ исполнится послѣдній мѣсяцѢ года опредѣленнаго закономѢ для сего священнаго долга; сія справедливая опсрочка сохранишѢ не только мою честь и благопристойность, но равно и швоей споспѣшествовалы будешѢ безопасности: ибо я весьма спрашусь, чшобѢ грозная Тлеполемова шѢнь симѢ новымѢ и польноспѣшнымѢ моимѢ сѢ тобою бракосочетаніемѢ раздражена будучи, не вооружилась противу насѢ праведной местию, и не повергла тебя во мрачность гроба.

Толь благоразумнымѢ отвѣтомѢ дерзновенный ТразыдлѢ ни мало не приведенѢ былѢ вѢ чувство; самая радость и надежда, что по прошествіи нѣкотораго времени можетѢ онѢ получить вѢ супружество себѢ прекрасную Хариту, не дѣйствительны были кѢ уменьшенію безразсудной его нешерпѣливости; напрошивѢ шого усугубляетѢ сѢ прозьбы свои представляя разныя и убѣдительныя доказательства. Харита не могла шерпѣшь его велерѣчія, и притворясь согласившеюся, послушай, говоритѢ ему, шы по крайней мѣрѢ дол-

3 3

женѢ

женѣ исполнить одно и самое справедливое мое прошеніе, которое состоитъ въ томъ, чтобъ видѣться намъ съ побою на единѣ, и по самымъ шайнымъ образомъ, дабы никто изъ моихъ домашнихъ не могъ о семъ провѣдать, пока исполнися время, въ которое должна я сѣповать о своемъ супругѣ, нося печальную одежду. Тразилъ оболщенный шоль неожиданнымъ обѣщаніемъ соглашается съ радостію на ея предложенія; онъ нетерпѣливо желаетъ, чтобъ скорѣе приближилась ночь, дабы имѣть ему въ объятіяхъ своихъ Хариту, которую предпочиншаетъ онъ всему на свѣтѣ. Но слушай, говоритъ ему Тлеполемова супруга, не забудь прикрышь себя епанчею, дабы встрѣчающіеся не могли тебя узнать; при томъ не должно тебѣ имѣть ни одного съ собою чловѣка, и при наступленіи темноты ночной пришедши къ моему дому не спучи въ ворота, но шолько однимъ свистомъ дай знакъ о своемъ приходѣ, и дожидай моей кормилицы, которая стоять будетъ у воротъ; она тебѣ немедленно ихъ отворишь и проведетъ безъ свѣтильника въ мою спальню.

Тра-

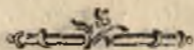
Тразилъ никакихъ въ намѣреніи семъ не предвидя и не опасаясь хитрошей, похвалилъ сіе пагубное для себя свиданіе; однако досадовалъ онъ на то, что принужденъ былъ ожидать ночи; печеніе дня казалось для него весьма долговременнымъ. Наконецъ, какъ только дневный свѣтъ уступилъ мѣсто темнощѣ ночной, то спрасный сей любовникъ упоенный лестною надеждою прикрывшись спанчею приходитъ къ дому прекрасной Хариты; и бодрствующая при врачахъ кормилица проводила его въ спальню, гдѣ исполняя приказаніе своей госпожи оказываетъ ему всѣ знаки дружества, приноситъ немедленно рюмку и сосудъ наполненный крѣпкимъ виномъ, въ которомъ примѣшанъ былъ усыпляющій ядъ. Она извиняя предъ нимъ медленность Хариты опасной ея родителея болѣзнію, непрестанно навѣщаетъ его рюмками; онъ пьетъ съ охотою и безъ всякаго подозрѣнія; и погружается напоследокъ въ глубокой сонъ.

Когда уже преступный Тразилъ находясь въ такомъ состояніи подверженъ былъ всѣмъ поруганіямъ, ка-

кія тільки можно вымыслишь, Харита
 будучи увѣдомлена кормилицею, вхо-
 дитъ въ ссальню, и ободряясь муже-
 ствѣмъ превышшимъ ея пола, прибли-
 жается къ нему и яростными смотря
 на него очами, говоритъ: се вѣрный
 свутникъ моего любезнаго Тлеполема,
 се знаменитый ловецъ звѣрей и мой же-
 ланный супругъ, се рука излившая
 мою кровь; вотъ лукавое сердце со-
 плетшее для моей погибели коварныя
 сѣщи; вотъ ненавистныя очи, которыя
 лѣдила я къ своему несчастію, и ко-
 торыя отъ блеску моихъ прелестей
 уже давно помрачили, какъ будто
 предупреждая свою казнь, и предвидя,
 что уже никогда они солнечнаго не у-
 дрятъ свѣта. Сии вѣроломцы спокойно,
 и наслаждайся пріятнымъ сновидѣ-
 ніемъ; мечтай, что имѣешь меня въ
 своихъ объятіяхъ, я не поражу тебя
 мечемъ или другимъ смертоноснымъ о-
 рудіемъ; я не хочу, чтобъ одинакимъ
 родомъ смерти сравнился ты съ мо-
 имъ любезнымъ Тлеполомомъ: взоръ
 твоихъ очей померкнетъ при жизни
 твоей, и ты уже ничего не увидишь,
 какъ только во снѣ; смерть твоего не-
 пріятели покажется тебѣ благополуч-
 нѣй.

нѣйшею , нежели для тебя жизнь твоя ; ты не узришь вѣчно лучезарнаго свѣтла ; чуждая рука будетъ твоимъ предводителемъ ; не возляжешъ съ побою Харита на ложѣ ; не льстись коварный злодѣи именоваться ея супругомъ ; ты не утѣшишься ни спокойствіемъ смерти , ни пріятностями жизни ; но уподобишься привидѣнію , скишающемуся между адскимъ мракомъ и между сіяніемъ солнечнымъ ; ты долго будешь искать руку исторгшую твои зѣницы , и что всего для тебя мучительнѣе , ты останешься въ сомнѣніи , о моемъ ли паче , или о своемъ должно тебѣ рыдать нещастіи : я гробъ моего любезнаго Тлеполема орошу кровію , испекшею изъ твоихъ очей , я принесу ее на жертву священной его тѣни : но для чего я медлю изліять на тебя достойное мщеніе ? Можетъ быть въ сіи минуты представляешь ты себя лежащимъ въ моихъ объятіяхъ , но знай , они тебѣ пагубоносны . Оставь мракъ , въ которой погруженъ ты силою сна , и воспряни , дабы низринуться въ долговременную и плачевную мглу ; познай мой гнѣвъ и мщеніе , возвысь къ небесамъ твой взоръ ; но ты ихъ не уви-

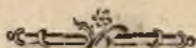
дишь; предспавъ въ умѣ своемъ бездну
 нещастія, въ которую тебя повергаетъ
 моя непрепешная десница; въ семъ
 только печальномъ состояніи очи твои
 будутъ любезны цѣломудренной Тле-
 полемовой супругѣ; шако брачныя свѣщи
 возсіяютъ при торжественныхъ обра-
 дахъ твоего Тименя, мстителныя Фу-
 рин будутъ предшественницами ко хра-
 му; слѣпота будешь тебѣ спутство-
 вать, и порочная твоя совѣсть не пре-
 шанеть тебя терзать повсемѣстно.

Такимъ образомъ предрекши ему
 всѣ бѣдствія вынимаетъ она изъ голо-
 вы своей булавку, и вонзивъ ее спо-
 крашно въ его ненавистныя очи, оспа-
 вляетъ совсемъ ослѣпшимъ; но между
 тѣмъ, какъ неизвѣстная боль разго-
 няетъ его сонъ и винные пары; схва-
 тываетъ она висящій Тлеполемовъ мечъ,
 и обнажа его спремится прямо ко гробу
 своего супруга предпріемля страшное и
 отчаянное намѣреніе; всѣ, сколько насъ
 ни было въ ея домѣ, и всѣ также
 граждане бѣжали за нею во слѣдъ, у-
 вѣщевая одинъ другаго, дабы испорг-
 нуть изъ рукъ ся смертоносное ору-
 жіе: но Харина приближась ко гробу
 Тле-

Тлеполемову, отражаетъ ошъ себя мечемъ всѣхъ хотящихъ ей прошивиться, и видя, что всѣ рыдаютъ, стонутъ и волятъ плачевнымъ крикомъ о ея сосояннн, престаньте, говоритъ имъ, проливаяше слезные источники, усугубляющіе мою горестъ, прекратите и уничтожьте вашу печаль, которая столь мало свойственна моему великодушію; я уже отмстила кровожаждущему супругу моего убійцѣ, и наказала преступника распоргшаго узы моего брака: уже время, чпобъ сей мечь отверзъ мнѣ врата смерти; потомъ разсказавъ имъ все подробно, какъ явился ей несчастный Тлеполемъ въ сонномъ видѣннн, и какую при томъ хитростъ употребила она для наказанія коварнаго Тразилла, пронзаетъ грудь свою мечемъ, и упадаетъ орошаясь собственною кровію; она произнесла еще нѣсколько невнятныхъ словъ, и ея чистѣйшая и геройская душа излепаетъ изъ прекраснаго тѣла. Немедленно друзья и сродники подѣмлютъ тѣло несчастнаго Хариты, и омывши его съ возможнымъ стараніемъ заключаютъ въ одинъ гробъ съ Тлеполемомъ; и тако соединилась она уже вѣчно съ своимъ супругомъ.

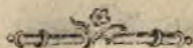
Тра-

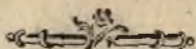
Тразиллѣ извѣстясь о шакомѣ плачевномѣ приключеніи не можеть изобрѣсть достойной вѣроломства своего смерти, и зная, что остріе меча не довольно для его казни за столь ужасное беззаконіе, проситѣ, чтобѣ привели его ко гробу несчастныхъ чешы; его желаніе удовольствовано; вѣ семѣ мѣстѣ повтора нѣсколько разѣ: о тѣни гонимыхъ злобою моею, я самовольно приношу себя на жертву вашему гнѣву и мщению! Повергается онѣ къ нимѣ во гробѣ и заключаешѣ за собою двери его; имѣя непремѣнное намѣреніе истощить и умертвить себя голодомѣ.

Вотѣ печальное приключеніе, которое служитель несчастной Хариты продая слезы рассказывалѣ симѣ пастухамѣ. Тогда они спрашась власти новаго и неизвѣстнаго имѣ господина, вознамѣрились не медленно бѣжать оплакивая горестную участь Тлеполемова дома. Начальникѣ пастуховѣ, которому я препорученѣ былѣ съ шолкой стѣ Хариты похваляю и одобреніемѣ, похищаетѣ все сокровище храняемое имѣ вѣ сей деревенской книжнѣ, потомѣ меня и другихъ моихъ сопридниковѣ

опла-

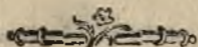

спяготя симъ богатствомъ оставляешъ свое прежнее жилище и отправляется поспѣшно въ дорогу: мы на спиннахъ своихъ несли малолѣтныхъ дѣтей, женщинъ, тусей, ушокъ, цыплятъ, козъ, маленькихъ собачекъ; и все, что не имѣло собственной скорости къ бѣгству, все нашими спасалось ногами. Хотя мое беремя было весьма тяжело, но мнѣ казалось оно чрезвычайно легкимъ, по причинѣ радости, которую чувствовалъ я избавляясь отъ жестокаго поселенина, хотѣвшаго сдѣлать меня не способнымъ къ самымъ приятнѣйшимъ въ свѣтѣ забавамъ. Возшедши на превысокую и густымъ лѣсомъ покрытую гору, и спустясь съ нее на другую сторону въ долину, приближились мы уже подъ вечеръ къ одному многолюдному и богатому городу, котораго жители совѣтовали намъ не продолжать пути своего ночью, и также въ самое ушреннее время, говоря, что свирѣпыя и чрезвычайной величины волки опустошаютъ сіи страны, и подобно разбойникамъ преграждая дорогу нападаютъ на всѣхъ путешественниковъ; сверхъ того жестокимъ иногда шерзаемы будучи голодомъ вбѣгаютъ и въ
ближ-

ближнія деревни, гдѣ не только овцы и козы, но и самые люди бываютьъ жертвою неукротимой ихъ свирѣпости; присовокупили они къ тому, что на дорогѣ, по которой должно намъ непремѣнно продолжать путь свой, увидимъ мы человѣческіе шрупы до половины сѣденные, и множество костей обнаженныхъ отъ своего шѣла; для сихъ причинъ и мы съ возможною осторожностію должны проходитьъ сіи мѣста; и для избѣжанія бѣдствій угрожающихъ намъ отъсюду не должны раздѣляться другъ отъ друга, но соединисья вмѣстѣ, и пустились въ дорогу уже предъ полуднемъ, ибо зной и сіяніе солнечное уменьшаетъ свирѣпость сихъ жестокихъ звѣрей.

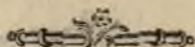
Однако проклятые наши бѣглецы презирая поль полезныя гражданъ совѣты не захотѣли дождаться дня, и безразсуднымъ безпокоемы будучи страхомъ, чтобъ ихъ не догнали, они отправились въ дорогу около полуночи; но я спрашася предсказаннаго нещастія, и не хоша подвергнуться лютоспи сихъ волковъ, сокрылся въ самую средину всѣхъ моихъ спутниковъ, которые
шли

шли совокупно; предводители наши чрезвычайно удивились, видя, что я скорѣе иду, нежели быстрая лошадь. Но сія скорость происходила не отъ усердія моего къ нимъ, или отъ моей бодрости, но отъ страха и ужаса, кошорымъ я былъ объятъ; и въ позже время разсуждалъ я самъ съ собою, что и славный конь Пегасъ наименованъ отъ всѣхъ крылатымъ не по чему другому, какъ только по причинѣ ужаса, кошорой принуждалъ его съ возможною спремисью быстрою, и возлетать до облакъ, дабы огнедышущая Химера его не поглотила.

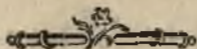
Между тѣмъ наши пастухи приутоновились какъ будто на сраженіе. Они были вооружены копьями, стрѣлами, мечами и палками; иные собирали для себя лежащіе на дорогѣ камни, иные колѣе и дубины, многіе припомъ несли зажженные свѣщильники для успрашенія свирѣпыхъ звѣрей; словомъ, одной только не доставало трубы или звучнаго рога, кошорымъ бы дашь знакъ къ боевому порядку и дѣйствительному сраженію. Но будучи безпокойны и щетнымъ симъ страхомъ звергнулись

мы

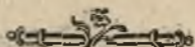
мы несравненно въ большее несчастіе, нежели какого боялись : ибо ни одинъ волкъ намъ не попадался, можетъ быть потому, что сіи жестокіе звѣри или устрашились крика производимаго шолкимъ множествомъ молодыхъ людей, идущихъ совокупно, и также пламени пылающаго отъ зажженныхъ свѣтельниковъ, или ушли въ другую сторону для хищной своей добычи; но какъ бы то ни было, ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился насъ беспокоить; напротивъ того жители одной деревни, чрезъ которую мы проходили, почитая бѣглецовъ нашихъ за точныхъ разбойниковъ чрезвычайно устрашились, и стараясь о своей безопасности подняли ужасной вопль, и выпустили противу насъ безчисленное множество собакъ, которыхъ они кормили единственно для всякихъ опасныхъ случаевъ, и которыя всѣ были удивительной величины, и свирѣпѣе всякаго волка или медвѣдя. Они отъ природы будучи люты и жестоки, и сверхъ того поощряемы крикомъ своихъ господъ выбѣгають и окружають насъ со всѣхъ сторонъ; устрѣмляются на людей и на скотину безъ всякаго разбора; и ожесточась въ ярости

спи

ети своей на всѣхъ, многихъ изъ нашихъ слугниковъ уязвили и повергли на землю. Поистиннѣ это было весьма удивительное, но больше того печальное и жалостное зрѣлище: ибо изъ великаго множества разъяренныхъ собакъ, инья спремилась за бѣгущими, инья терзали стоящихъ и защищающихъ себя храбро, другія скакали по тѣламъ лежащихъ на земли, и пробѣгая чрезъ наше войско терзали все, что ни встрѣчалось съ ними.

Къ сему толь неожиданному несчастію присоединилось еще другое и жесточайшее бѣдствіе: ибо сіи поселяне съ высоты своихъ домовъ и хижинокъ, и также съ одного холма стоящаго по близости, мешали въ насъ камнями, которые въ безчисленномъ множествѣ падали на насъ подобно осеннему граду; и мы не знали, съ которой стороны должно намъ защищаться и убѣгать смерти; отъ собакъ ли нападающихъ на насъ вблизи, или отъ тучи камней поражающихъ насъ издали. Но по случаю одинъ камень проломилъ голову сидѣвшей на мнѣ женщины, которая не мог-

ши терпѣть боли сего удара, закричала плачевнымъ воплемъ, призывая на помощь къ себѣ своего мужа, которой былъ начальникомъ сихъ бѣглыхъ пастиуховъ; онъ прибѣжавши и опирая кровь текущую изъ головы жены своей, возопилъ къ поселянамъ самымъ громкимъ голосомъ, и призывая въ свидѣтельство боговъ: „Для чего, говоришь имъ, для чего съ такою яростию нападаете вы на бѣдныхъ прохожихъ, утружденныхъ дальнымъ путешествіемъ? или вы боитесь, чтобъ мы васъ не ограбили? какое учинили мы злодѣйство, за которое вы столь безчеловѣчно намъ теперь опмщаете? вы не въ мрачныхъ, кажется, живете пещерахъ, и не въ пустыхъ лѣсахъ, чтобъ вамъ съ такою лютостію и съ такимъ приномъ ушѣшеніемъ проливать кровь человѣческую? едва онъ окончалъ сіи слова, какъ вдругъ безчисленное камней множество престало насъ поражать, и собаки повинувся голосу своихъ господъ прекратили свою свирѣпость; послѣ сего одинъ изъ поселянъ взлѣзши на кипарисное дерево, говорилъ намъ такимъ образомъ: Что касается до насъ, то мы не съ намѣрені-

реніемъ ограбить васъ , и обогатиться вашимъ имѣніемъ , поступили съ вами такъ свирѣпо , но чтобъ избавить себя отъ нападенія съ вашей стороны ; однако узнавъ теперь , кто вы таковы , просимъ извиненія въ нашей ошибкѣ , и вы можете продолжать путь свой уже безъ всякаго себѣ вреда и опасности. Услышавъ сіе , отправились мы въ дорогу , будучи всѣ безъ всякаго исключенія ранены или каменьемъ , или зубами собакъ свирѣпыхъ.

Шедши такимъ образомъ нѣсколь-ко времени пришли мы въ пріятную рощу , въ копорой деревья были густы и высоки. Наши предводители заблаго разсудили остановиться въ семъ мѣстѣ , чтобъ отдохнуть , укрѣпиться пищею , и перевязать свои раны : и такъ сѣдши на землю начали они немедленно обѣдать ; послѣ чего поспѣшающъ изыскивать средства ко уменьшенію боли своихъ ранъ ; иные омывають ихъ въ ближнемъ источникѣ , иные прикладываютъ къ своимъ язвамъ Грецкія губы наполненныя водою , иные перевязываютъ ихъ бѣлыми полотнами , словомъ , всѣ съ возможнымъ раченіемъ старающа излѣчиться отъ болѣзни.

Въ сіе самое время смотритъ на нихъ съ высоты ближняго холма одинъ старикъ, они его увидѣли, и по множеству козъ ходящихъ вокругъ его, легко догадались, что это былъ пастухъ. И такъ одинъ изъ нашихъ путешественниковъ спросилъ у него громкимъ голосомъ, не имѣетъ ли продажнаго молока или сыру; но старикъ покачавъ многократно своей головою; ахъ безразсудные, отвѣтствуетъ имъ, вы помышляете о пищѣ и питіи; или не извѣстна вамъ опасность мѣста, въ которой вы теперь находитесь? послѣ сего потянулъ онъ свою скотину и удалился отъ насъ немедленно. Слова и бѣгство сего старика привели въ смущеніе нашихъ путешественниковъ, и какъ они разсуждали между собою съ крайнимъ ужасомъ и недоумѣніемъ; не имѣя при томъ никого, кто бы могъ рассказать имъ, въ какомъ они находятся мѣстѣ, вдругъ увидѣли другаго старика согбеннаго уже старостию, и едва съ помощію палки къ нимъ идущаго. Наконецъ онъ приближился, и воззрѣвъ на нихъ скорбными и слезными очами, повергся къ ихъ ногамъ, и обнимая попеременно ихъ колѣни, да

да благоволятъ боги , говоритъ имъ ,
чтобъ вы въ радости и въ цѣломъ
здравіи достигли до такой же старо-
сти, какую я уже имѣю ; но я васъ за-
клинаю вашимъ щастіемъ и духами ,
вашими хранилищами , помогите опча-
янному старикку , которой лишается
надежды имѣть по себѣ желаемое по-
шомство : избавьте отъ чуждой смер-
ти младаго отрока , и возвратите его
моей старости : онъ внукъ мой и лю-
безный спутникъ въ моемъ странство-
ваніи. Онъ по случаю удалился отъ
меня въ сторону , и стараясь поймать
поющего въ кустахъ чирика , упалъ
нечаянно въ ближній ровъ , которой
покрытъ былъ листьями и мѣлкимъ
кустарникомъ : онъ еще живъ , но толь-
ко уже близъ смерти , я знаю по по
его плачевному и томному воплю , ко-
торымъ онъ призывалъ меня къ себѣ
на помощь ; но будучи столь слабъ и
бессиленъ , какъ вы теперь видите , не
могу я освободить его отъ горестной
смерти , напротивъ того вы находясь
въ цвѣтущихъ лѣтахъ и довольныя
имѣя силы , вы можете легко помочь
нещастному старикку , и возвратишь
ему сего отрока , которой одинъ толь-

ко у него наслѣдникъ во всемъ поко-
лѣнн.

Сн убѣдительныя прозбы, сн слезы несчастнаго старика, перзающаго свои волосы, произвели во всѣхъ нашихъ паспухахъ чувствительное сожалѣнне. Одинъ изъ нихъ будучи всѣхъ моложе и отважнѣе, припомъ одинъ только, которой не былъ уязвленъ сельскими жителями, всалъ съ охотою, и пошелъ за старикомъ немедленно, онъ спросилъ у него о мѣстѣ, гдѣ упалъ бѣдный ошрокъ, старикъ указалъ ему перстомъ терновый кустарникъ, находящійся отъ нихъ недалеко. Между тѣмъ, когда мы всѣ довольно насытились, и наши паспухи окончили свой обѣдъ и перевязали свои раны, то каждой изъ нихъ поклавши опять свое имѣнне въ сумку отправились въ дорогу, и кликали многократно товарища своего, которой ушелъ отъ нихъ со старикомъ; но безпокоясь его медлѣннемъ, послали они другаго, чтобъ онъ сыскалъ его и привелъ назадъ. Сей послѣдннй возвращается къ нимъ немедленно весь трепеща отъ ужаса, и лице свое имѣя покрыто смер-

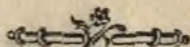
нозю

ною блѣдностію ; онъ рассказалъ имъ горестный случай приключившейся ихъ товарищу , говоря , что онъ видѣлъ его во рвѣ поверженнаго на спину и уже до половины разтерзаннаго , и близъ его страшнаго дракона , которой снѣдалъ его остатки ; напротивъ того несчастнаго старика не могъ онъ нигдѣ увидѣть.

Спранники наши услыша сію вѣсть , и соображая ее съ тѣми словами , которыя говорилъ имъ престарѣлый пастиухъ съ высоты холма , узнали , что онъ предостерегалъ ихъ отъ сего ужаснаго змія , живущаго въ пріятныхъ сихъ мѣстахъ , и потому спѣшатъ удалиться отъ сего роши , и для скорости усугубляющъ на спинахъ нашихъ палочные удары ; препроводя не мало времени въ дорогѣ , пришли мы наконецъ въ небольшой городъ , и тамъ для отдохновенія остановились ночевать ; я услышалъ въ немъ удивительную повѣсть , и такъ хочу ее вамъ рассказать.

Находился въ городѣ семъ нѣкошорой невольникъ , которому господинъ

динъ его поручилъ всѣ свои дѣла и
смотрѣніе надъ всѣмъ имѣніемъ, и ко-
торой въ томъ самомъ домѣ, гдѣ мы
ночевали, имѣлъ довольное число по-
варовъ. Онъ женатъ былъ на одной
также невольницѣ, служившей съ нимъ
вмѣстѣ, но между тѣмъ влюбился онъ
спрастно въ одну женщину, которая
была свободнаго сословія, и припомъ
не изъ одного съ нимъ дому. Жена
его досадуя на сей поступокъ, и оп-
чаяся отвлечь его отъ любовницы, со-
жгла бумаги, на которыхъ всѣ росхо-
ды и счета мужемъ ея были запи-
саны, сожгла припомъ все, что нахо-
дилось въ его кладовой, но не доволь-
ствуюясь симъ опмщеніемъ, за его къ
ней ненависть и презрѣніе, вооружающ-
ся она противъ самой себя, и противъ
собственной своей крови, она опоясав-
шись веревкою и привязавъ къ се-
бѣ оную младенца, которой рож-
денъ отъ сего супружества, броси-
лась съ нимъ въ глубокой колодезь.
Господинъ огорченной несчастною ихъ
смертію, поймалъ невольника, которой
развращенными своими поступками до-
велъ ихъ до сего плачевнаго опчаянія,
и приказалъ раздѣль его до нага, на-

мазати съ ногѣ до головы медомѣ, и потомѣ крѣпкою веревкою пригзати къ смоковницѣ, у которой согнвшее при корнѣ дуло наполнено было безчисленнымъ множествомъ муравьевъ. Едва только сіи несѣкомые почувствовали запахъ, происходящій отъ шѣла сего несчастнаго юноши, вдругъ прилѣпились къ его кожѣ, и маленькими своими жадами, хотя не жестоко, но непрестанно уязвляя, сиѣдали его шѣло и внутренность; наконецъ по долговременномѣ и жестокомѣ мученіи обнажились его кости, которыя и нынѣ висятъ еще при деревѣ, будучи бѣлы и сухи чрезвычайно.

Мы оставили сей проклятый домъ и удалились отъ города, котораго жители оплакивали еще сіе несчастное приключеніе. Препроводя весь день въ дорогѣ, идучи по равной и не гористой землѣ, приблизились мы къ одному изрядному и многолюдному городу; наши пасухи вознамѣрились въ немъ основаниться и основать себѣ въ немъ всегдашнее жилище: ибо сіе мѣсто казалось имъ способнымъ убѣжищемъ отъ всѣхъ поисковъ, какіе захолятъ за ними

учинишь господà, отъ которыхъ они убѣжали, и при томъ всѣ сѣбѣшныя припасы, и прочіе товары были въ немъ весьма дешевы: и такъ они меня и всѣхъ другихъ ословъ и лошадей своихъ три дни кормили въ конюшнѣ, дабы за лучшую продашь насъ цѣну, и на четвертый день вывели насъ на площадь для продажи.

Когда публичный провозвѣстникъ громкимъ голосомъ объявилъ цѣну каждому изъ насъ, то всѣ прочіе мои сотрудники были куплены богатыми купцами, и я одинъ только остался; большая часть изъ пришедшихъ на торгъ проходили мимо меня не останавливаясь и смотрѣли съ крайнимъ на меня презрѣніемъ. Я досадовалъ на различныя опыты, кощорые они дѣлали надъ моими зубами, чтобъ узнать мои лѣща; и пошому схватя руку одного купца, кощорой гнилыми и пахучими своими перстами весьма часто скребъ мои десны, списнулъ се своими зубами съ возможнымъ усиліемъ, также мое неучтивство прогнало всѣхъ отъ меня купцовъ; и никто уже не хотѣлъ купить меня по причинѣ моей

свирѣпости. Тогда провозвѣстникъ ломая себѣ голову чрезмѣрнымъ крикомъ стократными предъ народомъ осыпалъ меня насмѣшками, долго ли, вопилъ онъ охриплымъ голосомъ, долго ли намъ безъ всякой пользы выставлять на шоргъ мерзкую и подлую скотину, у которой ноги и копыта изломаны, цвѣтъ шерсти гнусной, и кожа не годится уже на самое негодное рѣшено, и которая при всей дряхлости своей и лѣности весьма свирѣпа и неукропима? для чего мы не подаримъ ее комуни-будь, естли только къ счастью нашему същется какой роскошной чело-вѣкъ, которой не пожалѣетъ потерять напрасно своего сѣна? Всѣ предстоящіе, слыша толь забавныя надо мною шу-тки, хохотали изъ всей мочи.

Но злая моя судьба, гонящая меня повсюду, и опъ которой не могъ я ни въ какихъ мѣстахъ сыскать себѣ убѣжища, или утолить ея гнѣвъъ поль многими бѣдствіями великодушно мною понесенными, воззрѣла еще на меня злобными очами, и сыскала купца, которой бы могъ усугубить и продол-жить мои несчастія; узнайше, кто онъ ша-

таковъ. Это былъ престарѣлый Евнухъ почти совсѣмъ плѣшивой, и весьма малое число сѣдыхъ и кудрявыхъ волосовъ съ головы его висѣло; онъ былъ изъ сообщества презрѣнныхъ побродягъ, которые ходя по улицамъ и нося съ собою богиню Сирійскую при звукѣ нестройныхъ музыкѣйскихъ орудій, просятъ на ея имя у всѣхъ милостыни. Сей подлецъ, желая меня купить, спрашиваетъ у провозвѣстника, изъ какой я земли? ему отвѣтствуетъ, что я Каппадокіанинъ, и довольно имѣю силы и бодрости, Евнухъ хочетъ знать, много ли мнѣ лѣтъ: „но провозвѣстникъ смѣясь; одинъ Астрологъ, отвѣтствуетъ ему, которой примѣчалъ и расположилъ созвѣдіе сего осла, увѣрилъ насъ, что ему еще только пять лѣтъ; однако, продолжалъ онъ, сіе животное лучше всѣхъ можетъ знать о себѣ самомъ, ибо я не сомнѣваюсь, чтобъ родители его не вписали его въ общій гражданъ списокъ, и не объявили день его рожденія; впрочемъ, хотя я сдѣлаюсь преступникомъ Корнеліева закона, естли съ намѣреніемъ продамъ тебѣ свободнаго Римскаго гражданина, вмѣсто невольника, однако не опасайся и положи

жисъ

жись на меня, купи себѣ шоль изряднаго раба, котрой тебѣ и въ полѣ и въ домѣ весьма будетъ полезенъ.

Презрѣнный Евнухъ торгуя меня, не преставаѣ дѣлать вопросы о всѣхъ моихъ качествахъ и достоинствахъ. И въ заключеніе спросилъ еще, смиренъ ли я: ты не осла предъ собою видишь, отвѣтствуетъ ему провозвѣстникъ, но самаго смирнаго барана, котрой готовъ все дѣлать, и всему повинувашься, при томъ не кусается, не бѣшетъ ногами, и такъ учтивъ и спокоенъ, какъ будто человекъ, зашитой шолью въ ослиную кожу; ты можешь все то испытать; положи голову свою между заднихъ его ногъ, и увидишь точно, какое онъ покажетъ тебѣ великодушіе.

Такимъ образомъ провозвѣстникъ шушилъ надъ престарѣлымъ Евнухомъ, но сей узнавши, что онъ ему насмѣхается, „пусть, кричитъ на противъ съ гнѣвомъ, пусть всемогущая богиня Сирійская (б) мать всел
при-

(б) Сіа Богиня почиталась матерію всѣхъ Евровъ. Иначе называется она Рева или Опсю.

природы, и свяшой (в) Саббацій, и Беллона, и Цибелла, и владѣшельная Венера съ своимъ Адонисомъ, пусть сдѣлають тебя глухимъ, слѣпымъ и иѣмымъ, тебя проклятой крикунъ, которой столь долго надо мною смѣяться? или думаешь ты негодной, что осмѣлюсь я положить нашу богиню на хребетъ свирѣпаго и подлаго осла, которой не приминетъ ее свергнушь на землю и раздробить въ мѣлкія части, и чтобъ я принужденъ былъ съ распрепанными волосами повсюду бѣгать и съсккивать для ея излѣченія средства? Слыша Евнуховы рѣчи вознамѣрился я свирѣствовати подобно бѣснующемуся, дабы вида мою люпость перемѣнилъ онъ свое желаніе. Но сей подлецъ спѣша имѣлъ меня въ своихъ рукахъ предупредилъ мое намѣреніе, и отсчиталъ

Опсою. Мужъ ея былъ Целюсъ п. е. Небо и сіе значило, что все въ мірѣ вещи произведены небомъ и землею.

(в) Саввацій тоже что Бахусъ, отъ Греческаго слова *σαβίζειν* п. е. производить шумъ, или крикъ: ибо въ праздникъ Бахусовъ все шумѣли и кричали. Иные писатели говорящъ, что Саввацій былъ сынъ Бахусовъ.

шлалъ въ минушу господину моему семнащцать денарій, которой принявъ ихъ съ великимъ удовольствіемъ, и отдалъ меня немедленно Филебу, (такъ назывался Евнухъ, мой новый господинъ) которой взявши за узду повелъ меня въ свое жилище; входя въ домъ кричитъ онъ изъ всей мочи, „слушайте молодыя дѣвушки, я привелъ вамъ добраго слугу въ сей только часъ мною купленнаго. Но представьте себѣ, кто таковы сіи дѣвушки; это были Евнухи, которые вдругъ и съ чрезвычайною радостію охриплымъ и женоподобнымъ своимъ голосомъ произвели нестройной крикъ, думая, что въ самой вещи приведенъ къ нимъ какой нибудь невольникъ способный служить имъ во всякомъ случаѣ; но увидя, что не Еленица вмѣсто Агамнемноновой дщери, какъ то сдѣлалось въ Авлидѣ, но подлый осетъ приведенъ вмѣсто мушны, нахмурили они свои лица и безчисленными колкими насмѣшками язвили своего начальника, и попомъ уже привязали меня къ яслямъ.

Въ презрѣнномъ сихъ Евнуховъ обществѣ находился одинъ молодой человекъ

вѣиѣ собою толстѣ , высокѣ и спашенѣ , и приномѣ игралѣ весьма хорошо на габѣ . Они его купили на площади , на которой обыкновенно продаются невольники ; онѣ служилѣ имѣ въ числѣ музыкантовѣ , когда они ходили съ своею богинею по поржищамѣ и улицамѣ ; но въ домѣ , принуждали его исполнять должность совѣмѣ противоположную . . . Сей юноша увидя меня привязаннаго къ стойламѣ , принесѣ мнѣ немедленно сѣна и овса весьма довольно , и восхищаясь радостію говорилѣ : „ наконецѣ ты пришелѣ вспомоществовать мнѣ въ несносныхѣ трудахѣ ! да благоволяшѣ боги , чтобѣ жизнь твоя продолжалась , и чтобѣ понравился ты моимѣ господамѣ ! „ Слыша такіа ласковыя слова уже воображалѣ я въ умѣ своемѣ , сколь великимѣ опасностямѣ и бѣдствіямѣ долженѣ я еще подвергнуться .

Вѣ слѣдующій день одѣлись они въ платье гнуснымѣ и смѣшнымѣ покроемѣ сшитое , и расщеренное разными цвѣтами , иные изѣ нихѣ имѣли на себѣ епанчи льняныя , другіе шелковыя , иные шафраннаго цвѣту , и нѣкоторые имѣли

имѣли бѣлые, намазанные по мѣстамъ пурпуровою краскою; всѣ препоясаны чудными поясами; на головахъ ихъ были шапки олимпійскаго и только имъ свойственнаго вкуса, лица ихъ были намазаны воскомъ и грязью, брови раскрашены и расписаны; на ногахъ были туфли желтые. Въ такомъ удивительномъ убранствѣ, выходящѣ они для собиранія милостыни. Богиню свою прикрывши пологномъ шелковымъ, положили ко мнѣ на спину, обнаживъ свои руки до самыхъ плечъ, и держа въ нихъ сѣкиры и превеликіе ножи, начали они дорогою скакать при звукѣ роговъ и другихъ музикійскихъ (г) орудій съ чрезвычайнымъ восторгомъ и радостію подобно торжествующимъ въ Бахусовъ праздникъ.

Прошедши мимо нѣкошорыхъ сельскихъ хижинъ и малыхъ домиковъ, пришли они въ деревню весьма богатаго человѣка; приблизясь къ ворошамъ его дому произвели крикъ и вопль чрезъ

Часть II. I вычай-

(г) Фригійская музыка употребляема была при священнымъ обрядахъ. Лидійская при печальныхъ случаяхъ. Дорическая на войнѣ.

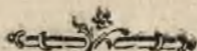

вычайной, и какъ только вступили они въ домъ сей подобно бѣснующимся, то начали обращать головы свои на всѣ стороны, искривляя шеи свои различнымъ образомъ, распрепавъ свои волосы вершѣли ихъ кругомъ, кусая всякъ свои плеча, и наконецъ каждой изъ нихъ давалъ себѣ раны обоюднымъ ножемъ. При томъ находился между ими и такой Евнухъ, который казался въ вѣщшемъ восторгѣ, нежели всѣ его поварищи; онъ пришворился совсѣмъ уже безумнымъ и тяжкія испуская стонанія отъ глубины сердца, старался увѣришь, что онъ исполненъ вдохновеніемъ нѣкотораго божества; будшобы изліяніе божественнаго духа бываетъ обыкновенно пагубнымъ для смертныхъ дарованіемъ, и дѣлаетъ ихъ слабыми и немощными. Но познайте, какое онъ отъ божескаго провидѣнія получилъ себѣ воздаяніе. Онъ началъ сперва громкимъ и пророческимъ голосомъ обвинять себя ложно преступникомъ и нарушителемъ священныхъ законовъ благочестія, потомъ требовалъ чшобъ собственными своими руками наказалъ себя сразмѣрно своему злодѣянью, и въ тоже самое время схватилъ онъ бичъ, обыкновенное

венное орудіе сихъ безчестныхъ полу-
мужей, которой свисъ былъ изъ до-
гихъ льняныхъ веревокъ, и гдѣ впле-
тены шакже баряни косточки сдѣ-
ланныя многоугольнымъ видомъ; симъ
бичемъ ударяя онъ себя по всему шѣлу
многократно, расперзалъ на себѣ всю
кожу, шерпя съ удивительнымъ ве-
ликодушіемъ самовольное сіе мученіе.
Весь полъ въ домѣ семъ омоченъ былъ
кровою текущею изъ ранъ сихъ нече-
спивцевъ, копорые бичами и ножами
изуродовали свое шѣло; сіе спрванное
зрѣлище весьма духъ мой безпокоило:
ибо видя кровь текущую повсюду спру-
ями, опасался я, чпобъ желудокъ сея
чудныя богини равнымъ образомъ не
пожелалъ ослиной крови, какъ то же-
лудокъ нѣкоторыхъ людей пребуешъ
иногда молока изъ сосцевъ ослициныхъ.

Наконецъ упомившися, или почи-
пая, что уже довольно себя терзали и
мучили, прекрапили они свое бѣшен-
ство; тогда великое множество народа
вокругъ ихъ шѣснися, и одинъ предъ
другимъ съ возможнымъ усердіемъ по-
даешъ имъ мѣдныя или серебряныя
деньги, которые презрѣнные сіи швари

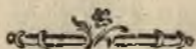

кладутъ себѣ въ пазуху, сверхъ того дали имъ боченокъ вина, дали молока, сыру, яицъ, приномъ ячменной и пшеничной муки, а нѣкоторые по особенной ревности давали имъ немолодого ячменю и для осла, какъ для вѣрнаго носильщика сѣя богини. Всѣ сѣя поданія принимали Евнухи безъ всякой оговорки и положивъ ихъ въ мѣшки единственно для сихъ мѣлочей приуготовленные, обременили меня оными; тогда неся я на спинѣ своей сѣбѣ сныи ихъ припасы, и также испуканъ богининъ служилъ имъ въ одно время и храмомъ и жилищемъ. Такимъ образомъ ходя повсюду сѣя нечестивцы собирали оброкъ со всѣхъ жителей.

Въ нѣкоторой день получивъ они весьма богатую добычу вознамѣрились повеселиться въ одномъ маленькомъ замкѣ; для сего торжества выпросили они у достопочнаго поселанина самаго жирнаго барана, говоря, что богиня ихъ давно уже ничего не ѣла, и потому бараномъ симъ хочетъ нынѣ утолить свой голодъ. Приуготовя все нужное къ великолѣпному своему пиршеству, пошли они въ баню; немного спустя времени

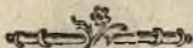

мени возвращающа ошполѣ, и ведущѣ съ собою одного сильнаго и здороваго поселянина, котораго они пригласили къ себѣ на торжественный обѣдѣ. Сѣдши за столѣ Бян они весьма мало и по на скорую руку, послѣ шого нечестивые сѣи подумужи, убѣдили приведеннаго поселянина, . . . Но долженѣ ли я изъясняться! не могли терпѣть шоль спуднаго беззаконія, хотѣлъ я закричать о граждана! однако не могѣ я ничего выговорить кромѣ первой буквы О, которую произнесѣ я голосомѣ яснымѣ, громкимѣ и свойственнымѣ ослу; но это было весьма неблагоприятно: ибо великое множество молодыхѣ людей которые вышедши изѣ ближняго села искали повсюду осла своего, украденнаго у нихѣ ночью, услышавѣ мой крикѣ, и думая, что непременно ихѣ оселѣ заключенѣ въ семѣ мѣстѣ, вбѣжали немедленно въ домѣ нашѣ въ шое самое время, когда Евнухи ничего не опасаясь, упражнялись въ гнусныхѣ своихѣ спудодѣянїяхѣ. Молодые люди призывающѣ въ шотѣ же часѣ всѣхѣ окрестныхѣ сосѣдей и рассказывающѣ имѣ все, что они собственными видѣли очами, похваляя между шѣмѣ шѣ въ извѣщельною насмѣшкою непорочность

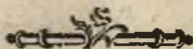

и чистоту сихъ столько прославляемыхъ жрецовъ, которые толь печальнымъ приключеніемъ разнесшимся уже по всему народу и навлекшимъ на нихъ отъ всѣхъ ненависть и презрѣніе, чувствительно будучи посшыждены и опечалены, собираютъ свои пожитки, и въ самую полночь уходятъ изъ сего замка пушемъ пошазненнымъ.

До восхожденія утренней зари немало они совершили пути, и уже при свѣтѣ солнечномъ пришедши въ отдаленныя и пустыя мѣста, начали они разсуждать между собою, чтобъ меня умертвить: и такъ снявъ со спины мсей богиню и всѣ прочіе припасы кладутъ ихъ на землю, потѣмъ привлазавъ меня къ дубу ударяли бичами своими столь долго и безчеловѣчно, что я готовился уже испустить послѣдній духъ свой. Находился между ими одинъ продерской Евнухъ, которой вознамѣрился попоромъ своимъ опсѣчь мнѣ всѣ ноги, однако прочіе не изъ сожалѣнія ко мнѣ, но изъ почтенія къ богинѣ лежащей на земли, вознамѣрились оспаивать меня въ живыхъ. И такъ опягощающъ опять хребетъ мой бременемъ,

и посѣщая палками увѣщеваяють меня
ишли безъ лѣности ; наконецъ вступи-
ли мы въ нѣкоторой проспранной го-
родъ , въ которомъ одинъ самый зна-
менитый жишель , мужъ благочестивой ,
и усердный богочтецъ , услыша пріят-
ную Фригійскую музыку , звукъ ким-
валовъ и разныхъ трубъ , вышелъ къ
намъ на встрѣчу немедленно , и принялъ
богиню въ домъ свой съ удивитель-
нымъ благоговѣніемъ . Онъ для всѣхъ
насъ , какъ для желанныхъ своихъ го-
стей опредѣлилъ проспранные и весе-
лые покои , при томъ всѣми способами
спрается умилошазвить нашу богиню ,
принося ей съ крайнимъ усердіемъ са-
мыя тучныя жершвы . Но что касает-
ся до меня , то я , не смотря на покро-
вительство богини , едва не лишился въ
домъ семъ жизни своей : ибо одинъ по-
селянинъ поймалъ на ловлѣ весьма хо-
рошата оленя , и какъ онъ былъ под-
данной нашему госпепрѣмцу , то пода-
рилъ ему въ знакъ чести самую жир-
ную звѣря сего лядвею ; которую и по-
вѣсили въ поварнѣ за дверьми , но по
неосторожности не очень высоко ; лов-
чій песъ ее увидя не преминулъ восполь-
зоваться глупостію повара , и схвативъ

лядвею сокрылся весьма искусно. По-
 варь узнавъ о семъ несчастномъ слу-
 чаѣ ругалъ и проклиналъ себя спокраш-
 но за свою неосторожность; онъ въ го-
 рести и печали своей проливалъ опчаян-
 ныя и бесполезныя слезы, и воображалъ
 люпоспъ наказанія, которому господи́нъ
 его подвергнетъ, прощается онъ съ
 своимъ маленькимъ сыномъ находившим-
 ся по случаю въ повариѣ, и прицѣпля-
 етъ на гвоздь веревку, чтобъ заблаго-
 временно удавиться; но жена его увѣ-
 домясь въ ту же минуту о семъ оп-
 чаянномъ мужа своего предпріятіи, при-
 сѣгаетъ къ нему немедленно, и ухва-
 тясь обѣими руками за веревку, кото-
 рую онъ уже держалъ; какъ! вопиетъ
 ему со слезами, уже ли страхъ нане-
 сенный тебѣ цодъ малымъ несчастіемъ
 уничтожилъ разсудка твоего силу? или
 не видишь ты спасительнаго средства,
 дарованнаго тебѣ провидѣніемъ боже-
 скимъ? и такъ естли хотя одна искра
 здраваго разсудка осталась въ тебѣ при
 семъ бѣдствіи, то послушай меня со
 вниманіемъ: ты знаешь что Евнухи при-
 вели сюда осла, отведи его въ опда-
 денное мѣсто и тамъ заноли, потомъ
 опсѣки ему одну лядвею которая безъ
 се.

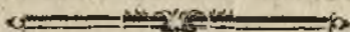
сомнѣнія будетъ походить на оленью ,
и свари ее въ горшкѣ съ самой лучшей
приправою , и когда пощребующъ , подай
ее господину ничего не опасаясь : негод-
ной поваръ заблаго разсудилъ сохранить
свою жизнь моею смертію , и такъ без-
численными превознося хвалами оспрую
жены своей выдумку , началъ оспривъ
ножъ для исполненія шоль мудраго ея
совѣта.

КОНЕЦЪ ОСЬМОЙ КНИТИ.

ПРЕВРАЩЕНІЕ
или
ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.

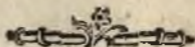
КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Такимъ образомъ проклятый сей палачъ вооружалъ противу меня незаконныя свои руки. При такой видимой опасности не должно было мнѣ переть ни одной минутой времени; дѣло сіе требовало скората рѣшенія. И такъ вознамѣрился я спастись бѣгствомъ отъ грозящей мнѣ смерти, и немедленно прервавъ ремень, которымъ я былъ къ яслемъ привязанъ, полетѣлъ съ возможною быстротою, и чтобъ никто не осмѣлился меня удержашь, лягался задними ногами. Проскакавъ переходы и сѣни вбѣжалъ я безъ всякаго сомнѣнія
вѣ

въ столовую залу, въ которой благо-
честивой господинъ угождалъ жрецовъ
мясами различныхъ скотовъ закланныхъ
на жертву Сирійской богини, я ломаю
схулье и снолы, опрокидываю приуго-
товленное кушанье и все прочее тор-
жественное убранство повергаю на землю.
Господинъ изумленный подъ неожида-
мымъ приключеніемъ приведшимъ все
въ крайній беспорядокъ, приказалъ
своему слугѣ заключить меня и запе-
реть накрѣпко въ безопасное мѣсто,
боясь, чтобъ я и въ другой разъ не
посѣтилъ его столовой, и свирѣпствомъ
своимъ не привелъ въ замѣшательство
нирующихъ гостей. Сею хитрою вы-
думкою избавившись отъ убійственныхъ
рукъ проклятаго повара, весьма я радо-
вался видя себя въ пещищу которая
служила мнѣ убѣжищемъ отъ смерти.

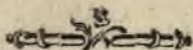
Но могутъ ли смертные основать
и утвердить свое благополучіе, если
ихъ намѣренія не согласны съ волею
упрямой форшуну? поистиннѣ все че-
ловѣческое искусство и благоразуміе не
можетъ ни прошиваться роковому бо-
жественнаго промысла расположенію,
ни премѣнить вѣчныхъ судьбы законовъ.

Изобрѣшенная мною выдумка спасшая меня отъ лютоши повара на нѣсколько времени, сія самая выдумка повергла меня въ другое не меньше опасное бѣдство: ибо одинъ слуга, какъ я послѣ уже слышалъ отъ прочихъ домовыхъ служителей разговаривающихъ между собою о семъ случаѣ, вбѣжавши съ претепомъ и внѣ себя въ столовую залу, увѣдомляетъ господина своего, что изъ ближняго переулка вбѣжалъ къ нимъ на дворъ чрезъ заднія ворота взбѣсившійся песъ и съ яростію бросился на ловчихъ собакъ, потомъ устремился въ ближнюю конюшню и уязвилъ многихъ лошадей и другихъ животныхъ, и что наконецъ отъ свирѣпства его не могли спастися и люди, изъ которыхъ изкусалъ онъ Маршилла ревностнаго пастуха муловъ, повара Эфестиона, комнатнаго слугу Типпашія, и лекаря Аполлонія, и другихъ многихъ служителей, которые отважились вытосать его изъ дому, къ сему присокупилъ испуганный слуга, что многія лошади уязвленные зубами сего пса, чувствуютъ уже дѣйствіе и силу ядовитой заразы.

Сія вѣсть привела вѣ смущеніе
всѣхъ бывшихъ тогда вѣ залѣ; они
вспомня мое свирѣпство и не сомнѣваясь,
чтобъ я не былъ уязвленъ бѣшеной со-
бакою, вооружились всѣмъ, что могло
только попасься имъ вѣ руки, по-
томъ увѣщевая другъ друга къ от-
вращенію угрожающей напасти, успре-
мились на меня, и почипая меня бѣ-
шенымъ, сами они больше походили на
бѣснующихся. Мечи, копыя и сѣкиры
ихъ безъ сомнѣнія растерзали бы тѣло
мое на мѣлкія части, естли бы я по
благоразумію своему не убѣжалъ отъ
ихъ люлости вѣ одну комнату опре-
дѣленную для успокоенія господъ мо-
ихъ Евнуховъ. Тогда бѣжавшіе мнѣ
во слѣдъ заперли отъ виѣ за мною две-
ри и держали меня вѣ крѣпкой осадѣ,
надѣясь что ядъ зубовъ песьихъ умерш-
витъ меня скоро и безъ ихъ оружія;
тогда находясь одинъ на свободѣ, воз-
намѣрился я воспользоваться благопріят-
нымъ случаемъ дарованнымъ мнѣ фор-
туною; я легъ на постелю какъ будио
человѣкъ и уснулъ весьма спокойно;
ибо съ самага времени превращенія мо-
его не имѣлъ я случая наслаждаться та-
кимъ отдохновеніемъ.

Возобновя на мяткой сей постелѣ
истощенныя мои силы, всталъ я въ
изрядномъ расположеніи. Уже день на-
ступилъ давно, и я слышу, что слу-
ги приставленные меня стеречь разгова-
ривали между собою въ мою пользу:
можно ли вѣришь, говорили они, чтобъ
сей бѣдный оселъ могъ всегда быть въ
свирѣпой лютости? не больше ли дол-
жно думать, что уже ядъ испощилъ
свою силу, и бѣшенство уничтожилось?
всякой изъ нихъ давалъ на сіе свое
мнѣніе, однако всѣ согласились, чтобъ
испытать меня, и шакъ смотря сквозь
дверную скважину увидѣли они, что я
лежу спокойно, какъ должно здорово-
му и смирному живошному; они отво-
рили дверь и примѣчали съ возможнымъ
вниманіемъ, уже ли я престалъ бѣситься.
Одинъ изъ нихъ, какъ будто по-
сланной богами для сохраненія моей жи-
зни, предложилъ товарищамъ своимъ
изрядное средство, по которому бы
узнать, здоровъ ли я: оно состояло въ
томъ, чтобъ пославить передъ меня
большой сосудъ наполненной водою, и
если, говорилъ онъ, подойду я безъ
всякаго отвращенія къ сей водѣ, то
знакъ достовѣрный, что уже зарази-
тель-

тельная болѣзнь во мнѣ прешла, но когда побѣгу прочь и буду гнушаться сей водою, то нѣтъ сомнѣнія, что ядъ еще дѣйствуетъ. Добрый сей юноша присокупилъ къ тому, что сей опытъ и въ древнія времена употребляемъ былъ въ такихъ несчастныхъ приключеніяхъ, и что онъ написанъ въ книгахъ знаменитыхъ лекарей.

Совѣтъ добраго слуги былъ всѣми одобренъ. Въ шуже минути наполняющъ они превеликой сосудъ чистою водою взятою изъ ближняго источника, и спавятъ его предъ меня, осперегалась однако еще моею свирѣпости. Я немедленно къ нему приблизился, и погрузя въ него почти всю голову, пилъ сію свѣжую воду илѣмъ съ большею охотою, что она и жажду мою утоляла и служила мнѣ спасительнымъ средствомъ къ избѣжанію смерти; наконецъ слуги начали меня гладить, прогать за уши, водить по комнатамъ, и другіе разныя дѣлать со мною шушки, я повиновался во всемъ, и учивыми своими поступками доказалъ наконецъ имъ, что они несправедливо имѣли о мнѣ прежде худое мнѣніе.

Та

Такимъ образомъ избавился я отъ двухъ величайшихъ опасностей. Въ слѣдующій день положили ко мнѣ на спину истуканъ богининъ со всѣми принадлежащими ей вещами; при звукѣ разныхъ музыкѣйскихъ орудій отправилась Евнухи въ дорогу для собиранія милостыни въ другихъ мѣстахъ. Прощедши довольное число деревенскихъ хижинъ и также маленькихъ замковъ, вступили мы наконецъ въ большую деревню стоящую на развалинахъ города, которой нѣкогда былъ великъ, богатъ и многолюденъ, какъ намъ сказывали поселяне: мы взошли въ первую гостиницу бывшую по близости къ дорогѣ, и тамъ рассказали намъ весьма забавное приключеніе, какимъ образомъ одна распутная женщина обманула своего мужа, будучи всегда ему невѣрна. Мнѣ хочется чпобъ и вы знали сію смѣшную исторію. Послушайте:

Бѣдный сей мужъ жилъ въ крайнемъ убожествѣ, и едва рукъ своихъ трудомъ могъ получать себѣ пропитаніе; жена его была столько же бѣдна, но впрочемъ славна своимъ бесчестнымъ житіемъ. Въ нѣкошорой день пошелъ онъ

онъ поутру на свою работу; а между шѣмъ любовникъ его жены вбѣжалъ тайно въ его маленькую хижину. Уже начали они забавляться сладостными ушѣхами, ничего не опасаясь; какъ вдругъ убогой мужъ ея, которой ни мало ее не подозрѣвалъ, и не зналъ ея негодныхъ поспунокъ, возвращается домой сверхъ ея чаянїя; онъ видя запершыя ворота похваляетъ внутренно жену свою за такую осторожность; онъ стучится и свиститъ, дабы дать ей знакъ, что онъ, а не другой кто, пришелъ къ воротамъ: коварная жена уже давно привыкшая къ такимъ неожиданнымъ случаямъ, удаляетъ отъ себя любовника и немедленно сажаетъ его въ старой пустой чанъ, которой стоялъ въ углу и былъ до половины вкопанъ въ землю; попомъ отворивши ворота мужу, встрѣчаетъ его съ досадою и укоризнами; для чего ты лѣнivecъ, говоритъ ему, возвращаешься домой съ пустыми руками? для чего не продолжаешь работы своей, чтобъ получить скольконибудь денегъ и купишь хлѣба на сегодняшнїй обѣдъ? я несчастная, я днемъ и ночью домаю свои персты сидя за пряслицею, дабы

купить свѣчку, при которой бы продолжать свои труды вечеромъ. Ахъ! сколь благополучна и щаслива предомною Дафна моя ближняя сосѣдка! она съ самаго утра сѣдши за великолѣпной столъ пьетъ, ѣстъ и забавляется съ своими любовниками.

Добродушный мужъ удивлялся такой встрѣчѣ, что ты беспокоишься? отвѣчаетъ женѣ своей, хотя господинъ, у котораго я нанимался работать поденно, будучи занявъ судебными дѣлами, не далъ мнѣ сего дни никакой работы, однако я промыслилъ, что намъ обѣдать; видишь ли продолжалъ онъ, сей бесполезный чанъ, которой столь много занимаетъ мѣста въ нашей хижинѣ и не годится ни на какое употребленіе; я его продалъ за пять денарій, и купецъ уже скоро придетъ чтобъ его у насъ взять; и такъ помоги мнѣ вынуть его изъ земли, дабы отдать съ рукъ на руки доброму человеку. Изрядно! вскричала хитрая жена, смѣясь припомъ изъ всей мочи, видно что весьма хорошо умѣешь торговаться мой любезный мужъ продавши за пять денарій столь великой чанъ,

чанъ, которой я будучи женщина всегда сидящая въ домѣ и не знающая цѣны никакимъ товарамъ, уже давно продала за семь денарій. Мужъ обрадовавшись прибавкѣ цѣны, кто же, говоритъ женѣ своей, купилъ сей чанъ за столь великія деньги? какъ ты глупъ бѣдняшка, отвѣщаетъ ему жена, уже не мало тому времени какъ сей благосклонный купецъ находится въ чанѣ разсмапривая всѣ его края. Искусный любовникъ вмѣшался въ шутки сіи весьма благовременно, и поднявъ голову свою изъ чана, государыня моя, говоритъ женцѣ, позвольте мнѣ сказать самую правду, чанъ вашъ весьма вѣшкъ и во многихъ мѣстахъ уже разщеплялся; потомъ оборотясь къ мужу и будучи его не знаешь; а ты добренькой человекъ, продолжаетъ онъ, принеси пожалуй скорѣе сюда зажженную свѣчу, чшобъ я при ясномъ свѣтѣ могъ лучше разсмотрѣти, годится ли онъ къ чему нибудь; ибо деньги у меня не даровыя, и я не хочу также прашити ихъ напрасно. Влагоразумный и догадливый мужъ безъ всякаго медленія и ни мало не подозрѣвая зажигаетъ свѣчу, и говоря къ мнимому купцу, извольте

другъ мой вылазть изъ чана, и пустише въ него меня, я постараюсь его совсѣмъ вычисить. Въ ту же минуту снимаетъ онъ съ себя верхнее платье, беретъ огонь, и опустившись въ чанъ, начинаетъ въ немъ отскребать присохшіе дрожжи, и законопачивать скважины. Лукавая жена нарочно пониже наклонилась въ чанъ и шутя надъ своимъ мужемъ указывала ему, которыя мѣста долженъ онъ поправить; вошъ здѣсь разсѣлина, говорила она, вошъ шутъ другая, вошъ въ томъ-то углу нечисто; но между шѣмъ любовникъ ея. . . . и наконецъ добродушной мужъ взявши семь денарій принужденъ былъ еще нести сей чанъ до самаго дому сего великодушнаго купца.

Святые жрецы богини Сирійской проживъ нѣсколько дней въ сей деревнѣ, всегда пиршесвуя на счетъ поселенъ, и собравъ довольно число денегъ и другихъ нужныхъ вещей, благословляя весь народъ и предсказывая всякому благополучное окончаніе дѣлъ, изобрѣли новое средство къ полученію прибышка. Они выдумавъ одинъ опъ
вѣтъ,

вѣтъ, которой ко всѣмъ случаямъ могъ относиться, обманывали онымъ всѣхъ, которые приходили къ нимъ просить совѣта въ различныхъ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ. Пророчество сіе заключалось въ сихъ словахъ:

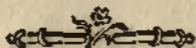
Волы содакупающь подѣ тягостное
время
Съ тѣмъ тщатся глубину земную
разперзати,
Чтобъ земледѣлецъ могъ обильнѣй
плодъ собрать
Когда приблизится желанной жатвы
время.

И такъ естли кто хотѣлъ знать о тѣхъ нихъ, счастливъ ли будетъ бракъ его, которымъ онъ намѣренъ соединиться съ нѣкоторой дѣвицею; говорили, что пророчество на вопросъ сей даетъ ош-вѣтъ не дожной; и что долженъ онъ возложить на себя брачное иго и родить потомъ изрядныхъ дѣтей. Другой спрашиваетъ у нихъ, удачна ли будетъ ему покупка нѣкоторыхъ деревень; они его намѣреніе хвалили утверждая, что пророчество общаетъ ему плодоносную жатву. Третій спрашиваетъ благополучно ли будетъ его путеше-

шествованіе, отвѣщивали ему, что самыя смиренныя живописныя уже находящіяся вмѣстѣ подѣ однимъ ярмомъ, и घोшоваы отправишься въ путь, и что плодородіе земли значить великую прибыль, которую онъ получишь отъ своего странствованія. Главнымъ образомъ, естли кто совѣщовался съ ними долженъ ли онъ вступать въ сраженіе съ неприятелими, или гнаться въ слѣдъ за разбойниками; Евнухи обѣщали ему, отъѣхомъ своимъ побѣду, и что неприятели подобно какъ волю, подвержены будутъ рабскому игу.

Такимъ хитрымъ образомъ пророчествуя о будущемъ, собрали они съ народа весьма великую подаць; но усурядясь непрестанными подлой черни вопросами, на которые всегда принуждены были одинакой давать отвѣтъ, вознамѣрились они продолжать путь свой дорогою спократно худшею, нежели какова была прежде: ибо она была скольска и покрыта грязью, повсюду видны были ямы и рвы наподнянные до половины тиною. Я падала весьма часто и разбивъ свои колѣни и все шѣдо, едва дошелъ наконецъ до спокойной

ной дороги лежащей на равномъ полѣ; въ семь мѣстѣ вдругъ нападають на насъ вооруженные всадники, и едва удержавъ быспрошу своихъ коней, устремляющся они съ яростию на Филеба, и на всѣхъ его товарищей, потомъ ухватя всѣхъ за воротъ бьютъ безъ всякой пощады, называя ихъ безстыдными и святошатами; наконецъ вяжутъ ихъ крѣпкими веревками, повторяя имъ непрестанно, чтобъ они выняли изъ мѣшковъ своихъ золотую чашу, чтобъ возвратили сей сосудъ, которой драгоценнымъ своимъ блескомъ ослѣдилъ имъ глаза и принудилъ учинить святошашство; сей сосудъ, которой они похищали тайно съ самаго жертвенника священныя матери боговъ, въ то время, когда заключась въ ея храмъ умышленно совершали сокровенныя свои тайны; а потомъ еще предъ восхожденіемъ солнца вышли изъ города никому не сказавшись; думая, что такое ихъ беззаконіе можетъ избѣжать достойной казни. Въ ту же минуту одинъ изъ храбрыхъ всадниковъ запустивъ свою руку внутрь богинина истукана, которой спокойно лежалъ на моей спинѣ,

вынялъ оттолѣ золотую чашу, и показалъ ее всѣмъ своимъ товарищамъ.

Презрѣнные жрецы видя себя уличенными въ явномъ святошамствѣ ни мало не устрашились, и не покраснѣли отъ стыда; но обращая все дѣло въ шутку; о небо, кричали они, какое несправедливое безчеловѣчїе! сколько людей несчастныхъ спраждутъ иногда безъ всякой вины! мы будучи невинные жрецы, и не учинивъ ни малѣйшаго преступленія подвергаемся опасности потерять жизнь свою за одну только чашу, которую мать боговъ подарила Сирійской богинѣ, какъ любезной своей сестрѣ пришедшей навѣстить ее изъ далекихъ странъ. Однако сими и подобными тому шутками не могли они отговориться отъ храбрыхъ всадниковъ, которые освели ихъ въ городъ и посадили въ подземную темницу. Золотую чашу положили обратно въ храмъ вмѣстѣ съ богинею, которая поль долго обременяла мою спину. Въ слѣдующій день освѣденъ я былъ на рынокъ, и публичной провозвѣстникъ вторично выкликалъ желающихъ меня купить. Нѣкоторой медникъ изъ одного
ближ-

Ближняго замка купилъ меня семью де-
нарями дороже, нежели безчестной Фи-
лебъ; онъ положи на спину мою большой
куль пшеницы въ томъ же городѣ куплен-
ной, повелъ меня въ свой домъ; до-
рбга была чрезвычайно дурна, каме-
ниста, завалена хворостомъ и всякой
дрянью; наконецъ мы пришли къ его
жилищу, я увидѣлъ тамъ множество
лошадей и муловъ, которые обращали
различныя мельницы, и сія ихъ работа
не днемъ только, но и въ самую ночь
при зажженной свѣчѣ продолжалась. Но
мой новой господинъ не хощя меня
вдругъ устрашить толь несноснымъ
шумомъ, принялъ меня очень ласково
и чрезъ весь сей день стоялъ я въ ко-
нюшнѣ, имѣя при себѣ довольно сѣна
и овса; однако сіе мое щастіе, чтобъ
ничего не дѣлать, а только ѣсть хоро-
шо, весьма не долго продолжалось: въ
слѣдующей день закрывъ мою голову
пустили меня въ маленькой ровъ, ко-
торой составлялъ изъ себя кругъ,
чтобъ я въ немъ ходя и обращаясь не-
престанно кругомъ верпѣлъ тяжелую
мельницу, которая мнѣ казалась боль-
ше всѣхъ прочихъ.

Я не забывая обыкновенныхъ монахъ хитростей показывалъ себя весьма худымъ ученикомъ въ семъ искусствѣ; и хотя будучи еще человекомъ многокрасно видалъ я какимъ образомъ должно вертѣть столь великія тяжести; однако, будто ничего не зная остановился при самомъ началѣ. Я надеялся, что видя меня неспособнымъ къ сему упражненію, опредѣлятъ на другую, можетъ быть, легчайшую работу, или оставятъ въ конюшнѣ, и позволятъ ѣсть сѣно и овесъ не прѣбуя никакихъ отъ меня услугъ: но мое лукавство ни мало не послужило мнѣ въ пользу и я очень дорого заплатилъ за него боками и спиною: ибо множество работниковъ вооружась дубинами окружили меня, и какъ мои глаза были завязаны, то не могши видѣть ихъ намѣренія споялъ я еще спокойно. Вдругъ они всеобщимъ крикомъ дали знакъ, и въ минуту обременяли меня ударами. Я воплемъ ихъ столько былъ устрашенъ, что оставя всѣ хитрости пустился изъ всей мочи бѣгать кругомъ, и вертѣть мельницу. Видя столь нечаянную поштука моего перемены всѣ работники отъ добраго сердца хохотали.

Когда

Когда уже день склонялся къ вечеру, то освободивъ меня отъ тягостнаго бремени отвели къ стойламъ, но я хотя былъ весьма упомянъ и голоденъ, и имѣлъ нужду подкрѣпить свои силы пищею, которой довольно лежало въ моихъ ясляхъ; однако оставя все, не преминулъ я любопытнымъ окомъ разсматривать всѣ средства и способы которыми управляема и приводима была въ скорое движеніе ужасная тяжестъ мельницъ. Боже мой! какого рода были тѣ люди, кои прудились внутри мельницъ, тѣло ихъ было все изуродовано палочными ударами; изъязвленныя ихъ спины едва прикрыты были раздранными одеждами, нѣкоторыя изъ нихъ имѣли только дешкіе запоны, и самымъ лучшимъ образомъ одѣтые имѣли наружи почти всѣ свои члены; волосы ихъ были до половины обрѣты; а лбы (а) закле-

мены,

(а) Когда рабы учинивъ какое преступленіе убѣгали отъ своихъ господъ и были опять пойманы, то каленымъ желѣзомъ клеймили имъ лобъ, на пр. кто украденъ что нибудь убѣжалъ, у того было послѣ наклеямено. *Save a face, берегись чора.*

мены, на ногахъ звучали желѣзные оковы, сверхъ того по причинѣ блѣдныхъ своихъ лицъ казались они страшными привидѣнiями, жаръ огня соединенный съ густымъ дымомъ исходящимъ отъ печей, въ которыхъ печены были хлѣбы, изуродовалъ ихъ глаза и лишилъ почти зрѣнiя, они были всѣ покрыты мукою, подобно какъ сражающiеся бойцы земною пылью.

Но что я могу сказать о скопахъ, о моихъ всегдашнихъ сопридѣльникахъ? какою кистью могу ихъ описать? сколько видѣлъ я въ семъ мѣстѣ престарѣлыхъ муловъ, изуродованныхъ и дряхлыхъ лошадей? они повѣся голову стояли около своихъ яслей питаясь соломой; ихъ шеи покрыты были ранами; отъ всегдашняго кашля и хрипѣнiя раздувались ихъ ноздри; толстыми и жесткими веревками, которыми прицѣпляли ихъ для обращенiя мельницъ, истерты были ихъ груди и переднiя лопатки; на ихъ бокахъ отъ палочныхъ ударовъ видны были толыя толыко ребра; копыта ихъ были разплющены и разбины, и вся ихъ сухая кожа покрыта была гнусными струпамн.

Воспомяна прошедшее благополучіе, которымъ наслаждался я будучи въ видѣ человѣческомъ, и спрѣшася припомѣ, чтобы мнѣ не впасть въ толь бѣдственное состояніе, въ какомъ видѣлѣ несчастныхъ скотовъ повергнулся я въ отчаянную печаль, и въ сей крайности шѣмъ я тольکو утѣшался, что могъ съ пріятностію удовольствоваться природное свое любопытство, видя всѣ человѣческія дѣйствія, и слыша ихъ разговоры безъ всякой опасности. Весьма справедливо божественный Гомеръ древній оный пѣвецъ, и слава Греціи, желая описать и представить будущимъ потомкамъ человѣка совершенно мудраго; возвѣстилъ своей трубою, что прославляемый имъ герой самыя высокія дарованія и возможное смертнымъ благоразуміе пріобрѣлъ чрезъ долговременное въ разныхъ земляхъ странствованіе, и чрезъ обращеніе съ людьми различныхъ нравовъ, языковъ, и состояній. Я искренно признаюсь, что величайшею благодарностію обязанъ я ослу, въ видѣ котораго находясь толь многія узналъ приключенія, кои, естли не сдѣлали меня благоразумнѣе и не просвѣтили моего

моего разума, то по крайней мѣрѣ дали мнѣ понятіе о многихъ и различныхъ вещахъ; я хочу вамъ разсказать исторію, которая показалась мнѣ весьма забавною. Послушайте:

Купившей меня мельникъ былъ самъ человекъ доброй и спокойнаго нраву, но жена его была злѣе и беззаконнѣе всѣхъ женщинъ; она его своими мерзостными поступками дѣлала столько несчастливымъ, что я самъ внутренно соболѣзновалъ о его состояніи; ибо ни одного порока не было, котораго бы не имѣла сія проклятая женщина, но всѣ злодѣлія въ мерзостную ея душу спеклися, она была злобна, свирѣпа, завистлива, безспыдна, упряма, своенравна, невоздержна, клятвопреступна, сребролюбива, хищница чужихъ имѣній, скупа, но расточительна для удовлетворенія своихъ подлыхъ вожделѣній; врагъ вѣрности и цѣломудрія, сверхъ того презирала она безсмертныхъ боговъ и гнушалась истиннымъ благочестіемъ, она съ надмѣннымъ духомъ щещнымъ и смѣшнымъ предавалась обрядамъ и благоговѣя къ

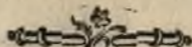
нѣко-

и въ которому богу, котораго (б) почитала единымъ, истиннымъ, всемогущимъ и вѣчнымъ богомъ, обманывала всѣхъ людей и своего мужа, она съ самаго утра упившись, чрезъ весь день обращалась съ своими любовниками.

Сія гнусная женщина возвѣла ко мнѣ ужасную ненависть; она предъ восхожденіемъ солнца и будучи еще на своей постелѣ, приказывала слугамъ своимъ упомлѣть меня мельничною работою какъ осла недавно купленнаго, но вставши поутру велѣла при своемъ присутствіи давать мнѣ въ спину по сту палочныхъ ударовъ. Когда лошадей и муловъ освобождали отъ тягостныхъ трудовъ, дабы ихъ накормить, она еще чрезъ долгое время велѣла мѣ
ня

(б) Изъ сего видно, что Апулей будучи язычникъ, смѣется надъ Христіанами тогдашняго времени, описывая, что сія безчестная женщина была Христіанскаго закона, и признавала одного бога; тщетные обряды и прочія непошребства, какія онъ ей придаетъ, служили клеветѣ и ненависти языческой обыкновенными красками, которыми они собранія Христіанскія изображали.

ня держашь при работѣ, сею злобою, и симъ безчеловѣчїемъ усугубила она природное мое любопытство, и я съ великимъ раченїемъ началъ смотрѣть на всѣ ея нравы и поступки, и примѣшилъ, что нѣкоторой юноша всякой день приходилъ къ ней въ самую спальню, и еслили бы глаза мои не были всегда завязаны, то бы увидѣвъ его въ лице, всевозможное употребилъ искусство, дабы открытъ и вывести наружу всѣ мерзости сея презрѣнной пвари, моей проклятой мучительницы.

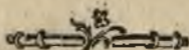
Нѣкоторая старуха любезная ея наперсница и помощница во всѣхъ ея гнусныхъ поведенїяхъ и затѣяхъ находилась съ нею всегда съ утра до самаго вечера. Онѣ обыкновенно бесѣду свою начинали завтракомъ, и пили самое лучшее вино за здоровье другъ друга, старуха выдумавала притомъ разныя коварства и хитрости, которыми бы всегда обманывать несчастнаго мельника, я хотя весьма досадовалъ на неосторожность любезной моей Фотисы, которая вмѣсто птицы претворила меня въ осла, но тѣмъ по крайней мѣрѣ утѣшался въ печальномъ моментѣ

емъ безобразіи, что имѣя толь долгія уши могъ слышать издалика всѣ людскіе разговоры. Послушайте что говорила беззубая старуха въ нѣкоторой день женѣ мельниковой.

Государыня моя! изобрѣшай сама, какіе ты хочешь способы, какъ бы тебѣ обходиться съ симъ робкимъ и боязливымъ любовникомъ, котораго ты безъ моего совѣта выбрала. Онъ шрепещетъ, увидя только нахмуренное лице безобразнаго и ненависпаго твоего мужа, онъ погружаетъ тебя въ печаль не могши достойно соотвѣтствовать пламенной твоей любви.

Ахъ! можно ли, продолжала она, сравнивать съ твоимъ любовникомъ Филезитера, которой молодъ, пригожъ, щедръ и отваженъ. Тщетно противу его неусыпное бдѣніе ревнивыхъ мужей. Кленусь тебѣ, онъ тольکو одинъ заслуживаетъ любовь и благопріятность отъ всѣхъ женщинъ, онъ тольکو достоинъ носить на головѣ своей золотой вѣнецъ, за ту единую хитрость и отважную выдумку, которую онъ употребилъ недавно противъ ревниваго

мужа: послушай и разсмотри какая разность между имъ и своимъ любовникомъ.

Тебѣ извѣстенъ Варваръ, одинъ изъ Сенаторовъ нашего города, и котораго народъ за лютые и язвительные нравы называетъ обыкновенно скорпиономъ, онъ имѣя жену рожденную отъ самой знаменитой крови, и сверхъ того украшенную всѣми плѣсными прелестями, заключаетъ ее всегда въ своемъ домѣ, и спережетъ съ возможнымъ раченіемъ. — Такъ, отвѣтствуетъ мельничиха, я знаю ее совершенно, ты говоришь объ Аришѣ, которая была некогда моею соученицею. — Слѣдовательно, прерываетъ рѣчь ея старуха, извѣстно тебѣ и приключеніе случившееся съ Филезитеромъ? — Никакъ, отвѣтствуетъ она, но я весьма желаю знать его подробно, и прошу тебя рассказать миѣ его съ начала до конца.

Старуха будучи отъ природы великая говорунья начала такимъ образомъ: Сей Варваръ по некоторымъ необходимымъ причинамъ намѣреваясь оприваишься въ дорогу, и желая, чтобъ
жена

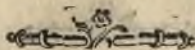
жена его сохранила свое цѣломудріе и вѣрносшь къ нему, призываетъ къ себѣ своего самаго вѣрнаго слугу именемъ Мирмекса, и приказываетъ ему смотрѣшь съ возможнымъ вниманіемъ за всѣми поступками своей госпожи, онъ еще угрожаетъ, что непременно посадитъ его въ темницу, обременитъ оковами, изнуритъ голодомъ, и наконецъ поносной подвергнетъ смерти, есшьли какой нибудь человѣкъ прикаснется къ ней хотя однимъ ногтемъ своего перста, и еще въ то самое время, когда она пойдетъ по улицѣ. Сіе строгое наказаніе утвердилъ онъ всѣми священными клятвами. И такъ оставя Мирмекса въ пренесѣ принужденна повсюду слѣдовать за его женою, и не спускаетъ съ нея очей своихъ; отправляется онъ въ путь уже съ спокойнымъ духомъ.

Слуга предпріявъ крѣпкое намѣреніе исполнять порученную себѣ должность съ возможнымъ раченіемъ, никогда не позволялъ госпожѣ своей выходить изъ дому; она всякой день заключена будучи въ своемъ покоѣ сидѣла за пряслицею, и Мирмексъ не оплучался ошъ нея ни

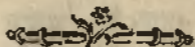
на минушу, однако не могли отговоришься, чтобъ не дозволить ей въ нѣкоторыя дни ходить вечеромъ въ торговую баню, слѣдовалъ онъ за нею, какъ тѣнь за тѣломъ, держась припомъ за одинъ край ея одежды.

Но Филезиперъ столько искусившійся въ любовныхъ дѣлахъ не могъ быть не извѣстенъ о всѣхъ прелестяхъ сего женщины. Слава разнесшаяся повсюду о ея цѣломудри, и припомъ неусыпное Мирмексово смотрѣніе за ея поступками, усугубили въ немъ пламень; онъ предприимлетъ ничего не щадить, и готовъ уже подвергнуться всѣмъ опасностямъ, только бы получить желаемый успѣхъ въ своемъ намѣреніи, увѣренъ будучи о слабости человѣческой, и что золото имѣетъ силу опровергать и разрушать самыя твердыя стѣны, и уничтожать всѣ препятствія, подходитъ онъ къ Мирмексу, съ которымъ встрѣшился по счастью наединѣ, объявляетъ ему непреодолимую свою страсть, которою воспалилъ къ госпожѣ его и проситъ съ покорностію, чтобъ онъ помогъ ему въ сей мучительной крайности, увѣряя припомъ что

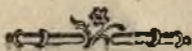
что непременно вознамѣрился онъ умертвить себя, естли толь пламенная любовь его не получитъ вскорѣ своей награды, при томъ, говоритъ онъ Мирмексу, въ разсужденіи толь способнаго и легкаго дѣла, о какомъ я тебя прошу, не можешь ты ничего опасаться: тебѣ спѣишь только во время ночное пускить меня тайнымъ образомъ въ домъ свой, изъ котораго я возвращусь чрезъ минушу. Къ силѣ убѣдительнымъ прозьбамъ присоединилъ Филезитеръ самое сильное орудіе, дабы поколебать и опровергнуть постоянную вѣрность упрямаго слуги, онъ представляетъ взору его блестящія элашницы, и обѣщается дать ему изъ нихъ десять, и что двадцать опредѣлены господствѣ его.

Мирмексъ ужасается такого предложенія, и не хотя больше ничего слушать убѣгаетъ отъ Филезитера; но пронцашельный блескъ элаша не убѣгаетъ отъ его очей; онъ уже вошелъ въ домъ свой и тамъ мечтается ему элашо; онъ питаетъ духъ свой пріятнымъ воображеніемъ толь знаменитой прибыли. Нещастный! онъ мучится

противными страстями, и не знаетъ на которую сторону склониться: вѣрность къ своему господину его удерживаетъ, но богатой прибышокъ влечетъ его къ себѣ, неминуемая казнь представляется въ умѣ его; но радость и утѣшеніе имѣть въ рукахъ своихъ столько число денегъ, совѣтуютъ противное. Наконецъ мрачный ужасъ смерти прогнанъ блескомъ золота, и продолженіемъ времени любовь Мирмексова къ деньгамъ не уменьшилась; она въ самую ночь препятствовала ему наслаждаться пріятностями сна, и не смотря на всѣ жестокія господина своего угрозы позабылъ онъ свою должность; и такъ уже опровергнувъ страхъ и стыдъ, уведомляетъ онъ немедленно госпожу свою о Филезиперовомъ предложеніи. Сія не взмѣняетъ легкомыслію полъ свойственному ей полу, и въ мигу продаетъ свое цѣломудріе за пагубоносный мешаллъ.

Мирмексъ восхищенный радостію, и желая нарушеніемъ вѣрности своей получить себѣ столь много золота, которое онъ къ своему несчастію увидѣлъ, стремится немедленно къ Филезипе-

дизеру, и объявляетъ ему, что онъ различными убѣжденіями склонилъ наконецъ госпожу свою къ соотвѣшествованію пламенной его страсти, въ то же время требуетъ отъ него обѣщанной себѣ награды, и вдругъ Мирмексовы руки не имѣвшія прежде щастія и къ мѣднымъ прикасающіяся деньгамъ, пересчитываютъ тогда съ превеликимъ удовольствіемъ блестящія златницы.

Ночь приближилась, и онъ храброго Филезипера покрышаго спанчею проводитъ въ спальню своей госпожи. Едва сіи любовники свидѣлись; какъ вдругъ Варваръ нарочно избравъ ночное время, возвращается домой въ ту самую минуту, въ которую никто его не ожидалъ. Онъ спучишся, кричитъ, ломаетъ ворота камнемъ, и видя что ему долго не отпираютъ усугубляетъ свою ревность и подозрѣніе, грозитъ Мирмексу, что накажетъ его жестокимъ образомъ; но сей слуга усраженный толь неожиданнымъ несчастіемъ, не знаетъ, что дѣлать; онъ бѣгаетъ и жалуется господину своему на темноту ночную, которая не дозволяетъ ему сыскать въ скоромъ времени ключа отъ домовыхъ воротъ, ко-

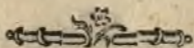

второй спряталъ онъ въ похаенное мѣсто. Между тѣмъ Филезитеръ слыша такой шумъ одѣвается поспѣшно, и выходя изъ Арешиной спальни, но въ полъ великомъ безпокойствѣ и замѣшательствѣ, что позабылъ онъ свои шуфли.

Тогда Мирмексъ опираетъ ворота своему господину, которой входя бранилъ его изъ всей мочи, и общается наказанъ его немедленно за такую медленность. Онъ спремился въ спальню къ своей женѣ, а слуга выпустивъ между тѣмъ любовника тайнымъ образомъ на улицу, и заперши ворота, возвращающа на свою постелью уже ничего не опасаясь. Варваръ вставши поутру, видя близъ одра своего шуфли совсѣмъ ему неизвѣстные, онъ потчасъ догадался, что дѣлалось ночью и для чего не опирали ему полъ долго. И такъ не показывая никому внутренней своей досады, беретъ онъ тайно сіи шуфли и прячетъ ихъ подъ свою епанчу: потомъ приказавъ прочимъ слугамъ, чтобъ они связавши и обременивъ оковами невѣрнаго Мирмекса, вели за нимъ на площадь. Самъ онъ спремится

мился на сіе мѣсто, скрежеща опѣлроспи зубами, и надѣясь, что сіи шуфляи объявятъ ему продерскаго жены его любовника. Но въ самое то время, когда шелъ онъ по нѣкоторой улицѣ, показывая въ очахъ и на лицѣ своемъ гнѣвъ, досаду и мщеніе, и когда влекли за нимъ скованнаго Мирмекса, которой, хотя явнымъ образомъ не былъ обличенъ въ невѣрности; но чувствуя себя виновнымъ спеналь, и поками слезъ своихъ приводилъ на жалость весь народъ. Въ сіе самое время вспрѣлился нечаянно съ ними Филезиперъ, которой за собственною нуждою, въ другое, правду сказать, шелъ мѣсто; но пронувшись печальнымъ симъ зрѣлищемъ, ни мало впрочемъ не смущаясь, вспомнилъ о своей поспѣшности, съ какою выбѣжалъ онъ изъ Аретиной спальни, и не сомнѣваясь, чтобъ сіе зрѣлище не было печальнымъ слѣдствіемъ его вчерашняго замѣшательства, прибѣгаетъ немедленно къ своимъ отважнымъ хитростямъ; онъ съ той и другой стороны опшпалкиваетъ слугъ ведущихъ Мирмекса, бросается на него, и бѣетъ его слегка по щекамъ, крича припомъ громкимъ голосомъ: Ахъ! сквернавецъ! про-

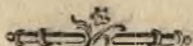
клятая и лживая голова, да накажешъ тебя господинъ швой и всѣ боги, кошорыхъ призываешь ты ложно въ засвидѣтельствованіе своей невинности, да накажущъ тебя сразмѣрно швоимъ злодѣянїямъ! подлая шварь? не ты ли вчерашняго вечера въ торговой банѣ укралъ мои новые шуфли? поистиннѣ ты долженъ спенать подъ бременемъ сихъ оковъ, и досшонѣ еще въ мрачную вверженъ бышь темницу.

Толь благовременно выдуманною хитростію сего опважнаго юноши обманушъ будучи Варваръ и не сомнѣваясь о истиннѣ его словъ возвращается домой, призываетъ къ себѣ Мирмекса, прощаетъ его отъ добраго сердца, и отдааетъ ему шуфли, дабы возвратилъ онъ ихъ Филезитеру.

Едва старуха окончала свою исторію, какъ вдругъ вскричала мельничиха: сколь благополучна сія женщина, кошорая имѣетъ у себя споль неробкаго любовника! а я нещастная люблю такого юношу, кошорой отъ шуму сихъ домашнихъ уборовъ шрепещетъ, и боитсѣ сего презрѣннаго осла ходящаго
сѣ

съ завязанными глазами. Я употребляю возможное стараніе, говоришь ей старуха, чшобъ склонить на твою сторону сего храбраго Филезитера, я приведу его сюда немедленно: теперь съ тобой расстаюсь; ты ожидай меня съ нимъ подъ вечеръ. Она уходитъ; и цѣломудренная мельничиха въ ту же минушу приказываетъ приутошовать великолѣпный столъ; сама продѣживаетъ сладкія вина сквозь тонкое полотно, дабы они чистѣйшій имѣли цвѣтъ; сама располагаетъ всѣмъ будущимъ пиршествомъ; словомъ, она ожидаетъ къ себѣ новаго любовника подобно какъ нѣкоего бога. Къ ея щастію мельникъ вышелъ изъ дома и долженъ былъ ужьнать у одного вальящика своего знакома и сосѣда. Полдень приближился и насъ уже отрѣшили отъ пятоспной работы, дабы подкрѣпили мы силы свои хощя гнидымъ сѣномъ; я чрезвычайно обрадовался нешому впрочемъ, что избавился на нѣсколько времени отъ несносныхъ трудовъ, но что имѣя открытую голову могъ я свободно видѣть всѣ гнусныя пошупки сего ненавистной женщины. Наконецъ солнце испустясь въ Океанъ освѣ-

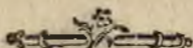

освѣщало подземныя спраны; старуха возвращается ведя съ собою новаго любовника, онъ былъ весьма пригожъ и чрезвычайно еще молодъ. Восхищенная радостію мельничиха встрѣчаетъ его, и цѣлуетъ стократно; ужинъ былъ гошовъ и они всѣ шрое сѣли за великолѣпной столъ.

Едва только Филезиперъ поднесъ къ своимъ устамъ пріятный напитокъ употребляемый обыкновенно предъ кушаньемъ, вдругъ спучится у воротъ мужъ, котораго она ни мало не ожидала. Тогда неробкая мельничиха, проклиная стократно его, и прося боговъ, чшобъ переломилъ онъ на сей случай ноги свои, скрываетъ шрепещущаго и блѣднаго своего любовника подъ нѣкоторой большой лотокъ, на которомъ они провѣвали пшеницу, и прочее жито; при томъ съ природнымъ своимъ коварствомъ ушаева свою невѣрность, спрашиваетъ она у мужа своего съ видомъ спокойнымъ, для чего онъ такъ скоро возвратился опъ своего пріятели, у котораго долженъ былъ ужинашь. Мельникъ показывая смущенный и печальный видъ, и шажкіе опъ глубины

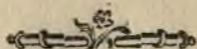

глубины своего сердца испуская вздохи: я не могъ опвѣстивуешъ ей, не могъ я стерпѣть беззаконія нечестивой и злощастной жены моего сосѣда, и для того съ возможною убѣжалъ отъ него поспѣшностію. О боги! продолжаетъ онъ; коль благоразумною, цѣломудренною и вѣрною почиталась сія женщина, которая нынѣ свою честь, свою славу помрачила незагладимымъ преступленіемъ. Я кленусь священной Церерою, что и теперь еще не могу вѣривъ ужасному зрѣлищу, которое собственными я видѣлъ очами. Безстыдная мельничиха слыша такія слова, и нетерпѣливо желая знать все случившееся, убѣждаетъ своего мужа всѣми клятвами, чтобъ онъ рассказалъ ей сіе приключеніе съ начала до конца: мельникъ долго не соглашался на ея прозѣбы, однако побѣжденъ будучи женскимъ краснорѣчіемъ; и не зная впрочемъ о бѣдствіяхъ своего собственного дома, началъ рассказывать о нещастіи ближняго такимъ образомъ: жена валяльщикова, которой мнѣ уже съ давняго времени сосѣдъ и пріятель, почитаема будучи отъ всѣхъ честною и добродравною женщиною, умѣющею править сво-

своимъ семействомъ, влюбилась въ одного юношу, съ кошорымъ весьма часто находясь наединѣ, пріятными наслаждалась ушѣхами. Но послучая въ то самое время, когда мы съ валяльщикомъ вышли изъ бани, чтобъ хорошенько поужинать, сей молодой человекъ находился уже въ ея объятіяхъ. Нашъ приходъ чрезвычайно ее утрашилъ, она въ минушу спрянула своего любовника подъ самое большое и высокое лукошко сплетенное изъ рокишковыхъ вѣшвей и обвѣшенное полошнами, кошорыя на немъ бѣлили, сожигая внизу его горючую сѣру; потомъ думая, что она уже не имѣетъ никакой опасности, сѣла съ нами за столъ безъ всякаго страха.

Между тѣмъ молодой любовникъ окруженъ будучи опвсюду ѣдкимъ и прошивнымъ сѣрнымъ дымомъ едва уже могъ дышать; острый и пронизательный запахъ сего минералла принудилъ его чихать весьма часто. Валяльщикъ сидя за столомъ прямо противъ своей жены, и думая, что это она чхаетъ; (ибо лукошко было позади ее) желалъ ей по обыкновенію здоровья, потомъ
еще

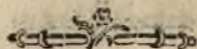

еще разъ, другой, и третей, но видя что сіе дѣйствіе не престаеетъ продолжаться, удивился онъ, и узнавъ топчасъ, что было тому причиною, отпалкиваетъ столъ, снимаетъ лукошко, и видитъ подъ нимъ молодого человѣка уже едва дышащаго:

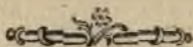
Воспламенясь гнѣвомъ, хватается онъ мгновенно за мечъ и умертвилъ бы сего несчастнаго юношу, уже и безъ того почти мертваго, если бы я, хотя съ превеликою трудностію не удержалъ его отъ такого безчеловѣчія, боясь, чтобъ сія лютость не была на послѣдокъ обоемъ намъ пагубна, и увѣряя, что врагъ его, задушенный сѣрымъ дымомъ скоро самъ издохнетъ, и пошому нѣтъ намъ нужды дѣлаться виновными въ его смерти. Однако не совѣтомъ моимъ, но бѣдственнымъ состояніемъ, въ какомъ въ самой вещи находился полумертвый любовникъ, будучи убѣжденъ, умягчилъ онъ ярость свою, и взявши къ себѣ на плеча сего несчастнаго отнесъ въ ближній переулокъ. Между тѣмъ убѣждалъ я, и наконецъ убѣдилъ жену его, чтобъ она вышла изъ дому и удалилась къ какой

кой нибудь своей сосѣдкѣ или пріятельницѣ, доколѣ не утѣшится гнѣвъ и мщеніе раздраженнаго ея мужа: ибо я не сумнѣваюсь, чтобъ въ ярости своей и въ бѣшенствѣ не дошелъ онъ до какой нибудь крайности, которая тому и другому изъ нихъ безъ сомнѣнія навлекла бы печальныя слѣдствія. Сіе пострашное приключеніе ошныло у меня всю охоту бесѣдовать и ужинать у пріятеля моего валяльщика и потому возвратился я домой немедленно. Такъ рассказывалъ мельникъ, но мельничиха напротивъ съ невѣроятнымъ дерзновеніемъ и безстыдствомъ ругала въ по время и всѣми клятвами обременяла жену валяльщикова, крича изъ всей мочи: ахъ невѣрная! ахъ безстыдная! она всему женскому полу служитъ теперь вѣчнымъ безчестіемъ и поношеніемъ, оскверняя домъ и даже своего мужа такимъ презрѣннымъ стыдодѣніемъ, она поправъ священныя узы брака уже лишилась любезнаго названія жены, и должна теперь называться блудницею, но что я говорю! ее, и всѣхъ подобныхъ ей женщинъ должно живыхъ сожигать огнемъ.

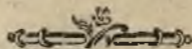

Однако сама чувствуя свое вѣдомство, и шertzаясь мучительною совѣстію, а припомѣя чтобѣ и любовника своего Филезитера освободить скорѣе отъ невыгоднаго положенія, въ какомъ онъ находился, будучи подѣ лопкомъ, совѣтуетъ мужу своему удалиться въ спальню и лечь спать поранѣе. Но мельникъ не могши ужинавъ у валяльщика и попому ощущая недостатокъ пищи въ своемъ желудкѣ, просилъ ее учтивымъ образомъ, чтобѣ поставила ему что нибудь на столѣ. Она, хотя съ негодованіемъ, но подаетъ кушанье, пріуготовленное для любезной особы. Въ сіе самое время чувствовалъ я неописанную досаду во глубинѣ моего сердца, разсуждая о проклятіяхъ и злословіяхъ ея, какими она валяльшикову жену обременила и о настоящемъ ея безстыдствѣ и продерзости: я напрягалъ всѣ силы и всю оспроту моего разума, чтобѣ услужить въ семъ случаѣ моему господину, открывши ему коварство и хитроснъ его жены. Я размышлялъ какимъ бы образомъ здвинуть лопокъ съ Филезитера, подѣ кошорымъ онъ лежалъ подобно, какъ черепаха подѣ

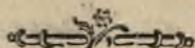
свою кожу, и чрезъ то представилъ молодого сего любовника на посмѣятельное зрѣлище всѣмъ домашнимъ.

Огорченный нескосною обидою, каковую дѣлали моему господину, получилъ я скорую помощь отъ божескаго провидѣнія: ибо храмой старикъ, которому приказано было смотрѣть за всей домашней скотниной, погналъ всѣхъ насъ къ ближнему озеру, чтобъ мы на ночь мушной сей водою утолили свою жажду. Сіе самое подало мнѣ весьма удобный случай къ отмщенію, ибо проходя мимо лотка, и увидѣвъ персты Филезитеровы, которые вышавились наружу по причинѣ пѣсной его покрышки, спунилъ я на нихъ изъ всей мочи, и раздробилъ у нихъ самые кости, любовникъ не могши стерпѣть мучительной болѣзни, закричалъ громкимъ и плачевнымъ голосомъ, и сбросивъ съ себя лошокъ, показался всѣмъ явно, и чрезъ то открылъ коварство беззаконной мельничихи. Но мельникъ нимало не смущаясь симъ поноснымъ и огорчительнымъ для себя видомъ, принимаетъ ласково сего препещущаго отъ страха юношу;

юношу; и утѣшаетъ его сими словами: не бойся, другъ мой, не бойся, я не свирѣлъ и не съ дикими воспитанъ звѣрями; я не хочу подражать безчеловѣчному валяльщику, не задушу тебя пронцапельнымъ сѣрнымъ дымомъ, не поведу тебя на судъ; и не подвергну строгости законовъ, опредѣляющихъ поносную смерть прелюбодѣямъ, толь прекраснаго и младаго юношу; я всегда съ женой моею жилъ въ добромъ согласіи, и потому слѣдуя наставленіямъ благоразумныхъ философовъ, почитаю для себя пріятнымъ все, что ей понравится; но впрочемъ справедливость пребудетъ, чтобъ мужъ столько же имѣлъ власти въ домъ своемъ, сколько имѣетъ его жена; и такъ я хочу, чтобъ ты препроводилъ нынѣшнюю ночь на одной со мною постелѣ. —

Но въ слѣдующій день, какъ только солнце освѣщило землю блескомъ своихъ лучей, призываетъ мельникъ двухъ служителей, самыхъ сильныхъ и здоровыхъ изъ всего дому; потомъ приказавъ имъ поднять на себя Филезтера, бидъ его шелепомъ по спинѣ,

и по нижнимъ частямъ тѣла изъ всей мочи, и къ симъ ударамъ присоединялъ отеческія увѣщанія; какъ! говорилъ онъ, ты столько будучи молодъ и нѣженъ и почти еще опрокъ, ты уже стараешься познакомиться съ прекраснымъ поломъ, и обманываешь женщинъ законнымъ бракомъ сочешавшихся? прилично ли тебѣ столь рано называться прелюбодѣемъ? Сими наставленіями соединенными съ жестокими ударами наказавши его, вытолкалъ потѣмъ изъ своего дому. И такъ Филезишеръ, отважнѣйшій изъ всѣхъ любовниковъ, получа сверхъ чаянія жизнь и свободу, побѣжалъ домой, памятуя упренніе удары и ночное мученіе.... Мельникъ не преминулъ развестися съ своею женою и выбить ее изъ своего дому; но сія проклятая женщина будучи отъ природы злобна, а при томъ получа столь жестокое и безчестное отъ мужа своего мщеніе, прибѣгаетъ къ своему коварству и ко всѣмъ хитрымъ вымысламъ, какія только порочная и развращенная женщина можетъ вздумать. Она съ возможнымъ стараніемъ сыскавши одну старуху, которая своимъ чародѣйствомъ

спвомъ и различными заклинаніями могла, по мнѣнію народа, все сдѣлать, проситъ ее съ покорностію, даритъ ей много денегъ и обѣщаетъ еще больше, только бы она или уполила гнѣвъ ея мужа и примирила ее съ нимъ навсегда, или, еслили по невозможно, страшнымъ какимъ нибудь привидѣніемъ и злой фурією умучила его до смерти. Тогда волшебница имѣющая власть и надъ самыми богами, употребляетъ сперва легкія искусства своего средства и спарается раздраженного мужа склонить къ своей женѣ и утвердить между ними вѣчное согласіе; но видя, что не имѣетъ она въ предпріятіи своемъ желаемого успѣха, ожесточается противъ боговъ, досадуетъ на свое волшебство толь мало дѣйствующее, и не хотя лишиться обѣщанной себѣ награды, вооружается она противу жизни злощастнаго мельника, и для гибели его выводитъ изъ самаго ада спрашную тѣнь нѣкоторой женщины, погибшей насильственной смертію.

Но можетъ быть любопытный читатель сомнѣвался о повѣсти моей, скажетъ мнѣ: глупенькой оселъ, ка-

кимъ образомъ могъ шы знашь все, что сіи женщины дѣлали наединѣ, будучи самъ всегда почти при мельницахъ? Но послушай и знай по чему я, будучи отъ природы челоуѣкъ любопытной, и находясь въ видѣ осла, узналъ все, что дѣлалось для погибели господина моего несчастнаго мельника.

Около полудни вдругъ появилась въ мельницѣ нашей безобразная и спрацная женщина, лицомъ блѣдна, печальна и смущенна, подобно преступницѣ приговоренной къ смерти, одѣта до половины только раздраннымъ рубищемъ, ноги ея были босые, волосы съ просѣдью, осыпаны припомъ сквернымъ пепеломъ и покрывали почти все ея лице. Она въ семъ видѣ подошедши къ мельнику взяла его учтиво за руку, и какъ будто хотя ему сказать нѣчто тайное, отводилъ его въ собственную его спальню, и заперши изънутри накрѣпко двери, остается съ нимъ одна. Домашніе служители ждали его весьма долго; но когда уже все жито было измолото, и поному работа ихъ остановилась, то пошли они къ спальнѣ,

и стоя у дверей кликали господина своего по имени, пребуя приказанія, что имъ должно дѣлать; однако никто имъ не отвѣчалъ; начали стучать въ дверь; но была она заперта накрѣпко, они сумнѣваются и подозрѣваютъ не случилось ли какого нибудь несчастія съ ихъ господиномъ, и потому соединенными силами ломаютъ дверь, напоследокъ разрушивъ крюки и засовы, входятъ въ спальню; однако нигдѣ не могли сыскать страшнѣйшей женщины; но увидѣли только господина своего висѣщаго на гвоздѣ и уже давно умершаго. Они его отвязываютъ, снимаютъ съ шеи веревку, кричатъ, вопятъ, рыдаютъ, и наконецъ омывши его по обычаю и всѣ печальныя исподняя обряды, несутъ къ погребенію въ провожаніи многолюдной толпы. Въ слѣдующій день мельникова дочь рожденная отъ первой жены прибѣгаетъ въ домъ отца своего изъ ближняго замка, гдѣ была она сопряжена брачными узами съ нѣкоторымъ юношею; она съплетъ, плачетъ, спонетъ, рветъ свои волосы, терзаетъ одежду, и бьетъ себя по груди съ отчаяннымъ свирѣпствомъ. Хотя никто ее не увѣ-

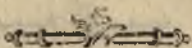

домляя о бѣдствіяхъ и страшныхъ приключеніяхъ родительскаго дому; но знала она все подробно: ибо мельникъ ея отецъ явился ей ночью во снѣ, имѣя на своей шеѣ веревку, и открылъ ей все злодѣйство ея мачихи, рассказалъ о студныхъ ея поступкахъ, о волшебствѣ старухи, и наконецъ какимъ образомъ удушенъ онъ былъ страшнымъ привидѣніемъ. Несчастная дочь предавшись отчаянной печали непрестанно рыдала; но просьбами и совѣтами своихъ друзей и сродственниковъ, стекшихся къ ней отовсюду убѣждена будучи, умѣрила она свою горечь и слезы. Въ девятый послѣ смерти отца своего день, совершила она торжественно всѣ плачевные обряды надъ гробомъ родительскимъ; пошлѣ рабовъ, домашніе уборы, и все что ей принадлежало по наслѣдству, продала она съ публичнаго торгу. И такъ все имѣніе толь богатаго дому разсѣяно было въ различныя стороны. Я самъ бѣдный оселъ проданъ былъ убогому садовнику, кошорой далъ за меня пятнацать денарій, говоря, что это весьма дорого, но хочеть онъ моимъ и своимъ трудомъ имѣть себѣ дневное

ное пропитаніе. Теперь самой случай велитъ мнѣ разсказать вамъ подробно, какимъ образомъ препровождалъ я жизнь свою, будучи у садовника подѣ властію.

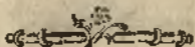
Онѣ каждое утро навьючивъ спину мою разными овощами ѣздилъ въ ближній городъ, гдѣ продавши товаръ свой возвращался домой. И когда онѣ копалъ, чистилъ гряды, поливалъ свои sprawy, и прочіе садовые исправлялъ нужды, я въ то время былъ безъ всякой работы. Но лѣтнее и осеннее время прошело, наступила зима; уже холодныя дожди, снѣги, вѣтры, и другіе непогоды безпокоили меня чрезвычайно: спонна мои были со всѣхъ сторонѣ отворены, и я всегда прикрытъ былъ однимъ только небомъ. Господинъ мой по бѣдности своей не только для меня, но и для самаго себя не имѣлъ убѣжища; у него и солома была въ великой чести, онѣ жилъ въ убогой хижинѣ прикрытой листьями и мѣлкимъ просивкомъ. Сверхъ того въ упренное время по льду и замерзлой грязи ходя изуродовалъ я свои копыта, и при всемъ несчастіи не имѣлъ я и обык-

новеннаго себѣ корму. Господинѣ мой и я одинакою пишались пищею, которая состояла въ старой и пахучей капустѣ, въ другихъ уже согнившихъ травахъ.

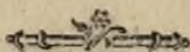
Въ нѣкоторую ночь одинѣ домо-строительный доброй человекѣ перерялѣ по причинѣ шемнопы свою дорогу, и промоченѣ будучи сильнымѣ дождемѣ прѣбхалѣ нечаянно къ нашей хижинѣ; лошадь его и онѣ самѣ утомленѣ былѣ чрезвычайно. Садовникѣ принялѣ его ласково, и далѣ ему убѣжище, ни спокойное, ни прѣятное, но по тогдашнему времени весьма для него нужное; добродѣтельный гостѣ доволенѣ будучи такимѣ прѣемомѣ захопѣлъ господина моего наградишь и обѣщалѣ ему дать нѣсколько четвертей жита, два мѣха вина и также масла. Садовникѣ взялѣ съ собою куль и два пустые мѣха и сѣдши ко мнѣ на спину не умедлилѣ отправиться въ дорогу съ симѣ благодѣтелемѣ; мы совершивѣ путь шестидесяти стадїй, наконецѣ прибыли въ его деревню, онѣ принялѣ господина моего съ возможною благосклонностїю, и посадилѣ его съ

се.

собою обѣдашь; сполъ былъ весьма обильной, уже рюмки у нихъ переходили изъ рукъ въ руки, и они пили довольно, какъ вдругъ приключилось неожиданное диво: одна курица бѣгая по полу клохшала по обыкновенію, хотя по видимому снесъ яйцо. Хозяинъ смотря на нее, добрая, говоришь, курица, ты всякой день кормишь насъ свѣжими яицами, и теперь хочешь пріятной кусокъ подать къ намъ на сполъ: смущай, малой, постели въ извѣстномъ углу сукно, чтобъ она могла на немъ снести яйцо безъ поврежденія; слуга повинуется, и какъ было приказано, постилаетъ сукно; но курица не бѣгая въ назначенное себѣ гнѣздо, выкинула передъ ногами господина своего уже переспѣлый плодъ, кошорой привелъ его въ немалое безпокойствіе; ибо она не яйцо снесла, но родила совершеннаго цыпленка, кошорой тогдажъ началъ бѣгать за своей матерью.

Не много спустя времени устращило ихъ другое и несравненно большее диво: подъ самымъ столомъ, за кошорымъ они сидѣли, разверзлась нечаян-

чаянно земля и кровавой испустила источникъ, кошорой спремаясь вверхъ окропилъ кровью весь столъ. Въ ту же минушу прибжалъ изъ погреба слуга и сказываешъ, что все вино заупаренное въ бочкахъ, вдругъ начало кипѣть, какъ будто подложенъ былъ съ низу великой огонь. Онъ еще не окончалъ своихъ рѣчей, и всѣ увидѣли премножество маленькихъ звѣрковъ влекущихъ мертваго змія; тогда же изъ чедюсти пастушей собаки выскочила зеленая маленькая лягушка, но сію собаку стоявшій блиско баранъ задавилъ немедленно. Сіи шоль многія и шоль страшныя дива поразили гостепріимца нашего и всѣхъ домашнихъ неописаннымъ ужасомъ: никто не зналъ что должно дѣлать, или что начать, какими и коль многими жертвами должно умилосердивлять раздраженныхъ боговъ, и отвращать сіи пагубныя предзнаменованія.

Когда всѣ находились въ семъ отчаянномъ и смертномъ страхѣ, прибгаешъ трепещущій слуга и объявляетъ господину своему что весь его домъ и вся фамилія истреблена
уже

уже до основанія. Сей добродѣтельный нашъ гостепріимецъ имѣя прехъ сыновъ изрядно воспитанныхъ и просвѣщенныхъ науками, жилъ благополучно. Си юноши ошъ давнаго уже времени соединились узами дружества и знакомства съ однимъ добрымъ человекомъ, которой жилъ спокойно въ маломъ своемъ наслѣдіи, но въ сосѣдствѣ у себя имѣлъ человека богатаго, молодого, знаменитаго породю и владѣющаго множествомъ деревень и полей обильныхъ; сей богачъ употребляя во зло такія преимущества, и окруженъ будучи всегда своими отвѣжными пріятелями, притомъ по значной своей породѣ имѣя великую силу въ гражданскихъ судебныхныхъ мѣстахъ, не преспавалъ гнать своего убогаго сосѣда, иногда убивалъ его скопину; оштонялъ стада, раззорялъ жашву и плоды еще не созрѣлые, наконецъ, лишивъ его всей надежды къ своему пропитанію, вознамѣрился онъ выгнать его изъ собственнаго наслѣдія, и для того умышленно и безъ всякой причины началъ съ нимъ ссору о рубежахъ своихъ владѣній, стараясь чрезъ то ошнять у его и послѣдній
остя-

остатокъ его земли. Несчастной поселя-
 нинѣ видя себя почти совсѣмъ раззорен-
 нымъ, и желая по крайней мѣрѣ,
 хотя гробъ имѣть на своей наслѣд-
 ственной землѣ, созываетъ своихъ прия-
 телей и знакомцовъ, дабы они за-
 свидѣтельствовали о насильственномъ
 грабежѣ, причиненномъ нахальнымъ
 богачемъ; при брата сыновья добродуш-
 наго шарина хотѣвшаго насъ угостить
 благосклоннымъ образомъ, находились
 также въ числѣ сего множества,
 желая по возможности своей защитить
 обидимаго друга, но сей дерзновен-
 ный и безстыдный богачь при толи-
 комъ множествѣ чистосердечныхъ сви-
 дѣтелей ни мало не убоился, ни обез-
 покоился; онъ не щадилъ ругательствъ
 и бранныхъ словъ; продолжая свое
 хищеніе и въ то самое время, когда
 весь народъ старался бѣшенство его
 умягчить прозьбами, онъ клялся жиз-
 нью своею, и жизнью своихъ дѣтей,
 что онъ ни мало не думаетъ о то-
 ликомъ множествѣ заступниковъ и
 предстателей, и что убогаго своего
 сосѣда прикажетъ вытащить за волосы
 изъ его дому, и повергнуть въ поле.
 Такое гордое безстыдство произвело въ
 серд-

сердцахъ народныхъ чувствительное негодование. Тогда одинъ изъ проихъ брашневъ, отвѣчалъ ему смѣлымъ образомъ. — Тщетно ты, надѣясь на свое богатство, угрожаешь намъ съ тиранскою гѣрдосшію: есть у насъ права и законы, которые защищаютъ бѣдныхъ отъ насилія подобныхъ тебѣ грабителей. Какъ пламя питается масломъ, сѣрою возжигается огонь, и какъ бичъ въ рукахъ фуріи служилъ къ большому ея неистовству, такъ смѣлымъ симъ отвѣтомъ усугубилась ярость безчеловѣчнаго богача. — Вы, и всѣ ваши законы достойны висѣлицы, кричалъ онъ въ безумной ярости, и въ тоже самое время приказалъ отвязать дворовыхъ и гончихъ собакъ, которыя питались обыкновенно мертвыми трупами поверженными въ поле, и приобыкли кусать прихожихъ, чрезвычайно были свирѣпы: они будучи отвязаны и раздражаемы слугами устремились на всѣхъ поселянъ съ невѣроятною свирѣпостію, и наполняя воздухъ спрашнымъ лаянемъ терзающъ ихъ и являть безъ разбору; кто захотѣлъ спастись отъ нихъ бѣгствомъ, тотъ больше подвер-

вер-

верженъ былъ неукропимому ихъ бѣшенству.

Тогда въ спешенной толпѣ боязливой черни, гдѣ каждой спарался епасаться бѣгствомъ отъ неистовства псовъ, самой младшей изъ троихъ братьевъ преткнувшись на дорогѣ о камень, и уязвя свою ногу повергнулся на землю, и послужилъ добычею псамъ разъяреннымъ, которые набѣжавъ, начали терзать его въ мѣлкія части, но два другіе братья услышавъ плачевный его крикъ, спѣшатъ къ нему на помощь и прикрывши его своимъ плащемъ употребляютъ всѣ свои силы, чтобъ отогнать отъ него жестокихъ псовъ, бросая въ нихъ каменьемъ. Но щещно было спремительное ихъ усиліе, они не могли защитить своего брата и сей несчастный юноша разтерзанъ будучи предъ ихъ очами, послѣдній испустилъ духъ произнесши послѣднія слова; чтобъ они не преминули отмстить безчеловѣчному богачу за смерть своего юнѣйшаго брата. Тогда они презрѣвъ опасность своей жизни лепяшъ прямо къ сему ірабителю, и предводимы будучи пра-

праведнымъ гнѣвомъ стремятъ на него непрестанный градъ камней; но сей кровопійца привыкши уже давно къ такимъ злодѣяніямъ, поразилъ одного изъ нихъ въ самое сердце дрошикомъ, и хотя симъ ударомъ умерщвленъ былъ несчастной юноша, однако не упалъ онъ на землю, ибо дрошикъ брошенъ былъ съ шоль великимъ усиленіемъ, что пролетя сквозь все тѣло, вошкнулся оспрымъ концемъ въ землю и держалъ бѣднаго юношу на воздухѣ; въ то же время одинъ изъ слугъ сего убійцы, человекъ сильной и здоровой, хотя вспомошествовать своему господину, бросилъ превеликой камень въ третьяго брата, чтобы выломить у него правое плечо, но камень сверхъ чаянія всѣхъ, повредивъ шолько персты его руки, упалъ на землю. Сей щещной ударъ подалъ благоразумному юношѣ нѣкоторую надежду къ опмщенію за своихъ братьевъ. Онъ притворясь, что не можетъ владѣть рукою, говоритъ разбѣренному грабителю: — Утѣшайся, утѣшайся гибелью всего нашего дому, насыщай свое несъитое безчеловѣчіе кровію трехъ братьевъ, торжествуй гордо надъ повер-

женными шобою сосѣдами; но только знай, что сколь далеко ни распространишь предѣлы своей земли, похищая наслѣдіе убогихъ; однако долженъ ты будешь имѣть всегда какихъ нибудь сосѣдовъ. Я плачу о своемъ нещастіи, что рука моя уже не дѣйствуетъ: она, она безъ сомнѣнія опсѣкла бы нечестивую твою голову. — Сія рѣчь воспламенила ярость въ сердцѣ беззаконнаго челоукоубійцы; онъ извлекаетъ свой мечъ, бросается на юношу, желая умершвить его собственною рукою, но сей, будучи не меньше мужественъ, пролившись ему, сверхъ его чаянія, и ухватя его руку исторгаетъ мечъ, пронзаетъ его во многихъ мѣстахъ и повергаетъ бездушна на землю, но чтобъ избѣжать опъ свирѣпости рабовъ спекшихся на помощь къ своему господину, вонзаетъ онъ въ гортань свою тошъ же мечъ еще дымящійся кровію своего непріятеля. Се вѣсть принесенная нещастному опцу! се плачевный случай предреченный ему полъ многими и страшными предзнаменованіями! добросердечный старикъ услыша всѣ сіи бѣдствія, не могъ промолвить ни одного слова, ниже исву-

испустишь хотя малый спонъ, но схвативъ ножъ, которымъ онъ во время обѣда рѣзалъ для пирующихъ сыръ и мясо, пронзилъ онъ имъ свою торшань, подражая несчастному сыну, и упалъ на столъ бездушенъ; спруями крови его омылись нѣ кровавыя капли, которыми столъ обогренъ былъ чудесно. И такъ во мгновеніе ока разрушился и уничтожился весь домъ благополучнаго прежде семейства. Мой садовникъ соболѣзнуя о шоль нечаянномъ бѣдствіи добродушнаго старика, и заплашивъ ему за обѣдъ обильными слезами, рыдая припомъ и о своемъ несчастіи, не умедлилъ сѣсть на спину мою и возвратиться въ свою хижину по прежней дорогѣ.

Однако возвратной его путь не весьма былъ ему удаченъ: нѣкоторой высокаго росту человекъ, и какъ по виду и одеждѣ можно было признать, солдатъ изъ Римскаго легиона, встрѣтившись съ нами, спросилъ гордымъ и повелительнымъ голосомъ у моего садовника; куда онъ ведетъ осла безъ всякой поклажи? мой господинъ будучи еще печаленъ, и припомъ не зная Латинскаго языка, проѣхалъ мимо его,

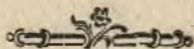

ничего ему не отвѣстствуя. Солдатъ почешши шакое молчаніе за обиду и презрѣніе не могъ удержаться отъ свойственнаго воину нахальства, и немедленно виноградною (в) палкою, которую онъ несъ въ своей рукѣ, ссадилъ со спины моей садовника. Мой господинъ съ покорностію и униженіемъ извиняясь предъ нимъ говорилъ, что онъ не учившись Латинскому языку не можешъ разумѣть его рѣчей. Солдатъ спросилъ по Гречески: въ какое мѣсто ведешь ты сего осла? — въ ближній городокъ; — „ Но я имѣю крайнюю въ немъ нужду; онъ съ прочими скотами долженъ изъ ближняго замка привезти всю поклажу нашего Капшана. Въ то же время взялъ меня за узду и повелъ насильно. Садовникъ отирая кровь текущую изъ го-

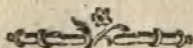
(в) Виноградная палка была знакомъ, по которому отличались солдники отъ рядовыхъ солдатъ, и которою они ихъ наказывали, но солдатъ, о которомъ здѣсь говорится не былъ точной солдникъ, какъ видно по всеѣмъ признакамъ, но взялъ ее съ тѣмъ, чтобъ на дорогѣ больше имѣть безопасности и устрашать незнающихъ его поселянъ.

голови , по которой немилосердой солдатъ ударилъ его палкою ; началъ просить его еще съ ббольшею покорностию , заклиная всѣми щастливыми на войнѣ успѣхами : — Добрый человекъ будь ко мнѣ снисходительнѣе и благо-склоннѣе , я тебя ни чѣмъ не обидѣлъ , мой оселъ весьма лѣнивъ , и подверженъ сверхъ того падучей болѣзни , онъ съ великимъ трудомъ и усталостию возитъ на себѣ легкое бремя справъ , которыя вожу я изъ ближняго моего сада въ городъ ; теперь разсуди , можешъ ли онъ возитъ тяже-лыя ваши снаряды . Но видя , что онъ не можешъ его склонить никакими убѣдительными прозьбами , а получаетъ только въ отвѣтъ частые въ голову свою удары , отъ которыхъ весь лобъ и затылокъ скоро будетъ разломанъ ; прибѣгаетъ къ послѣднему средству , и наклонившись предъ солдатомъ , притворяясь будто хочешъ обнять его колѣни , ухватилъ крѣпко за обѣ ноги и употребя всѣ силы , повергнулъ его на землю , гдѣ немедленно кулаками , локтями , зубами и камнемъ ухваченнымъ съ дороги , бьетъ его нещадно по лицу , по

головѣ и по бокамъ. Солдатъ не будучи въ силахъ изъ подъ него освободиться и защищать себя, угрожаетъ только словами, что непременно изрубитъ его въ мѣлкія часни, какъ только встанетъ съ земли. Садовникъ боясь такихъ угрозъ и мысленно благодаря солдату за такое увѣдомленіе, схватываетъ мечъ и бросаетъ его сколько можно подалѣе отъ дороги, и опять принимается съ большимъ прилѣжаніемъ за прежнюю свою работу. Солдатъ будучи весь избитъ, изуродованъ и обезсиленъ, и желая спасти по крайней мѣрѣ жизнь свою, припворился мертвымъ. Садовникъ оставилъ его, взялъ мечъ, скочилъ ко мнѣ на спину, и не думая о маленькомъ своемъ садѣ, поспѣшаетъ прямо въ городъ, гдѣ пріѣхавъ въ домъ къ старинному своему пріятелю, рассказалъ ему все приключившееся, и въ то же время проситъ, чтобъ онъ помогъ ему въ семъ несчастіи и скрылъ его вмѣстѣ съ осломъ на три или на четыре дни, пока пройдетъ все дѣло и не будутъ его какъ челоукоубійцу искаать на смертную казнь. Хозяинъ дома памятуя прежнюю дружбу, принялъ

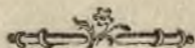
ялѣ насѣ весьма благосклонно. Связа-
ли мнѣ веревкою ноги, и вшащили по-
лѣсницѣ вѣ самой верхней чердакѣ.
Садовникѣ вѣ нижнемѣ покоѣ спря-
тался вѣ большой сундукѣ, которой
немедленно заперли накрѣпко.

Между тѣмѣ солдатѣ, какѣ я
послѣ узналѣ, вставши подобно пьяно-
му человекѣ, чрезѣ долгое время
шапался на своихѣ ногахѣ, и будучи
весь израненѣ едва сѣ помощію палики
могѣ дошащиться до города, гдѣ
спыдаясь своего безсилія, что такой
храбрецѣ не могѣ совладѣть сѣ
крестьяниномѣ, никому не сказывалѣ
о своемѣ бѣдственномѣ приключеніи;
однако увидя своихѣ товарищей не
могѣ отѣ нихѣ утаить своихѣ ранѣ,
и потому объяснилѣ имѣ подробно
неудачное свое сраженіе. Они совѣшо-
вали ему сидѣть чрезѣ нѣсколько вре-
мени дома, пока излечатся раны; ибо
сверхѣ безчестія, какое получилѣ
онѣ, побѣжденѣ будучи бѣднымѣ
поселяниномѣ, боялись они и того,
чтобѣ за потеряніе своего меча по стро-
гости воинскихѣ законовѣ не былѣ
онѣ жестокимѣ образомѣ наказанѣ; а
сами распресивѣ у него всѣ наши примѣ-

ты и признаки, обѣщались съезкивать насъ съ возможнымъ стараніемъ и потѣмъ отмстить намъ за столь безчестную обиду.

Вѣроломной гостепріимца нашего сосѣдъ узналъ имъ, что мы точно сокрылись въ семъ домѣ. Немедленно солдаты пришедши къ градскимъ судьямъ, объявили имъ ложно, что будто драгоцѣнной серебряной сосудъ принадлежащей ихъ Капитану потеряли они на дорогѣ, и что онъ найденъ однимъ садовникомъ, которой не хотя его возвратить скрывается въ домѣ своего пріятели. Судіи слыша о такой вымышленной потерѣ, и зная довольно ихъ Капитана, дали имъ своихъ приставовъ. Тотчасъ всѣ они прибѣгаютъ къ нашему дому, и кричатъ хозяину, чѣмъ онъ выдалъ насъ немедленно, не подвергая своей жизни опасности, утверждая, что они точно увѣрены, что мы находимся въ его домѣ; нашъ хозяинъ, нимало не устрашась и желая избавить отъ ихъ наглости своего друга принятаго имъ въ свое покровительство, отвѣтствуетъ смѣло, что онъ не понимаетъ, о комъ они спрашиваютъ,

и что уже давно не видалъ сего садовника. Солдаты клянутся Кесаремъ, утверждая, что онъ непременно въ его домъ и нигдѣ быть не можетъ. Наконецъ судии опредѣлили, чтобъ сдѣлать обыскъ во всемъ домѣ, и узнать точную правду. Приславы и другіе служители вбѣгаютъ, и каждой уголъ спократно былъ пересмотрѣнъ и ощупанъ; однако все тщетно; они докладываютъ судіямъ, что не только ни одного чужаго человека, но никакого осла сыскашь не могли во всемъ домѣ.

Тогда споръ съ обѣихъ споронъ начинается съ болѣшимъ жаромъ. Солдаты призываютъ во свидѣтельство Кесаря и кричатъ, что мы точно въ семъ домѣ спрятаны, но хозяинъ напротивъ клянется всѣми богами, увѣряя, что насъ не знаетъ. Я находясь въ видѣ ослиномъ, будучи отъ природы любопытенъ, слыша ихъ крикъ и нестройный шумъ, захопѣлъ узнать, что такое дѣлается; и потому выглянулъ въ маленькое окошко, но по неосторожности шею свою протянулъ я весьма далеко. Вдругъ одинъ солдатъ увидѣлъ на землѣ

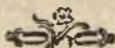

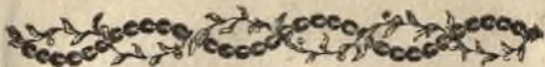
пѣнь мою, и взглянувъ къверху, уназалъ на меня рукою всѣмъ предстоящимъ: въ сіе по время усугубилося буйное смятеніе и вопль. Вдругъ приставляющъ высокія лѣстницы, и меня какъ плѣнника, вытаскиваютъ за голову, уже не сомнѣваясь они о истиннѣ, бѣгаютъ по всему дому, перебирая каждой порошокъ, наконецъ открываютъ сундукъ и вынимаютъ изъ него бѣднаго садовника, отдаютъ его подъ судъ, и заключаютъ въ градскую темницу съ непремѣннымъ намѣреніемъ казнить его жестокою смертію. Всѣ зрители помирали отъ чрезмѣрнаго надо мною хохотанья, смѣясь надъ моимъ глупымъ и ослинымъ любопытствомъ. Съ того самаго времени при важномъ какомъ нибудь дѣлѣ, открытомъ смѣшными и неожиданными признаками, говорятъ пословицу: эшо (г) выглядываніе и пѣнь ослова.

П Р Е.

(г) Нынѣ сія пословица никому не известна, а известна только Демосфенова баснь о пѣни ословой.

КОНЕЦЪ ДЕВЯТОЙ КНИГИ.

ПРЕВРАЩЕНІЕ

ИЛИ

ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

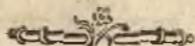
Мнѣ ни мало не извѣстно, что въ слѣдующей день сдѣлалось съ садовникомъ, съ моимъ любимымъ господиномъ. Но меня храброй солдатъ, шоль много изуродованный за свое нахальство, отвязалъ отъ стойла; въ чемъ ему никто не противорѣчилъ, и приведши къ своей квартирѣ, (ибо миѣ такъ казалось) ошягошилъ и украсилъ спину мою своимъ воинскимъ снарядомъ; онъ положилъ на меня свѣшляющую свой шипакъ, сіятельной паче прочихъ щитъ, и предлинное копье; которое нужно было ему не для сраженія тогда съ непріа-
по-

пелями, но для устрашенія бѣдныхъ путешественниковъ; въ такомъ уборѣ отправился я съ нимъ въ дорогу; совершивъ не далекій и весьма способный путь, наконецъ прибыли мы въ одинъ городокъ, гдѣ не въ постояломъ дворѣ, но въ домѣ нѣкопорого воинскаго десятичника успокоиться заблаго разсудилось моему новому господину. Препоручивъ меня въ смотрѣніе одному слугѣ, пошелъ онъ самъ немедленно къ своему Полковнику, имѣющему подъ властію у себя тысячу воиновъ; спустя нѣсколько дней дошло до моихъ ушей страшное и чрезвычайное приключеніе случившееся въ то время въ семъ городѣ; оно достойно вашего вниманія, и потому хочу я рассказать вамъ оное подробно. Хозяинъ дому, въ которомъ мы находились, имѣлъ у себя молодого сына просвѣщеннаго науками, хорошо воспитаннаго, и потому всѣми изящными добронравіями, цѣломудріями и скромности дарованіями украшеннаго, словомъ споль совершеннаго, что всякой бы отецъ желалъ охотно имѣть у себя такого сына. Мать сего юноши давно уже скончалась, отецъ его соединился узами брака съ другою, и
ошѣ

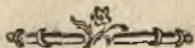

отъ сей новой супруги родилъ онъ
другаго сына, которой достигнулъ
уже до 12 лѣтъ. Сія новая супруга
больше по предѣстямъ и красотѣ своей,
нежели по добротѣ нравовъ своихъ
уважаема и почитаема была въ домѣ
своего мужа. Она, или отъ природы
была влюбчива и склонна къ прелюбо-
дѣйству, или силою неизбѣжимаго
рока влекома будучи къ учиненію
ужаснаго злодѣанія, устремила спраст-
ный взоръ на своего пасынка. Лыбез-
ный чисташель знай, что я пишу тебѣ
не вымышленную басню, но дѣло въ
самой вещи случившееся, устреми свое
вниманіе не къ забавной, но къ плачев-
ной повѣсти. Доколѣ купидонъ воз-
жигалъ въ груди сея женщины первую
только искру любви, дополѣ она
слабымъ его усиліемъ прошивилась,
скрывая въ молчаніи внутреннее дви-
женіе, и утаивая отъ очей младаго
юноши спыдливыи ланищѣ своихъ
румянецъ, производимый спрастнымъ
огнемъ; но когда уже чрезмѣрный
пламень объялъ ея сердце и всѣ чув-
ствія; принуждена была она покориться
мучительной власти непобѣдимаго бо-
жества, и чтобъ съ большимъ иску-
ствомъ

ствомъ утанишь болѣзнь душевную, притворилась она больною въ разсужденіи тѣлеснаго здоровья. Кто не знаетъ, что разслабленіе тѣла и увядшій цвѣтъ лица равно приличествуетъ и недужнымъ и влюбленнымъ особамъ. Она имѣла лице покрытое блѣдностію, глаза помныя, колѣни ея подгибались, сонъ былъ смущенной и безпокойной; частые и тяжелье вздохи спираясь въ ея груди доказывали ея печальное состояніе. Когда бы слезы не текли изъ ея очей ежеминутно обильными струями, всякъ подумалъ бы, что она самую пламенную спраждетъ горячкою. Бѣдные врачи! коль вы слабы въ своемъ искусствѣ! что значитъ частое біеніе жилъ, чрезмѣрный жаръ, тяжкое дыханіе, и необычайное препетаніе сердца? Великій Боже! видя особу свидаему внутреннимъ только огнемъ и немѣющею внѣшняго пламени, коль удобно узнать можно, и незнающему врачевнаго искусства, что она любовною спраждетъ болѣзнію! и такъ сія женщина день отъ дня лютейшею перзаема будучи страстію, прервала наконецъ свое молчаніе и приказала позвать къ себѣ своего пасынка. Ахъ

коль

коль желательнѣе ей было, чтобѣ сей юноша никогда именованъ симъ не нарицался, дабы видя его влюбленными очами, не могла она стыдиться. Онъ повинуясь немедленно супругѣ своего родителя и матери своего брата, входилъ въ ея спальню; его видѣ и взорѣ изображалъ печаль и стѣнованіе о слабомъ ея здоровьѣ. Она забывъ, что отъ долговременной нерѣшимости и молчанія своего, несносному подвергнулась мученію, она узрѣвъ его сдѣлалась неподвижною, и мысли ея преткнулись о камень сомнѣнія. Всѣ слова и убѣжденія вымышленныя прежде ея искусствомъ, казались ей въ настоящей часѣ маловажными, и неудобными къ склоненію непорочнаго юноши. Стыдѣ еще колебалъ ея разсудкомъ, она ищетъ кратчайшей стези, которою бы вниши въ сердце своего пасынка; она хочетъ изъясняться, и не знаетъ какъ начать. Непорочный юноша не подозрѣвая и въ сіе время о пагубной страсти своей матери, вопрошаетъ ее съ видомъ почтеннымъ о причинѣ ея болѣзни. Она видя себя наединѣ съ нимъ и желая пользоваться ея вредоноснымъ симъ случаемъ,

дер-

дерзаетъ уже изъясняться. И такъ, проливая источники слезъ и прикрывъ одеждою лице свое, шепещущимъ и прерывающимся голосомъ, говоритъ ему въ короткихъ словахъ: — Ты первый источникъ и единственная причина моей болѣзни, но ты равно и лечебный для меня бальсамъ; ты одинъ можешь меня исхитить отъ челоушней смерти: огненный лучъ твоего взора проникнувъ сквозь зѣницы моихъ очей въ глубину моего сердца и разлившись по всѣмъ чувствіямъ и жиламъ возжегъ въ самыхъ костяхъ моихъ неугасимый пламень. И такъ сжался надъ погибающею тобою, да не ужасаетъ тебя священная любовь къ своему родителю, ты избавишь отъ смерти его супругу; вообрази, можно ли мнѣ не любить тебя созерцая въ видѣ явномъ совершенный образъ твоего родителя. Сіе уединеніе, сіе удобное время и случай не дозволяютъ тебѣ сомнѣваться, не спрашисъ ничего; дѣйствіе никѣмъ не видѣнное и никому неизвѣстное почиташъ должно, равно, какъ будто его никогда не бывало.

Добродѣтельный юноша изумленный шоль неожиданнымъ несчастіемъ, и ужасаясь такою беззаконіа, не разсудилъ заблаго привести въ отчаяніе матику свою скорымъ и рѣшительнымъ въ любви отказомъ; но съ возможною осторожностію старался утишить волненіе сердца ея, обѣщаясь впредь исполнить ея желаніе; онъ ей подаетъ лестную надежду, и совѣщаетъ въ то же время, чтобъ она не опечалывалась, подкрѣпила бы свои силы, и поправила слабое здоровье; ожидая времени, въ которое бы супругъ ея отправившись въ дорогу для какой нибудь нужды, подалъ имъ удобный случай къ исполненію взаимной любви, пощомъ удаляется онъ немедленно отъ пагубнаго ея вздоха, и разсуждая, что шоль великое бѣдствіе грозящее паденіемъ всему ихъ дому, пребудетъ здраваго и благоразумнаго совѣта, спѣшитъ къ одному старику, коего мудрость и добродѣтель были испытаны и повсюду извѣсны, и коимъ бывши ему въ лѣтахъ опротескихъ наставникомъ и руководителемъ, заслужилъ отъ него полную себѣ довѣренность: онъ рассказалъ ему

все подробно, но по долговременной разсужденіи опредѣлено было, чтобъ юноша спасся бѣгствомъ отъ мрачной бури, уготованной ему злобымъ рокомъ. Между тѣмъ мачиха порочнымъ старая пламенемъ, и подстрекаема пагубною неперѣливостію, вымыслила хитро разныя причины, и убѣдила оными своего супруга путешествовать въ отдаленные города. Онъ отправился въ дорогу. Она желая мгновенно зрѣть совершеніе своей надежды, убѣждаетъ пасынка, чтобъ онъ исполнилъ свое обѣщаніе, но юноша по сей, по другую извиняясь невозможностію убѣгалъ всегда отъ ядоноснаго ея взору. Наконецъ получа отъ него несогласіе: и другъ другу противорѣчущіе отвѣты, увидѣла она ясно, что пламень ея щещенъ, и не увѣщается желаемымъ успѣхомъ, и потому вдругъ по природному своему легкомыслію премѣнила горячую любовь въ самую хладную къ пасынку своему ненависть, и призвавъ къ себѣ слугу, на всѣ злодѣянія готоваго, сообщаетъ ему беззаконныя свои намеренія; они долго между собою разсуждали; потомъ рѣшились, чтобъ добро-

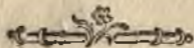
добродѣтельнаго юношу умертвить въ самомъ скоромъ времени. Коварный слуга по приказанію своей госпожи лепитъ и покушаетъ ядъ; могущій умертвить въ одну минушу, онъ распорядитъ его виномъ и готовитъ для гибели старшаго въ домъ сына. Но когда они совѣтовали, въ какое бы время удобнѣе можно поднести сей ядъ толь упорному и несклонному юношѣ, тогда младшій его братъ, кровный сынъ нечестивыя сея женщины, пришедши домой изъ училища, и окончавъ свой обѣдъ почувствовалъ жажду; по случаю попался ему въ руки сей ядоносный сосудъ; онъ не разсмотря опоражниваетъ его безъ всташку; и едва только успѣлъ вынуть пагубную браша своего смерть, упалъ онъ на полъ вдругъ безъ всякаго чувствія.

Дядька его, услышанный толь скоропостижною смертію, началъ вопить плачевнымъ и опчаяннымъ голосомъ; на крикъ его прибѣгаетъ нечестивая мать и всѣ домашніе служители. Никто не сомнѣвался, чтобъ сильный ядъ не былъ причиною спраш-

наго сего приключенія : но впрочемъ одинъ того , другой другого обвинялъ въ семъ злодѣянн. Проклятая женщина , единственный примѣръ всѣхъ злобныхъ и коварныхъ въ свѣтѣ ма-чихъ , не соболѣзнуя о преждевременной смерти своего кровнаго сына , и не чувствуя угрызенія совѣсти , будучи виновницею его гибели ; не смущаясь разрушеніемъ и конечнымъ паденіемъ своего дому , и не помышляя о горесинной печали , которою супругъ ея будетъ терзаться , лишившись любезнаго сына ; вознамѣрилась чрезъ сіе пагубное приключеніе опмститъ немедленно своему пасынку ; въ ту же минушу посылаетъ она гонца во слѣдъ за своимъ мужемъ , дабы увѣдомить его о страшномъ бѣдствіи приключившемся его дому. Несчастный супругъ возвращается немедленно. Жена его вооружившись неслыханнымъ безстыдствомъ , клевететъ , что ея сынъ опоевъ ядомъ отъ беззаконнаго пасынка ; и поистиннѣ языкъ ея говорилъ правду : ибо сей опрокъ смертію своею упредилъ смерть опредѣленную своему брату. Она присоединяетъ , что къ сему злодѣянн , къ сему брашубійству

при-

привлеченъ онъ былъ ея постоянствомъ и цѣломудріемъ, на которое спокраино покушался безъ всякаго успѣха; но сія ужасная ложь не довольна была для мстительной женщины. Она увѣряетъ добродушнаго мужа, что пасынокъ угрожалъ пронзить ее мечемъ, поелику объявляла она всѣмъ о безчестныхъ его намѣреніяхъ. Злосчастный отецъ лишившись обонхъ чадъ колеблется во всѣ стороны свирѣлыми опчаянія волиами: онъ зрѣлъ, что младшаго сына уже готовятъ къ погребенію; онъ зналъ, что и старшій его сынъ за кровосмѣшеніе, за брашнубійство непременно долженъ подвергнуться всей строгости законовъ, и выпить чашу горестной смерти; сверхъ того чрезмѣрная любовь къ своей супругѣ, умножаемая хитрыми ея слезами, раждала въ немъ жесточайшую ненависть прошиву несчастнаго и оклеветаннаго сына.

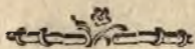
Едва только совершены были плачевные погребенія обряды, немедленно стѣсненный печалію старикъ, оставя срубъ пригошвленннй для сожженія

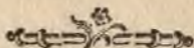
(а) младшаго сына, поспѣшаетъ въ Сенатъ, проливая изъ томныхъ очей слезныя источники, и терзая сѣдныя главы своей осыпанные печальнымъ пепломъ. Онъ предсталъ въ семъ видѣ предъ судьей; и обольщенный коварствомъ жены своей повергается на семлю, обѣмлетъ колѣни ихъ, проситъ, рыдаетъ, и заклиняетъ ихъ святостию правосудія, дабы достойная казнь опредѣлена была, и послѣд- нему его сыну; онъ прелюбодѣй, говоритъ имъ отчаянный старикъ, онъ прелюбодѣй; ибо хотѣлъ осквернить ложе своего родителя; онъ братоубійца, ибо смертоноснымъ ядомъ исторгнулъ духъ невиннаго отрока; онъ челоуѣкоубійца, ибо острымъ мечемъ намѣревался умершвить свою мачиху.

Толь чувствительными жалобами не только въ судяхъ, но и во всей черни

(а) Древніе, какъ прежде было сказано, хранили тѣло умершихъ чрезъ восемь дней, и въ девятый день сожигали ихъ на срубѣ.

черни произвелъ онъ гнѣвъ и ярость
противу несчастнаго сына; всѣ не
дожидаясь, чтобъ судъ произведенъ
былъ извѣстнымъ порядкомъ, чтобъ
такое обвиненіе основано было на швед-
дыхъ и ясныхъ доказательствахъ,
и чтобъ наконецъ обвиняемый имѣлъ
свободу себя защищать, всѣ, говорю,
единогласно возопили: *Да изтребится
общественное зло, да побѣется пре-
ступникъ немедленно камнемъ.* Но
главные предсѣдатели опасаясь въ раз-
сужденіи самихъ себя, и чтобъ та-
кое народное волненіе происшедшее отъ
матоважныхъ причинъ, не возымѣло
пагубныхъ слѣдствій и не было
предосудительно законамъ и учрежде-
ніямъ общественнымъ, начали уговари-
вать мяшущуюся чернь, и совѣтовать
прочимъ судіямъ, чтобъ рѣшитель-
ное на преступника опредѣленіе, слѣ-
дую обыкновенію предковъ произнесе-
но было въ силу всѣхъ законовъ, и чтобъ
изслѣдовать доказательства обѣихъ
сторонъ. Ибо не совмѣстно просвѣ-
щенному народу подражать безчело-
вѣчію варваровъ, и осуждать на
смерть преступника не выслушавъ его
оправданій; и что наслаждаясь пріят-

нымъ спокойствіемъ и тишиною не должны они столь ужасный лютоcти своей примѣръ оставлять позднымъ потомкамъ.

Благоразумный ихъ совѣтъ подтвержденъ былъ единогласно. Провозвѣстникъ возопилъ: — *Да соверутся судии немедленно въ Сенатъ.* Они приходятъ и каждый по достоинству своему занимаетъ мѣсто; — *да явится доноситель;* — онъ предстаетъ; *да предстанетъ обвиненный,* — его выводятъ на среду. Потомъ, слѣдуя закону Аѳинейскаго Ареопага объявляетъ Провозвѣстникъ ходатаямъ (Адвокатамъ) обѣихъ сторонъ, чтобъ они не употребляя излишнихъ предисловій, и не стараясь возбуждать сожалѣнія, изъяснили все дѣло короткими и ясными словами.

Но вы спросите, можетъ ли знать глупой оселъ, что дѣлается въ Сенатѣ? безъ сомнѣнія: ибо я слышалъ, какъ многіе изъ бывшихъ тамъ, разговаривали послѣ между собою и утверждали, что все сіе происходило точно такимъ образомъ. Напрошивъ того
дока-

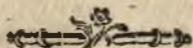

доказательства предлагаемыя доноси-
телемъ, и рѣшенія обвиняемаго, взаим-
ные ихъ вопросы и отвѣсы, не дошли
до моихъ ушей, и я стоя въ конюшнѣ
не могъ бышь о нихъ извѣстенъ, по-
тому и вамъ ничего не скажу; словомъ:
что мнѣ извѣстно, то и пишу для
вашего удовольствія.

Когда уже окончалась ихъ распра-
ва судии отвѣтствовали, что злодѣя-
нія приписуемыя обвиненному пре-
буютъ лучшихъ и яснѣйшихъ дока-
зательствъ; и что не должно осуж-
дать по однимъ маловажнымъ до-
гадкамъ и вѣроятнымъ только при-
знакамъ; они повелѣваютъ, чтобъ
слугу, кошораго обвинитель представ-
лялъ свидѣтелемъ въ семъ дѣлѣ, и
который, какъ онъ говорилъ, знаетъ
всѣ приключенія подробно, позвать на
судъ и выслушать его доказательства.
Сей беззаконный рабъ ни мало не по-
мышляя о сомнительномъ слѣдствіи и
окончаніи столь важнаго суда, при-
томъ не устращаясь столь многочислен-
наго великихъ людей собранія, и не
шерзаясь угрызениемъ преступной со-
вѣсти, началъ говорить, и соплетен-
ную

ную собою ложь утверждать, какъ точную и несомнительную истинну: — Сей юноша, говорилъ онъ, оскорбленный презрѣніемъ своей матери, не склонившейся на его незаконныя убѣжденія, призвалъ меня къ себѣ и желая опмстить ей чувствительнымъ образомъ, склонялъ меня, чѣмъ я умертвилъ ея кровнаго сына, обѣщая въ знакъ благодарности наградить меня щедро, если тайну сію въ вѣчномъ сокрою молчаніи; я съ ужасомъ отрицался отъ такого злодѣйства; онъ угрожалъ мнѣ смертію, онъ вручалъ мнѣ ядъ собственными его руками растворенный въ винѣ, чѣмъ я опойлъ однимъ младшаго брата его; но видя, что сей ядъ хранился мною для открытія злыхъ его предпріятій, похитилъ его тайно и поднесъ самъ невинному опроку. — Вѣроломный рабъ съ припворнымъ страхомъ окончилъ свою рѣчь, которая всѣмъ показалась достойною вѣроятія, и судъ былъ немедленно совершенъ. Ни одинъ Сенаторъ не почувствовалъ сожалѣнія къ несчастному юношѣ, всѣ единогласно рѣшили, чѣмъ защитить его въ куль и бросить въ рѣку;

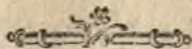

рѣку; ибо сія казнь опредѣляема была такого роду преступникамъ.

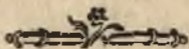
Уже всѣ судіи будучи одинакаго мнѣнія топовились цыдулки свои класть въ мѣдный сосудъ, наблюдая обыкновеніе принятое отъ древнихъ временъ. Сии цыдулки положены будучи одинъ разъ рѣшили жребій обвиненнаго, и уже ничего не можно было послѣ перемѣнить, и преступникъ въ то же время отдаваемъ былъ въ руки палача. Тогда искусный врачъ, украшенный уже сѣдинами, занимающій почтенное мѣсто между Сенаторами, и уважаемый отъ всѣхъ за свое благоразуміе и непорочность, прикрывъ своей рукою мѣдный сосудъ, дабы кто нибудь не бросилъ въ него стремительно своей цыдулки, началъ говорить къ судіямъ: — Почтенные сочлены! мнѣ весьма пріятна долговременная моя жизнь: ибо все ея печеніе сопровождается было вашими хвалами и одобреніями. И такъ я не стерплю, чтобъ предъ моимъ взоромъ явное учинилось человекоубійство, не стерплю, чтобъ по ложнымъ обвиненіямъ, и маловажнымъ догадкамъ осуж-

осужденъ былъ на смерть несчастный юноша: не допущу, чтобъ вы обманувшись клеветами презрѣннаго раба нарушили священную клятву данную вами правосудію: я не могу противъ гласа вопіющей мнѣ совѣсти, пропивъ гласа боговъ самихъ, согласиться на произнесенное вами опредѣленіе, и хочу подробно вамъ здѣсь объяснить, какъ все сіе дѣло происходило. Сей рабъ стоящій предъ вами, недавно пришедши ко мнѣ и принеши съ собою сто златницъ, желалъ купить у меня самый смертоносный ядъ увѣряя, что одинъ человекъ неизлѣчимою терзался болѣзнію хочетъ въ скоромъ времени освободиться отъ несноснаго мученія. Но я, слыша такую ложь, и толь безумныя причины, и не сомнѣваясь, чтобъ сей нечестивецъ не имѣлъ въ своей мысли злодѣйскаго намѣренія; далъ ему немедленно просимый напитокъ; однако предвидя по своей осторожности, что будетъ наконецъ слѣдствіе сего дѣла; не взялъ я у него въ скорости златницъ; но другъ мой, говорилъ ему, въ сихъ златницахъ находяся можетъ быть ложные, и шакъ положи ихъ

ихъ обратно въ свой кошелекъ и запечатай ихъ собственною печатью; въ слѣдующій день въ присутствіи денежнаго размѣщика освидѣтельствуемъ ихъ доброту. Онъ мнѣ повѣрилъ, положилъ деньги въ кошелекъ, и запечаталъ своей печатью, и я ихъ взялъ къ себѣ. Но увидя сего презрѣннаго раба въ семъ священномъ мѣсцѣ немедленно послалъ я одного изъ слугъ моихъ въ домъ свой, дабы принесть ко мнѣ запечатанные въ кошелекъ златницы. Вотъ они предъ вашими очами, пусть сей рабъ посмотритъ и узнаетъ свою печать; возможно ли чтобъ сей обвиняемый юноша умертвилъ брата своего шѣмъ и домъ, который купленъ у меня симъ незаконнымъ рабомъ! — Въ сіе мгновеніе невѣроятный ужасъ объемлетъ нечестивца, онъ шрепетъ, и на лицѣ его изобразуется смертная блѣдность, хладный потъ течетъ струями съ его шѣла; онъ не можетъ шрюать спокойно, перешагиваетъ съ мѣсна на мѣсто, и чешетъ рукою свою голову; произнося сквозъ зубы неизвѣстныя слова, означающія досаду его. Всякъ видя его въ такомъ

комъ состояніи могъ догадаться, что совѣсть его смущается, и признаетъ свое злодѣйство. Наконецъ возобновя свою бодрость и собравъ всѣ свои силы, вооружается онъ противъ почтеннаго врача, обвиняетъ его во лжи, и съ большимъ прежняго упорствомъ защищаетъ свою сторону.

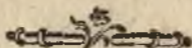
Добродѣтельный старецъ давшій клятву сохранять вѣчно законы правосудія, и видя, что честность его и вѣрность предъ всѣмъ свѣтомъ помрачается ложью презрѣннаго раба, усугубляетъ свои доказательства; наконецъ судіи приказали приставамъ держать нечестнаго за руки, и сыскать у него желѣзный перстень; (6) онъ былъ найденъ, печать сличили съ печатью бывшею на кошелькѣ, сходство ихъ было точно и несомнительно, и утвердило въ судіяхъ всѣ подозрѣнія,

ко-

(6) Въ первыя времена Римской республики всѣ всадники и Сенаторы Римскіе носили желѣзные перстни, но когда роскошь умножилась, то начали носить золотые, а желѣзные оставили для невольниковъ и для подлой черни.

которыя они имѣли уже въ рассу-
жденіи сего раба. Немедленно при-
носится колесо и другія мучитель-
ныя орудія употребляемыя у Гре-
ковъ; начинаютъ вѣроломнаго пы-
тать, но онъ съ удивительнымъ
мужествомъ терпитъ всѣ испязанія;
никакое мученіе и самый даже огонь
не могъ поколебать его упорства, и
онъ ни въ чемъ не признался. —
Нѣтъ, возопилъ тогда благоразумный
врачъ, нѣтъ, я не стерплю, чтобъ въ
невиннаго юношу поносной предали
смерти; я не допущу, чтобъ и сей
клеветущій рабъ избѣжалъ мучитель-
ной казни, которыя достоинъ по сво-
имъ неслыханнымъ злодѣяніямъ; и
послѣ хвалился бы, что хитростію
своею умѣлъ ободолѣть толь мудрыхъ
и осторожныхъ судей; я представляю
вамъ несомнительное въ семъ дѣлѣ
доказательство. Внимайте: когда пре-
ступная сія тварь, сей гнусный рабъ
пришелъ ко мнѣ для покупки смерт-
наго яду, то сообразуясь моему зва-
нію, и зная, что врачъ ничего не
долженъ давать смертоноснаго: ибо
врачебная наука изобрѣтена для про-
долженія жизни, а не для ускоренія
смерти;

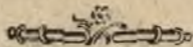

смерти; находился я въ недоумѣннн чрезъ долгое время; однако разсудя, что естли опкажу ему въ сей прозѣбѣ, то не преминетъ онъ купить смертнаго яду въ другомъ мѣстѣ, или употребитъ мечъ, или другое убійственное оружіе для исполненія своего злодѣйскаго намѣренія; далъ я ему не смертный ядъ, но усыпительной порошокъ называемый обыкновенно *Мандрагорою*, который, какъ всему свѣту извѣстно, погружаетъ въ шоль необычайное и сильное забвеніе и сонъ, что всякой, кто его выпьетъ безъ сомнѣнія покажется мертвымъ человѣкомъ: впрочемъ, вы не должны удивляться, что сей отчаянный злодѣй, увѣренъ будучи внутренно, что онъ достоинъ самой жестокой смерти по строгости нашихъ правосудныхъ законовъ, прешерпѣваетъ съ шolikoю твердостью духа всѣ испязанія; онъ дѣлаетъ сіе умышленно, желая лучше испытать всякія мученія, нежели подвергнуться смерти. И такъ естли опрокъ дѣйствительно выпилъ тотъ порошокъ, который я собственными руками развелъ въ водѣ теплой; то онъ непременно живъ, онъ покоится, онъ спитъ,

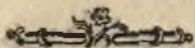
и по прошествіи сего глубокаго сна увидитъ обратно лучи солнечныя; но когда онъ въ самой вещи мертвъ, вы можете изыскивать другія смерти его причины, миѢ уже неизвѣсныя.

ВсѢ единогласно подтвердили слова сего почтеннаго старика. Немедленно идущъ ко гробу, въ которомъ положенъ былъ умершій отрокъ. Не было ни одного Вельможи, ни одного Сенатора, и ни одного человека изъ простаго народа, который бы не стремился на сіе мѣсто, предводимъ опмѣннымъ любопытствомъ. Тогда отецъ младаго отрока собственными руками открываетъ гробъ; и видитъ, что сынъ его, котораго почиталъ уже въ числѣ мертвыхъ, сверхъ его чаянія воскресъ: ибо въ ту самую минуту усыпительная порошка сила уничтожилась. Коль не ожидаемое опчаянному отцу утѣшеніе! онъ немѣя довольныхъ словъ ко изъясненію своей радости, объ-емлетъ и спократно лобызаетъ своего сына, и показываетъ всему народу; потомъ сей отрокъ еще связанъ погребательными убрусами несется на радостныхъ рукахъ въ Сенатъ. Тако без-

законія злаго раба, и женщины, еще спократно его злѣйшей открыты были очамъ всего народа; и уже истинна явилась въ полномъ блистаніи. Злобная мачиха осуждена была на вѣчное изгнаніе. Коварный рабъ извергнулъ подлую свою душу на висѣлицѣ. Сто элашницъ по согласію всѣхъ судей вручены благоразумному врачу, въ награжденіе за усыпительный порошокъ, который онъ далъ столь благовременно. Смиѣ по чуднымъ и божественнаго провидѣнія достойнымъ слѣдствіемъ окончалось печальное приключеніе добродушнаго старика, который въ краткое время, или сказать лучше, въ одну минуту получилъ обратно въ свои объятія двухъ любезныхъ сыновъ, которые оба готовы уже были повергнуться въ Плутоново царство.

Но посмотримъ теперь на осла и на его удивительный жребій. Солдатъ, который не развязывая своего кошелька и не выдавши никакого продавца, купилъ меня охотно для своей услуги, повинуюсь повелѣніямъ своего Полковника, долженъ былъ итти въ Римъ и несть отъ него письмо къ
Госу-

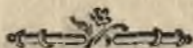

Государю: я ему не нуженъ былъ въ дорогѣ, и для того продалъ меня за одиннацать денарій двумъ ближнимъ сосѣдямъ, которые были родные между собою братья, и служили одному знатному господину; одинъ изъ нихъ былъ искусный хлѣбникъ и пирожникъ, другой весьма хорошій поваръ. Они жили вмѣстѣ, и все между собою имѣли общее; но чтобъ въ путешествіяхъ, не рѣдко имѣ случающихся, не обременять имѣ плечь своихъ поваренною посудою и другими до стола надлежащими бездѣльцами, взяли меня третьяго къ себѣ въ товарищи. Я никогда еще, находясь въ видѣ ослиномъ, не наслаждался шоль пріятною жизнію: ибо въ вечернее время послѣ великолѣпнаго ужина товарищи мои вряпали въ комнашѣ, гдѣ я жилъ, премножество различныхъ ѣствъ, оставшихся отъ ихъ господина; одинъ приносилъ журицъ, утокъ, поросятъ, рыбу и разные похлебки, другой напротивъ того мягкіе хлѣбы, вкусные пироги, сахарные закуски, сухарики и тому подобное. Послѣ того заперши двери, уходили они обыкновенно въ торговую баню. Симъ кушаньемъ,

какъ будто съ неба мнѣ посланнымъ; насыщалъ я свой желудокъ весьма исправно: я не столько былъ опромѣшивъ и глупъ, и не такой оселъ, чтобъ видя передъ собою пріятную человѣческую пищу, захотѣлъ ѣсть колючее сѣно. Въ семъ искусномъ воровствѣ не мало времени служила мнѣ фортуна: я съ начала былъ весьма учивъ, и отъ каждаго кушанья кралъ поемножку; чего въ шакомъ обиліи примѣнить было не лзя. Припомъ, кто могъ подумать, чтобъ за мною было такое ремесло. Но спустя нѣсколько дней, сдѣлался я отважнѣе и померялъ всю ослиную скромность; я началъ выбирать самыя лучшія куски: жаркое, пирожное и приправленные искусно похлебки препровождаемы были въ мой пространный желудокъ безъ всякой ошговорки. Два брата примѣшивъ сей грабежъ весьма обеспокоились, и не подозрѣвая меня ни мало, употребляли всѣ силы, чтобъ сыскать виноватаго, и уже не зная что дѣлать, стали они подозрѣвать другъ друга въ семъ подломъ воровствѣ; и начали приносимое кушанье считать по кускамъ и хранить съ большимъ прилѣжаніемъ.

На-

Наконецъ одинъ изъ нихъ вышедши изъ шербнѣя, говоритъ другому: Слушай братецъ, ты весьма несправедливо и безчестно поступаешь, воруя изъ кушанья самыя лучшіе куски, ты видно ихъ продаешь и копишь себѣ деньги; да еще и остатки хочешь дѣлать со мною пополамъ: естли тебѣ не угодно со мною быть вмѣстѣ, разлучимся и станемъ жить порознь, а чрезъ то избѣжавъ такихъ несогласій, останемся навсегда братьями и друзьями; я вижу, что твоя обида и мои жалобы умножаясь день отъ дня, произведутъ между нами вражду неукротимую. — Правда, отвѣтствуешь ему другой, и я хвалю твою смѣлость, что ты прежде началъ упрекать меня тѣмъ, что самъ дѣлаешь, и жаловаться въ томъ, въ чемъ я на тебя долженъ былъ жаловаться. Я уже давно на тебя досажую внутренно, не хощя впрочемъ тебя, какъ своего брата и друга, обличить въ столь постыдномъ воровствѣ. Однако я весьма радуюсь, что мы другъ другу изъяснились и можемъ сыскать средства къ избѣжанію отъ такой вражды; иначе взаимное наше молчаніе про-

извело бы между нами такую страшную ненависть, какая была между Эшеокломъ и Полиникомъ.

Такими и тому подобными упреками обременивъ они себя взаимно, и заклывшись всѣми богами, что ни шомъ, ни другой невиненъ въ шоль безчестиомъ и подломъ воровствѣ, согласилися наконецъ общимъ стараніемъ изыскивать такого разбойника: ибо, говорили они, человѣческая пища не свойственна желудку ослиному, который одинъ осмаетя въ сей комна-лѣ; но при всемъ шомъ большая и лучшая часть изъ кушанья всякой денъ, какъ будто улетаетъ; сверхъ шого мы весьма увѣрены, что не водятся въ семъ мѣстѣ шоль великія мухи, маковы были иѣкогда Гарпи, покищавшія всякія мяса и всякую пищу со стола Финеева.

Между шѣмъ, насыщаясь обильно пріятнымъ кушаньемъ, расплспѣлѣя чрезвычайно; кожа моя едѣлалась мягка отъ безмѣрнаго жиру и шерсть на ней лоснулась. Но сія доброта моего шѣла помрачила доброшу моего
сты-

стыда и скромности : два брата , господà и товарищи мои видя меня въ такомъ изрядномъ состоянїи весьма удивились , и примѣшя , что сѣно , которое клали для меня всякой день , ни мало не уменьшалось ; обратили на поступки мои все свое вниманїе . И такъ въ одинъ вечеръ заключивши двери въ обыкновенный часъ , и притворясь , что будто ушли въ торговую баню , спали они смотрѣть на меня сквозь маленькую скважину , и увидѣли , что я всѣ блюда съ жаркимъ и пирожнымъ , съ похлебками опоражниваю весьма искусно . Тогда ни мало не заботясь о упрямѣ мною причиняемой , захохотали они изъ всей мочи , удивляясь странному вкусу ослиного желудка ; потомъ призвавъ къ себѣ и другихъ домашнихъ служителей , показываютъ имъ странное мое обжирство . Всѣ смѣются надывая свой животъ , по случаю господинъ ихъ проходя мимо и услышавъ такой необычайный крикъ и смѣхъ , спрашиваетъ тому причину , и узнавъ , что я ихъ забавляю своимъ лакомствомъ , приходитъ самъ и смотритъ на меня съ удивленїемъ сквозь малую скважину .

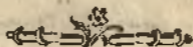
Ему поступки мои толь забавны и увеселительны показались, что уставши отъ смѣха велѣлъ отпереть двери, чтобъ посмотрѣть на меня вблизи. Я ни мало не безпокоясь продолжалъ нарочно и съ вѣщимъ усміхомъ мою работу: я увидѣлъ, что судьба начала мнѣ благопріятствовать, и гонящая меня прежде фортуна ласковые обратила ко мнѣ очи, при томъ веселой видъ всѣхъ зрителей произвелъ во мнѣ большую отважность.

Наконецъ господинъ сей утѣшаясь толь необычайнымъ зрѣлищемъ приказалъ вестъ, или лучше сказать, самъ повелъ меня въ столовую залу, гдѣ велѣлъ поставить передъ меня различныхъ ѣствъ еще не отвѣданныхъ. Я хотя уже безъ того весьма исправно желудокъ свой насытилъ, но желая въ большую у господина сего притти милость, все предлагаемое ѣлъ не сумняся и безъ всякаго стыда. Домашніе служители, хотя испытать меня, давали мнѣ всякую пищу, которую почитали отвращительною и непріятною для снотливости; на примѣръ: цыплятъ, или ушокъ посыпанныхъ перцомъ

цомъ, холодное съ горчицею и по-
хлебки приправленные прyanымъ зельемъ.
Но видя, что каждая пища была мнѣ
по вкусу; начали всѣ хохотать, и во
всякомъ углу пространной залы слы-
шенъ былъ смѣхъ и рукоплесканіе.

Между тѣмъ одинъ забавный
шутъ: — Поднесите, кричитъ, но-
вому сему гостю хорошую рюмку
вина. Къ спани сказалъ этотъ блюдо-
лизъ, отвѣтствуешь ему господинъ;
можешь легко спаться, что любимецъ
мой не опречется выпить самого луч-
шаго вина; слушай малой, вымой по-
чище этотъ золотой сосудъ, и на-
полнивъ его виномъ поднеси учтиво
умному ослу, и скажи ему прежде,
что я за его здоровье уже выпилъ.
Всѣ гости съ чрезвычайнымъ внима-
ніемъ ожидаютъ, что я буду дѣлать.
Но я ничего не страшась и протянувъ
свои губы учтиво и скромно выпилъ
однимъ духомъ превеликую чашу ви-
на. Въ минушу всѣ зрители вопящъ
и желаютъ мнѣ добраго здоровья. Го-
сподинъ сего дому чрезвычайно раду-
ясь о шоль чудныхъ моихъ ухваткахъ,
призываетъ и къ себѣ хлѣбника и по-

вара и плашитъ имъ вчетверо больше, нежели что они за меня дали. Въ то же время поручаетъ меня въ смотрѣніе одному любимому и богатому своему оплущенику, читая ему длинное предисловіе о моихъ достоинствахъ и приказывая имѣть о здоровьѣ моемъ возможное стараніе.

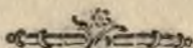
Сей оплущеникъ содержалъ меня весьма хорошо и кормилъ изрядной пищею досыта, а чтобъ больше угождать своему благодѣтелю, и забавлять его моими шутками училъ меня подражать человѣческимъ дѣйствіямъ. Сперва выучилъ онъ меня садиться за столъ на коверъ, и опираться на одно колѣно, какъ будто на локоть, потомъ бороться и плясать на однихъ заднихъ ногахъ, поднявъ передни на воздухъ; но то всего было удивительнѣе, что разумѣлъ онъ мысли мои по однимъ знакамъ: ибо я не могъ изъясниться ослинымъ языкомъ; на примѣръ: возвышая свою голову означалъ я, что такая то вещь мнѣ нравится, но пошуня ее въ землю показывалъ я свое отвращеніе; когда мнѣ хотѣлось пить, то смотря на кравчегу и мигая глаза-

ми

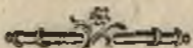
ми просилъ у него какого нибудь напитку. Словомъ, я былъ самый прилѣжный и понятный ученикъ; и безъ всякаго учителя могъ бы все дѣлать искусно, но страхъ мнѣ въ томъ преняпспивовалъ: пощому, что большая часть людей почли бы меня страшнымъ предзнаменованіемъ какого нибудь несчастія, и какъ чудовищу отсѣкли бы мнѣ голову и на счетъ моей жизни сдѣлали обѣдъ звѣрямъ и птицамъ.

Слухъ разнесшійся по всему городу о чудномъ моемъ проворствѣ сдѣлалъ господина моего славнымъ и повсюду знаемымъ: — Вотъ, кричали всѣ, тотъ человѣкъ у котораго осеть умѣешь плясать, бороться, пить и ѣсть вмѣстѣ съ людьми, при томъ изъясняешь свои желанія пристойными знаками, разумѣешь человѣческую языкъ; и все дѣлаешь непринужденно. Но я забывши сказать вамъ прежде, какъ назывался новой мой господинъ, при томъ изъ какой онъ былъ земли, по крайней мѣрѣ теперь о томъ объявлю. Онъ назывался Тіасомъ и родомъ былъ изъ Коринеа главнаго Ахейскаго

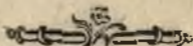
скаго города, гдѣ сообразуясь своей породѣ и достоинству шелъ постепенно на высоту знаменитыхъ честей, а наконецъ назначенъ былъ главнымъ предсѣдателемъ въ Сенатѣ, а сія важная должность обыкновенно пять лѣтъ продолжалась. Желая соответствовать значности чина ему уже опредѣленнаго, общался онъ представлять на роду чрезъ цѣлые три дни различные шпажныхъ бойцовъ зрѣлища; но его пышность и великолѣпіе симъ не ограничилось. Онъ хотѣлъ удивить всѣхъ, и заслужить себѣ достойное уваженіе, для сего нарочно прѣхалъ въ Фессалію, чтобъ купить самыхъ рѣдкихъ и свирѣпыхъ звѣрей и нанять искусныхъ и сильныхъ бойцовъ. Наконецъ все по своему желанію расположа и учредя готовился ѣхать въ Коринѣ обратно. Онъ пренебрегъ свои кареты и коляски; они везены были за нимъ пустыя, онъ не захотѣлъ также ѣхать ни на Гальскомъ, ни на Фессалійскомъ быстромъ конѣ, которые по своей добротѣ и скорости весьма дорого почитались; одинъ только мой хребетъ служилъ ему гордою колесницею. Онъ украсилъ меня золотыми

попо-

попонами, узда была серебряная, седло великолѣпное, подпруги распещрены разными цвѣтами, сверхъ того премножество колокольчиковъ привязаны были къ убору моему весьма искусно, и бряцаніемъ своимъ услаждали мои отвѣснстыя уши. Во время путешествія разговаривалъ онъ со мною по дружески, и между прочимъ признавался, что онъ весьма радуется и счастливымъ себя почитаетъ имѣя товарищемъ меня въ своихъ пиршествахъ, и упоребляя въ дорогѣ вмѣсто кареты. Я не словами, но пристойнымъ шѣлодвиженіемъ отвѣщспивовалъ на его ласки.

Напоследокъ отъ части моремъ, отъ части сухимъ путемъ окончивъ свое странствованіе достигли мы до Коринѳа. Немедленно стекается великое множество народа, не такъ для засвидѣтельствованія чести знаменитому Тіасу, какъ для того, чтобъ видѣть меня, и удовольствовать свое любопытство: ибо и въ семъ городѣ давно уже разнеслася обо мнѣ слава, и притомъ столь великая, что богатой оппущеникъ, которому порученъ я былъ въ смотрѣніе, весьма знаше-

знатную пошлину собиралъ со всего народа желающаго смотрѣть на мои забавныя шутки; Онъ примѣтя, что всякому чрезвычайно хочется видѣть и знать мое проворство, держалъ двери на заперти, и впускалъ ко мнѣ одного за другимъ получая отъ каждого хорошую за то награду. Въ полнѣ зрителей находилась одна молодая, благородная и весьма богатая вдова, которая заплачивъ дядкѣ моему обыкновенную цѣну смотрѣла на меня весьма прилѣжно, и удивлялась моему искусству въ подражаніи человѣческимъ дѣйствіямъ возчувствовала ко мнѣ непреодолимую склонность; и по примѣру сластолюбивой Пазифаи, влюбившейся въ пучнаго вола, желала обѣять ослиныхъ. Она уговорила опущеника, ревностнаго моего дядьку, и давши ему великую сумму денегъ откупила меня на цѣлую ночь для своего удовольствія. Сей корыстолюбецъ ни мало ей не пропивился, и не думая о бѣдствѣ, которое можетъ мнѣ случиться, обременялъ только превеликой свой карманъ деньгами. Мы съ господиномъ окончили свой ужинъ, и я изъ столовой залы ве-

домъ

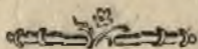
домъ будучи оппущеникомъ возвратился въ мою спальню, гдѣ пригожая вдова нетерпѣливо меня ожидала. О богу! какое пышное приготовленіе! чешыре евнуха немедленно гошуютъ на полу постелю. Кладутъ сперва мягкіе пуховники, потомъ уже подушки большія, среднія и маленькія, которыя молодыя дѣвушки обыкновенно кладутъ себѣ подъ шею и подъ щеки; наконецъ выносятся одѣялы Тирійскимъ багрецомъ блистающіе и вышитые по краямъ золотомъ. Но чтобъ долговременнымъ своимъ присутствіемъ не вывезетъ госпожу свою изъ терпѣнія, выходятъ евнухи вонъ, и оставивъ ее со мною наединѣ запираютъ отъ внѣ двери. Посреди спальни моей зажженныя въ великомъ множествѣ восковыя свѣчи разгоняли темношу ночную.

Тогда прекрасная вдова снявъ съ себя платье и обнаживъ свои прелести подошла ближе къ огню и намазала шло свое благовоннымъ бальсамомъ; потомъ не забыла и меня натереть симъ ароматомъ. Уже она цѣуетъ меня, и цѣлуешь какъ самая страшная

спная любовница; называетъ меня всѣми нѣжными именами: *спѣтъ мой, душа моя, чижикъ мой и сизой голубокъ* непрестанно изъ устъ ея вылетали; я между тѣмъ удивлялся поль спранному ея вкусу, и зналъ точно, что ослы никогда ни чижиками, ни голубями не бывали. Однако и самъ напившись довольно за ужиномъ крѣпкаго вина, при томъ съ того времени какъ распался съ любезною Фотисою, не наслаждавшись пріятными утѣхами, возчувствовалъ опмѣнное въ себѣ движеніе. Но впрочемъ я весьма безпокоился разсуждая, что можно ли мнѣ поль нѣжное и мягкое прекрасной вдовы шѣло обнимать грубыми и тяжелыми своими ногами? можно ли отвѣсиспыми и скверными своими губами прикоснуться къ ея розовымъ и нектарнымъ устамъ! наконецъ можно ли но что изъясняться! словомъ: она сомнѣніе мое и страхъ уничтожила и увѣрилась, что Пазифая Миношовева мать не напрасно имѣла себѣ любовникомъ шучнаго вола.

Препроводивъ всю ночь безъ сна уходитъ моя любовница еще до восхожде-

жденія солнечнаго, боясь, чтобъ при свѣшѣ ипонибудь ее не увидѣлъ. Она такую же цѣною откупила меня для слѣдующей ночи; оплушеникъ на то согласился; убѣждаемъ будучи подлымъ корыстолюбіемъ и желая своего благодѣшеля новымъ и неслышаннымъ обрадовать зрѣлищемъ; онъ ему рассказалъ о моихъ съ прекрасною ждвою забавахъ. Тіасъ наградилъ его за то весьма богатымъ подаркомъ и вознамѣрился шоль чудное зрѣлище предсавить всему народу. Но канъ для сего позорнаго со мною дѣйствія не можно было имѣть ему пригожей вдовы, поелику была она знатной породы; и припомъ зналъ, что ни одна женщина на шоль спудное и безчестное дѣло не согласится; принужденъ былъ за великую цѣну выкупить изъ темницы нѣкоторую злодѣйку, которая главнымъ правителемъ осуждена была на снѣденіе звѣрямъ. — Но я расскажу вамъ прежде ея приключеніе.

Она соединена была узами брака съ молодымъ человекомъ, котораго отецъ отпраляя въ дальнюю дорогу

и оставляя свою жену, мать сего юноши беременною, приказалъ, чтобъ она умершвида свое дитя немедленно, если оно будетъ женскаго полу. Сія женщина въ отсутствіи мужа своего родила по несчастію дѣвочку. Природа и матерняя нѣжность овладѣли ея сердцемъ, и не допустили умершвить невинную тварь; она опдала ее для воспитанія ближнимъ сосѣдямъ. Мужъ возвратился; она рассказываетъ, что его приказаніе исполнено; между шѣмъ несчастная дочь воспитывается, и уже достигла цѣлующаго возраста; ея мать началъ беспокоиться, увѣрена будучи совершенно, что не можетъ выдать ее за мужъ съ достойнымъ породѣ ея приданымъ, если не откроетъ хранимой тайны своему супругу; въ такомъ недоумѣніи рѣшилась она объявить сію тайну женошному своему сыну; и больше для того, чтобъ сей юноша по младости своей жегомой всегда огнемъ любовнымъ не обольстилъ сію дѣвицу, не зная, что она ему сестра, равно какъ и она не знала, что онъ ей братъ кровный.

Сей юноша будучи отъ природы великодушнаго и добродѣтельнаго сердца, и наблюдая свято сыновный долгъ къ своей родителницѣ, запечатлѣвъ тайну сію молчаніемъ, и узнавъ свою сестру, имѣлъ къ ней самую чистѣйшую брашнюю любовь, прилагая возможное о ней стараніе; но такъ осторожно, что весь народъ почиталъ сію склонность обыкновеннымъ дружествомъ. Онъ началъ исполнять священныи долгъ родства такою добродѣтелью, которая всего нужнѣе была для юной дѣвицы. Онъ принялъ ее въ свой домъ, какъ дочь бѣднаго сосѣда, лишенную помощи своихъ родителей; и въ то же время предпріемлетъ благое намѣреніе, готовясь дать ей изъ собственнаго имѣнія значное приданое, и совокупить бракомъ съ однимъ искреннимъ и добродушнымъ своимъ другомъ. Но злое непорочное расположеніе не могло утѣшиться отъ злыхъ очей завистливыя фортуны. Она раждаетъ въ домѣ сего юноши пагубную ревность; его жена готовится къ самымъ страшнымъ злодѣаніямъ, за которыя, какъ я уже сказалъ, приговорена къ смертной казни,

казни, служа пищею звѣриному чреву; Она сперва подозрѣвала несчастную дѣвицу, и почитала ее любовницею своего мужа, потомъ возчувствовала къ ней ужасную ненависть и злобу; наконецъ умыслила погубить ее самымъ жесто-кимъ и безчеловѣчнымъ образомъ. Внимайте какимъ средствомъ злоба ея успѣхъ свой получила. Она опиравши-шись въ деревню украла у своего мужа перстень и послала опшуда сво-его вѣрнаго, но беззаконнаго и на всѣ злодѣянiя гоповаго слугу; которой бы увѣдомилъ сію дѣвицу, что ея благодѣтель зоветъ ее къ себѣ въ деревню; присоединивъ къ тому, чтобъ она шла немедленно и безъ всякаго проводника: для большаго увѣренiя дала сія злодѣйка мужнiй слу-гѣ своему перстень, чтобъ онъ его показалъ дѣвицѣ, и чрезъ то убѣдилъ ее совершенно. Несчастливая узнавъ пер-стень своего брата повинуется и не-медленно къ нему спѣшитъ не имѣя ни одного спутника. Она приближает-ся къ деревнѣ, и упадаетъ въ сѣни пріуготовленныя новаршвомъ злобныя женщины. Злодѣйка воспаленная рев-ностію, и дышущая какъ Фурiа гнѣв-

гнѣвнымъ опмщеніемъ, хватаетъ невинную дѣвицу, сбьетъ ее розгами, бьетъ руками и ногами, и повергаетъ полумертву на землю. Нещастная вопитъ, что она ни мало не достойна за безпорочные и ошъ всякихъ порицаній изъясные свои поступки, злое жестокаго мученія; она щещно увѣряетъ, щещно повторяетъ, что молодой юноша одними только братаства узами соединенъ съ нею, злодѣйка ничему не вѣритъ, и почитая всѣ сіи кляпвы скорою выдумкою, беретъ горящую головню и кладетъ ее между ногъ кричащей дѣвицы, и симъ безчеловѣчіемъ насильно испоргаетъ ее непорочную душу. Братъ сея дѣвицы, и съ нимъ ея женихъ, услыша о такомъ плачевномъ и неожиданномъ приключеніи прибѣгаютъ немедленно и нашедши ее бездыханну отдаютъ ей послѣдній долгъ челоуѣчества, проливая горещные слезы и неописанною терзаясь печалію; а особливо нещастный братъ воображая мучительную смерть нанесенную сестрѣ своей отъ такой особы, отъ которой онъ всего меньше надѣялся, въ толь сильное повергнувшись опчаяніе и досаду, что пламенная

болѣзнь, самая страшная горячка, овладѣвъ всѣми чувствами, приближала его ко гробу. Его вѣроломная жена давно уже не ощущая къ нему супружеской любви, спѣшилъ жъ одному лекарю, который повсюду прославился опмѣннымъ искусствомъ и премножество людей опправилъ на томъ свѣтѣ полезными своими лекарствами: къ сему, говорю, убійцѣ спѣшилъ и обѣщая дать ему пятнадцать тысячъ сестерцій (*), проситъ у него для своего мужа ядъ смертоносный. Онъ соглашается, приходитъ къ ея мужу, и совѣдуетъ ему принять нѣкоторое полезное лекарство, называсмое отъ ученыхъ людей священнымъ; онъ его увѣряетъ, что сіе лекарство непременно уничтожитъ его болѣзнь, и возвратитъ прежнее здоровье: но въ самой вещи приуготовлено было пише посылающее въ царство Презерпны. Когда уже въ присутствіи домашнихъ сродниковъ и друзей сребролюбивый декаръ хотѣлъ подвесить больному ядъ сво-

(*) Нашими деньгами около 2250 рублей.

своими руками растворенный, то коварная жена невѣрояшнымъ исполнившись безстыдствомъ, не хощя лишиться денегъ обѣщанныхъ ему прежде, и не показаться виновницею мужней смерти удерживаетъ его руку, и дерзновенно говоритъ: — Нѣтъ, господинъ лекарь, нѣтъ, я не допущу, чтобъ ты подалъ сей навитокъ моему любезному супругу, не выпивши прежде самъ половину: кто знаетъ, можетъ быть, сіе лекарство растворено ядомъ; и ты, какъ человекъ благоразумный, ни мало не долженъ оскорбляться, если я въ семъ важномъ случаѣ усумнилась: священный долгъ и любовь супружвля причиной моего сомнѣнія. — Лекарь пораженный громвымъ симъ ударомъ, не знаетъ что дѣлать; но не имѣя времени къ размышленію, при томъ, чтобъ медлѣніемъ своимъ и боязнію не объявить своего злодѣйства и преступной совѣсти, выпиваетъ цѣлую половину сего яду; больной юноша полагаясь на сіе доказательство допиваетъ остатки безъ всякаго сомнѣнія.

Такимъ образомъ исполнилось неслыханное злодѣйство, и лекарь по-

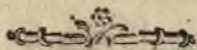
спѣшаешъ домой, чпобъ ядоносную силу спасительнымъ уничтожитъ напитокомъ; но беззаконная женщина не дозволяетъ ему и на шагъ оплутиться; подожди, говоритъ она ему, доколѣ твое лекарство не возымѣетъ своей силы, и не покажетъ, какое будетъ отъ него дѣйствіе, однако усиленной прозъбою и клятвами его убѣждена будучи, отпустила его домой. Между тѣмъ по всей его нутренности и по всѣмъ жиламъ ядоносная разливается влага, онъ несетъ черную смерть въ себѣ самомъ, уже трепещутъ его колѣни, меркнетъ взоръ, кружится голова, и онъ едва въ домъ свой входитъ; гдѣ съ великимъ усиленіемъ объяснивъ женѣ своей все подробно, приказываетъ ей требовать у злодѣйки, по крайней мѣрѣ обѣщанную цѣну, за смерть его, и за смерть ея мужа. Послѣ сего искусный сей лекарь извергаетъ свою душу, обманутъ будучи коварствомъ женщины. Несчастный юноша не долге жилъ своего убійцы, онъ съ равнымъ мученіемъ нисходитъ во гробъ и орошается прищворными жены своей слезами. Уже его погребли, и чрезъ нѣсколько дней испол-

исполняются печальные обряды. По прошествии сего времени приходитъ лекарева жена къ беззаконной и безчеловѣчной злодѣйкѣ и проситъ у нея общанные деньги за смерть своего и ея супруга. Но сія не измѣняя ни мало злости своей стѣблствуешъ ласково, и общается непремѣнно устоять въ своемъ словѣ и опданы ей достойную цѣну; но только съ нѣмъ условіемъ, чтобъ она еще нѣсколько сего яду сообщила ей для окончанія предпрятаго намѣренія. Вдова лекарева обольщенная коварствомъ ея и хитрыми просьбами соглашается на ея требованіе нѣмъ съ болшею охотою, что она желала получить немедленно свою награду, а при томъ заслужишь и впредь довѣренность въ такой богатой женщины, какова была сія нечестивая злодѣйка: она спѣшитъ въ домъ свой, сыскиваетъ ящикъ съ ядомъ, и возвратившись вручаетъ его пресупницѣ, которая получивъ столь сильное и страшное оружіе готовится умножать число своихъ злодѣяній. Она имѣла отъ супруга своего, котораго недавно умершила малолѣтнюю дочь, и не хотя, чтобъ сія дѣвица была наследницею

въ которой части родительскаго имѣ-
 нія, чего непремѣнно требовали обще-
 ственные законы; вознамѣрилась ее по-
 губить щѣмъ же ядомъ: и такъ зная,
 что мать въ силу законовъ получаетъ
 все имѣніе по смерти своихъ дѣтей,
 доказала себя столь же нѣжною роди-
 тельницею, сколь была нѣжною и вѣр-
 ною супругою. Она дѣлаетъ великолѣ-
 пной обѣдъ, и во время стола отправляетъ
 ядомъ дочь свою и жену покойнаго
 лекаря. Смертная влага возымѣла скоро
 свое дѣйствіе въ нѣжномъ и не укрѣ-
 пившемся щѣдѣ юной дѣвицы, и въ
 минуцу ее умертвила. Но вдова ле-
 карева чувствуя въ груди своей и во
 всѣхъ жилахъ разлившійся пагубный
 напитокъ, догадалась, что было при-
 чиною. Помѣмъ приходя въ большее
 изнеможеніе и ощущаясь жизни своей
 увѣрилась, что она опосна смертнос-
 нымъ ядомъ; и такъ спѣшитъ не-
 медленно къ дому градскаго прави-
 теля, гдѣ вопитъ, кричитъ и проситъ
 скорого и справедливаго опущенія: на-
 родъ ее окружаетъ въ великомъ мно-
 жествѣ; она требуетъ, чтобъ ее до-
 пустили къ сему начальнику; увѣряя,
 что намѣрена ему открытъ неслыхан-
 ныя

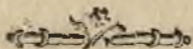
рыя злодѣянiя; ее не удерживаютъ и въ скоромъ времени домъ и слухъ правосуднаго начальника для ней оцверзаются. Уже рассказываетъ она ему подробно всѣ коварства и злодѣянiя незаконной женщины; какъ вдругъ мрачный обморокъ чувства ея объемлетъ; ея уста оцверстые хотѣли докончатъ начатую рѣчь, но вдругъ сомкнулись; зубы ея ударясь другъ о друга производили спрашный скрежетъ; и она упадаетъ бездушна предъ стопами градскаго начальника. Но онъ будучи мужъ благоразумный не медлитъ и готовится шоль ужасную преступницу, шоль ядоносную женщину казнить смертию. Уже призываетъ къ себѣ комнатныхъ ея слуганокъ и различными испязанiями принуждаетъ ихъ сказать истинну; они признаются, что госпожа ихъ безчеловѣчная злодѣйка; и такъ осуждаютъ ее немедленно хищнымъ звѣремъ на снѣденiе; и сiя казнь хотя несразмѣрна шоль дѣшымъ и шоль многимъ ея злодѣйствамъ, но другой жесточайшей казни выдумать было не можно.

Теперь

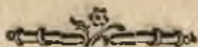
Теперь вообразите сколь чувствительною досадою и печалію терзался я, представляя въ умѣ своемъ, что съ такою незаконною и безчестною женщиною принужденъ буду при всемъ народѣ совокупиться бракомъ. Я часто намѣревался умертвить лучше самаго себя, нежели прикоснуться къ ней и приשרпѣть студный позоръ при толикомъ множествѣ; но не имѣя рукъ человѣческихъ не могъ я копытомъ своимъ обнажить меча и пронзить на вылетъ свое тѣло. Въ такомъ несчастіи упѣшался я симъ только воображеніемъ, которое льстило мысли мой, что уже весна возвратомъ своимъ начинаетъ всю природу оживлять; одѣваетъ поля и долины зеленомъ и цвѣтами, и что наконецъ прелестныя розы ощущая лобзанія зефира наполняютъ воздухъ пріятнымъ ароматомъ, и скоро возвратятъ мнѣ прежній Луціевъ образъ.

Наконецъ день торжества приближился; меня выводятъ на зрѣлище, толпа народная сопутствуетъ и радостныя восклицанія слышны повсюду. Игры начинаются веселыми и пріятными

плясками. Я стою предъ вратами
открытаго амфитеатра, пытаюсь сла-
достною зеленью распускающею на томъ
самомъ мѣстѣ, а между тѣмъ часто
устремлялъ быспрый и любопытный
свой взоръ на веселыя и забавныя ушѣ-
хи: юные ошроки и дѣвицы всѣ оп-
мѣнной цвѣтущіе красотою, и обличен-
ные въ великолѣпныя одежды, раз-
личнымъ, но приятнымъ своимъ тѣло-
движеніемъ и разнымъ ступаніемъ
ногъ своихъ представляли хоръ Пир-
рической (в) пляски: они, то всѣ
вмѣстѣ составляли цѣлой кругъ, то
взявшись за руки шли по театру вкось
изъ одного края въ другой; иногда
дѣлали изъ себя четвероугольный
полкъ, иногда раздѣлялись на два хора.
Словомъ, они безчисленное множество
различныхъ оборотовъ сдѣлали самымъ
искуснымъ образомъ, наконецъ пруб-
нымъ гласомъ данъ былъ знакъ; и
си первыя забавы окончались. Въ
шуже

(в) Сей родъ пляски изобрѣшенъ былъ
Пиромъ сыномъ Ахиллесовымъ, кото-
рый первый такимъ образомъ плясалъ
предъ гробомъ Патрокла Ахиллеса
друза.

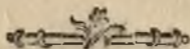

туже минути поднимается вверхъ завѣса, и открывается великолѣпное расположеніе приутовленное изображать судъ Парисовъ.

Видима была высокая, изъ древа едѣланная гора, на подобіе славной горы Иды воспѣтой божественнымъ Гомеромъ; она покрыва была шѣнистыми и цвѣтущими древами, и зелеными кусточками. Хитрая рука изъ самой ея высоты произвела кристальный источникъ; козы и овцы паслися въ ея долинахъ, питаясь мягкимъ лакомъ. Пастухъ сего спада былъ прекрасный юноша изображающій Париса и одѣтый великолѣпною одеждою разпещреною различными цвѣтами по обыкновению Фригійцевъ. На головѣ его была шапка вышитая золошомъ. Послѣ того явился прелестный отрокъ почти совѣмъ нагой, и шюпка только епанчѣ лѣвое плечо его покрывала, желшые волосы развѣвались по его раменамъ, а золошья крылья блискали за спиною. Жезлъ въ его рукѣ обвитый зміемъ показывалъ, что онъ Меркурій всегдашній посланникъ боговъ. Онъ плясучи приблизился къ пастуху, который пред-

представлялъ Париса, и вручивъ ему золотое яблоко, изъяснилъ волю Юпитерову приличнымъ знакомъ; попомъ скрылся отъ очей зрителей какъ свойственно божеству. Тогда является юная дѣвица представляющая богиню Юнону; видъ и взоръ ея величественъ, глава ея увѣнчана бѣлой діадимой, и въ рукъ своей имѣла она скипетръ. Помомъ выходитъ другая съ видомъ гордымъ, на главѣ ея блистадъ шлемъ обвитый оливою вѣтвию; шуйца ея держала щитъ, но десница потрясала грознымъ копьемъ. Словомъ, это была Минерва сражающаяся на Марсовомъ полѣ. Наконецъ является третія, и красотой своей ослѣпляетъ очи зрителей. Божественный лица ея цвѣтъ изображалъ Венеру, но Венеру еще непорочную и нерасплившую свое цѣломудренное дѣвство: выключая нѣкоторые прелестны осѣняемыя тонкимъ и прозрачнымъ шелковымъ покрываломъ, всѣ прочіе шѣла ея пріятности были обнажены: но рѣзвый и любовышный зефиръ легкими и любовными крылами поднималъ на воздухъ и сіе покрывало. Сія богиня имѣла два различ-

личные цвѣта: все ея шѣло блистая совершенною бѣлизною, означало ея небесное поколѣніе; но легкой и тонкой ея покровъ былъ лазореваго цвѣту; ибо она во глубинѣ морской родилась.

Каждая изъ сихъ минимыхъ богинь имѣла своихъ спутниковъ. Юнону провождали два юноши, это были Касторъ и Поллуксъ. На ихъ главахъ были круглые шишаки, у которыхъ на самомъ верху блистали двѣ звѣзды. Богиня при сладостномъ свирѣлей гласѣ подходитъ къ пастуху лвтяя видѣ скромный и непришворный; потомъ благоприспѣлымъ движеніемъ шѣла даетъ знать ему, что сдѣлаетъ его Царемъ и владѣтелемъ всея Асін, естли онъ красоту ея предпочтетъ красотѣ прочихъ богинь и вручитъ ей золотое яблоко. Но Минерва соупутствуема была также двумя юношами повсемѣстными ея оруженосцами, которые держа въ рукахъ своихъ обнаженные мечи изображали собою *страхъ* и *трепетъ*; позади ея Дорическая слышна была музыка, которая съ трубнымъ военнымъ гласомъ со-

соединяя произвольный шонъ возбуждала къ мужественной и важной пляскѣ. Богиня потрясая главою и благородной исполнена гордости приближается къ пасху величественной поступью; и живыми знаками общается ему, что прославитъ она его знаменитыми на войнѣ дѣйствіями, увѣнчаетъ главу его лаврами, и учинитъ его побѣдителемъ надъ всѣми неприятели; естли шолько онъ предпочтетъ ея прелести красотѣ двухъ богинь, и сдѣлаетъ ее побѣдительницею въ сей важной враждѣ. Наконецъ Венера являюща среди самаго зрѣлища, и пріятной усмѣшкой восхищаетъ сердца всѣхъ зрителей. Она окружена была многочисленнымъ хоромъ опроковъ, споль юныхъ и прекрасныхъ, что всякой не усумнѣлся бы ихъ назвать почнымъ купидонами, слетѣвшими съ небесной высоты, или исшедшими изъ глубины морскія: они имѣли блестящія крылья, и вооружены златыми стрѣлами; нѣкоторые изъ нихъ горящія пламенники несли передъ нею, какъ будто бы она шла на торжество брачное; сверхъ того сопуществовало

ей великое множество юныхъ дѣвицъ, не считая Нимфъ, Грацій, и прелестныхъ Минутъ, которые во угожденіе своей Царицы и матери утѣхъ разсылали благоуханные цвѣты предъ ея стопами; и всѣ пріятности смѣющейся весны истощали для увеселенія: немедленно Лидійская музыка стройнымъ и согласнымъ звукомъ услаждаетъ слухъ и сердца всего народа. Но сама Венера спокрашно въ пріятнѣйшій восторгъ привела зрителей, когда начала она плясать; и когда прелестнымъ обращеніемъ тѣла, искуснымъ и тихимъ движеніемъ головы, легкимъ и нѣжнымъ ступаніемъ ногъ своихъ согласовала увеселительному и сладостному тону музыки. Въ ея блистающихъ очахъ иногда видима была томность изображающая спростную любовь, иногда лучезарный пламень и благородная гордость; иногда казалось, что единими только взорами очей своихъ пляшетъ она самымъ пріятнымъ образомъ. Она приближась къ Парису, общаетъ ему нѣжнымъ движеніемъ розовыхъ раменъ, что съ такою прекрасною и себѣ подобною

Женѣ

женщиною соединитъ его узами брака. Тогда мнимый Фригійскій пастухъ немедленно вручаетъ ей златое яблоко и отдаетъ красоту ея преимуществу предъ прочими двумя богинями.

Подлые человѣки! не достойныя имени человѣческаго, должны ли вы удивляться, что въ сіи развращенныя времена при священныхъ Семидиныхъ олтаряхъ не стыдятся продавать судъ, правду и милость за гнусную цѣну сребра и злата; естли въ началѣ вѣковъ между шрема богинями происшедшая распря рѣшена несправедливымъ благопріятствомъ и приспращіемъ; естли простой пастухъ избранный судьей опъ самаго Юинпера продалъ свое мнѣніе за маловременныя утѣхи, за малое сладострастіе и съ разрушеніемъ впрочемъ всего своего отечества? не видимъ ли мы и другаго подобнаго сему примѣра; когда мудрый Паламедъ, знаменитый пиптомецъ Минервинъ, по ложнымъ обвиненіямъ и доказательствомъ всѣми Греческихъ полковъ вождями осужденъ былъ на смерть какъ измѣнникъ и

предатель? препенущій на сраженіяхъ Улиссъ не предпочтенъ ли славному и побѣдоносному Аяксу, получа божественное Ахиллесово оружіе? но что мы изречемъ о Аѳинейскомъ Ареопагѣ? не тамъ ли шоль благородные законоподатели, шоль просвѣщенные мужи, руководивши ко всякой премудрости произнесли неправедный судъ противъ невиннаго Сократа? сей почтенный спарикъ носящій въ разумѣ своемъ божеское вдохненіе, и устами самаго Аполлона премудрѣйшимъ изъ всѣхъ смертныхъ нареченный, не окруженъ ли былъ сѣтями коварства и зависти? озаря чистѣйшимъ нравоученіемъ мысли юношей и утверждая стопы ихъ на стези добродѣтели, не обвиненъ ли онъ, какъ растлишель чистоты и цѣломудрія? и не окончалъ ли своей жизни смертоносною оправкою; оставляя впрочемъ неблагодарнымъ своимъ согражданамъ вѣчное и не загладимое пятно безрассуднаго ихъ пристрастія и несправедливости? ибо жъ нынѣ еще великіе умы и славнѣйшіе Философы послѣдуютъ священному и божественному его ученію, и стараясь вникать въ высочайшее благо кленутся

его

его именемъ. Но чшобъ не оскорбился кшонибудъ шоль ревностнымъ и шоль праведнымъ моимъ негодова-
 жиемъ, и не сказалъ самъ себѣ; можно ли стерпѣшь нравоученіе глупаго
 осла? возвращаюсь я на свою спезю,
 ошъ кошорой недавно удалился.

Когда ужѣ минмый Парисъ окон-
 чалъ свой судъ и рѣшилъ распрю ме-
 жду шрема богинями; шо Юнона и
 Минерва уходятъ сѣ шешра терзаясь
 досадою и печалію; они различными
 знаками изъясняли гнѣвъ свой и чув-
 ешвіе обиды и безчестія шоль неспра-
 ведливо имъ нанесеннаго. Но богиня
 любви радость свою и удовольшвіе
 доказывала пріятною пляскою, вѣ чемъ
 весь ея прелестный хоръ подражалъ
 ей весьма искусно. Послѣ того вдругъ
 изъ самой высоты горы чрезъ пошасен-
 ную шрубу устремился источникъ
 вина раствореннаго шафраномъ, и раз-
 дѣлившись на воздухъ упадалъ на па-
 вущееся стадо и орошалъ его благо-
 уханымъ дождемъ, доколѣ природ-
 ная бѣлизна овецъ и козъ не премени-
 лась вѣ цвѣтъ желшоватый. Но когда
 пріятный запахъ сего благошннаго

дожда разлился по всему мѣсту и усладилъ чувства всѣхъ зрителей, то вдругъ земля разверзлась и деревянная гора исчезла. Въ то же время выбѣгаетъ на средину площади нѣкоторый солдатъ, и кричитъ, что уже весь народъ требуетъ, чтобъ вывести изъ темницы незаконную женщину, осужденную на сѣденіе звѣрями хищнымъ. Уже готовятся постелю, на которой я съ нею долженъ забавлять народное множество. Кровать была сдѣлана весьма искусно и украшена по мѣстамъ кожею черепахъ Индейскихъ, мягкіе пуховики и шелковыя одѣяла совсѣмъ были готовы. Но я оверхъ стыда и безчестія, которое чувствовалъ видя себя опредѣленнымъ претерпѣть гнусный позоръ при всемъ народѣ и оскверниться прикосновеніемъ къ шоль пресупной и безчеловѣчной женщинѣ, трепеталъ еще и въ разсужденіи моей жизни: размышляя самъ съ собою по Филосовски, что никакой звѣрь, какого бы не выпустили для разтерзанія сей злодѣйки, не будетъ столько уменъ, разсудителенъ и скромнѣе, чтобъ видя меня съ нею и не прикоснувшись ни мало ко мнѣ, по-
слику

елику я невиненъ и къ смерти не-
приговоренъ; устремился прямо на нее
какъ на жертву опредѣленную зако-
нами въ пищу его чреву.

И такъ уже не о стыдѣ, но
больше о сохраненіи жизни моей без-
покоюсь; и примѣтя, что господниъ
мой старается о постелѣ намъ при-
готовляемой, а его слуги иные сте-
регуть звѣрей и ловчихъ собакъ, иные
смотрятъ со вниманіемъ на зрѣлище,
и никто не думаетъ хранить шоль
смирнаго осла, какимъ они почитали
меня; вознамѣрился я исполнить свое
предпріятіе, уже давно въ мысли мои
воображаемое; я удалялся мало по-
малу и никто не подозрѣвалъ о моемъ
побѣгѣ; пришедши къ ближнимъ град-
скимъ вратамъ устремился въ бѣгство
съ возможною скоростію, и проедѣвъ
пятнацать верстъ достигъ до города
Цинареи, который почиается самымъ
знаменитымъ Коринѳскимъ поселеніемъ,
и стоитъ при Эгинскомъ заливѣ, состав-
ляющемъ часть Эгейскаго моря; онъ
весьма многолюденъ и прикомъ имѣетъ
пространную и безопасную для море-
плавателей пристань. Я не желая ни

лѣмъ быть примѣченъ сыскалъ для себя на берегу моря отдаленное и пустое мѣсто и легъ на мягкій песокъ для отдохновенія. Солнце уже совершило почти дневный свой путь, и сладкій сонъ объялъ всѣ мои чувства.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТОЙ КНИГИ.

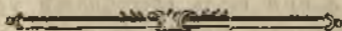

ПРЕВРАЩЕНІЕ

или

ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ НАДЕСЯТЬ.

Уже мрачная завѣса ночи распростерта была надъ всею поднебесною шварью; какъ вдругъ незапный ужасъ возбудилъ меня отъ сна пріятнаго. Я вижу отъ волнъ морскихъ исходящую луну блистающую полнымъ свѣтомъ. Зная, что могущество сея великія богини повсемѣстно (а), что всѣ земнаго круга вещи управляются ея прови-

С 5

дѣ-

(а) Луна нарицаясь Изидою, Гекатою, Прозерпиною, Цересою и другими именами, означаетъ всѣхъ богинь; равно какъ Озирисъ, или Сераписъ, или по Персиски Митра, означаетъ всѣхъ боговъ, какъ то Юпитера, Аполлона, Бахуса и прочихъ.

дѣнїемъ, и не только животныя, но также и неодушевленные пшари чувствуютъ силу и благошворное содѣйствїе лучей ея, и что наконецъ всѣ небесныя, земныя и во глубинѣ моря находящїяся шѣла возрастаютъ или умаляются, сообразуясь приращенїю или ущербу (б) сея планеты, восхотѣлъ я при шоль способномъ уединенїи простерть мольбу свою къ сей величественной богинѣ; ибо я ощутилъ внутренно, что злобая судьба, насытившись моими бѣдствїями, подаетъ мнѣ хотя поздно ласковую надежду къ прекращенїю моихъ несчастїй; и такъ вставъ немедленно спѣшу къ морю, дабы омывшись его водами (в)

очи-

(б) Нынѣшнїе испытатели природы уже не имѣютъ о лунѣ такихъ мыслей: ибо различныя дѣланныя ими опыты не могутъ подтвердить сего древняго мнѣнїя.

(в) Древнїе народы приступая къ богослуженїю, или къ другимъ дѣйствїямъ касающимся до благочестїя, омывались сперва въ рѣкѣ или въ морѣ. Турки, Индіане, и другїе народы и нынѣ еще хранятъ сіе обыкновенїе.

очищаться отъ всякой скверны; я семь крашъ погружалъ голову мою въ волны, послѣдуя закону премудраго Пифагора, который научалъ насъ, что седмичное число всего больше приличествуетъ вещамъ относящимся до вѣры и богопочтенія. Послѣ сего исполнясь радости и надежды, и усердные проливая слезы, простерлъ я мольбу свою ко всемогущей богинѣ.

Величественная небесъ Царица, что бы ты ни была, плодоносящая ли Церера и благотворная мать сельныхъ класовъ, обрадованная дщери своей обрѣщеніемъ и въ знакъ щедротъ своихъ научившая смертныхъ цѣплять ся сладчайшею пищею, отвергнувъ грубую снѣдь единымъ только безсловеснымъ приличною; и общающая нынѣ въ злчныхъ поляхъ Элевзинскихъ! или небесная ты Венера, производшая въ началъ вѣковъ священную любовь и неразрывными ея узами соединившая во едино два различные пола и неразрывнымъ чадородіемъ умножающая родъ человѣческій; и нынѣ благоговѣнно покланяемая во храмъ Пафоскомъ!

или

или сестра ты лучезарнаго Феба, нуведшая на свѣтъ толкое множество народовъ, вспомошествова женамъ въ болѣзняхъ родящимъ, и чпимая днесь лучными жертвами въ великолѣпномъ Эфескомъ храмѣ! или наконецъ грозная Прозерпина стократно повторяемая страшными ночными воплями, и приличнымъ своимъ образомъ (г), укрощающая стремленіе призраковъ и мечтаній, еодержа ихъ въ цѣпяхъ земнаго нѣдра! ты пролекая мрачныя лѣса отъ разныхъ народовъ различныя приемлешь почести и жертвы! ты вторый блистательный свѣшляльникъ міру! ты влажными своими лучами изливашь животворныя и питательныя соки въ сердце дровъ и всѣхъ

(г) Луна изображалась въ проякомъ видѣ, и еѣ премея различными головами, но есть еѣ лошадиною, дабы означить ея быстрое на небесахъ печеніе, попомъ еѣ оленью, ибо она почитается и Діаною, богинею звѣриной ловаи. Наконецъ еѣ песьею головою, означая что Прозерпина богиня мрачнаго ада, гдѣ находишья страшный пещъ Церберъ.

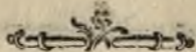
раствѣній, ты по мѣрѣ приближенія ; или удаленія твоего отъ солнечнаго круга различно мещещь сребровидное дѣвическое свое блиспаніе. Пеликад богиня ! какимъ бы не нарицалася именемъ, какими бы ты ни чтили жертвами и обрядами, и какой бы наконецъ ни былъ твой образъ, коснися мнѣ благодѣтельной твоею десницею, исхниши меня отъ бездны моихъ нещасій, воспави отъ бѣдственнаго паденія, содѣлай, да стопы мои утвердятся на стези мира и спокойствія, повели гонящей меня судьбѣ здержать свое стремленіе и укротить свою ярость : довольно золъ, довольно бѣдствій, довольно стрѣлъ поражавшихъ меня въ пуши моей жизни. Опними отъ меня сей гнусный четвероногаго скопа образъ и возврати мнѣ прежній видъ Луцѣвъ, возврати меня моимъ сродникамъ, друзьямъ и благодѣтелямъ. Но естли какое грозное божество раздраженное иѣкогда мною прешитъ моею усердной мольбѣ достигнуть крошкаго твоего слуха, и не хочетъ укротить своей неукротимой ярости ; благоволи богиня, да уничтожится мое смертное бытіе, когда уже не можно мнѣ

миѢ надѣяться лучшаго состоянія въ сей плачевной юдоли.

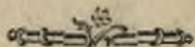
Сія смиренная мольба сопутствуетъ была покомъ слезъ и тяжкими стenanіями; но утомленные мои члены обрѣлъ вторично глубокій сонъ, и я на томъ же повернулся мѣстѢ. Едва сомкнулъ я свои очи, и уже мѣтается миѢ, что изъ самой глубины моря подѣмлетъ нѣкая богиня главу свою, къ которой должны благоговѣть самыя небеса и всѣ боги; пошомъ исходя помалу отъ волнъ лазоревыхъ является всѣмъ тѣломъ и предстаетъ предъ мой смущенный взоръ. Я потщусь описать вамъ чудный ея образъ, еслии только смертныя уста и слабая человѣческаго витійства сила можетъ лепѣть въ превыспренность; и еслии сія богиня вдохновеніемъ своимъ изліетъ на мой языкъ небесное краснорѣчіе сразмѣрное толь великому предпріятію. Во первыхъ ея кудрявыя, густыя и долгіе власы, развѣваясь по волѢ Зефира, украшали ея рамена и божественную выю. Ея величественная глава различными увѣнчана была цвѣтами, копорыхъ многообразное со-

паче

плещеніе представляло разные виды; по верхъ ея чела блистала плоской кругъ, на подобіе зеркала, или лучше сказать, кругловидный бѣлый свѣтъ; по сему признаку узналъ я, что сія богиня есть сама луна, ошую и одесную ея страну зрѣлися два извивающіеся змѣя, и на нихъ видимы были зрѣющіе класы. Ея одежда сошита была изъ самаго тонкаго льнянаго полотна; котораго цвѣтъ различно перемѣнялся: иногда казался онъ блестящимъ (д) и сребровиднымъ, иногда нѣсколько желтымъ и подобнымъ шафрану, иногда багрянымъ и подобнымъ розѣ. Но верхняя риза ея чернымъ блистая лоскомъ прищупила и помрачила остроту моего взора. Сія риза прикрывая богиню съ обѣихъ сторонъ, и подобно перевязи изъ подъ праваго плеча стягнута будучи однимъ кра-

(д) Луна при восходѣ своемъ кажется красноватою; по причинѣ сгущенныхъ паровъ отъ земли поднимающихся; но возвысившись на горизонтѣ имѣетъ цвѣтъ желтой, и когда уже въ самой срединѣ печенія своего, тогда кажется бѣлою или сребровидною.

краемъ на левое опускалась внизъ во многихъ и различныхъ изгибахъ, она по краямъ обложена была тончайшею бахрамою, развѣвася отъ самаго легкаго движенія; на воскриліяхъ сея ризы и на другихъ мѣстахъ разсѣяны блиспали звѣзды, и среди ихъ полная луна живѣйшимъ сіяла свѣтомъ. Вокругъ сея великолѣпныя ризы видима еще была неразрывная цѣпь составленная изъ всѣхъ плодовъ и цвѣтовъ весеннихъ. Въ рукахъ сея богини видимы были различныя вещи: въ десницѣ несла она мѣдяный систръ, у котораго чрезъ ускую и на подобіе пояса согнутую полосу были проложены три желѣзныя палочки, производящія весьма проицательный звонъ при самомъ малѣйшемъ движеніи руки богининой: въ шуйцѣ имѣла она золотой сосудъ, сдѣланный на подобіе маленькой (е) ладіи, но впрочемъ съ рукояткою; на верху сея рукоятки видимъ былъ

Асидъ,

(е) Египтяне изображали Изиду держащею въ рукѣ своей сосудъ сдѣланный на подобіе маленькой ладіи, означая чрезъ то теченіе водъ, и особенно различіе Нила.

Аспидъ, который въ верхъ поднимать свою голову имѣя шею надмѣнну. На сребровидныхъ богини сея -ногахъ были сандалин изъ пальмовыхъ листьевъ здѣланныя. Въ семъ великолѣпномъ и благоговѣйный ужасъ всеяющею видѣявшись мнѣ величественная Царица, орошена лучшими щасливой Аравіи благовоніями, удостоила меня своихъ божескихъ вѣщаній.

Нещастный Луцій, рекла она, твои слезы, твои воздыханія и молебны уже достигли моего слуха, и произвели во мнѣ чувствіе милосердія. Ты зришь меня предъ собою. Вѣдай, что я природа, мать всѣхъ существъ, владычица всѣхъ стихій, источникъ и начало вѣковъ, Царица тѣней адскихъ, первая въ ликѣ небожителей, единообразное зеркало всѣхъ боговъ и богинь; я мановеніемъ своимъ правлю свѣтлозарные небесные холмы, моею повинующа волѣ шумящія морскія бездны, и неукротимые вихри словесъ моихъ трепещутъ. Безмолвіе печальнаго ада въ моей власти; я едино во всѣмъ мірѣ божество, но въ разномъ видѣ, подъ различными названіями, и различными

Часть II. Т ными

ными обрядами чтитъ меня вся все-
ленная. Фригiяне древнѣйше изъ всѣхъ
народовъ нарицають меня матерью
боговъ и Пессинунтiйскою (ж) богинею;
Авiянне (з) Цекропскою Минервою;
жители острова Кипра Пафоской Вене-
рою, Критяне искусные стрѣль меша-
тели Дiаною Дикпинною; (и) Сици-
лиане, говоряще премо языками, име-
нующъ меня Спикскою (i) Прозерпи-
ною; Элевзинскiе жители древнею бо-
гинею Церерою; иные именующъ меня
Юноною, другiе Беллоною, иные Тека-
стою

(ж) Пессинунтъ Фригiйскiй городъ, въ
которомъ Цибелла храмъ свой имѣла,
и опколѣ ея статуя принесена была
въ Римъ во время второй Пунической
войны.

(з) Минерва была особенною покровитель-
ницею Авiянъ, и называлась Цекроп-
скою потому, что и сей народъ нари-
цался сперва Цекропскимъ, отъ имени
Цекропа своего перваго Государя.

(и) Дикпинна, слово Греческое и значитъ
сѣть или тенета, употребляемая при
звѣриной ловлѣ, которой луна или Дiа-
на почитается богинею.

(i) Потому что въ Сицилиі Плутонъ
похитилъ Прозерцину.

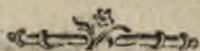
тою, другіе Рамнузітской (к) Немезисою; но Египты озаряемыя всегда первыми восходящаго солнца лучами, при томъ Арійскіе (л) народы, и Египтяне, древнѣйшіе мудрецы во всемъ свѣтѣ, нарицающъ меня точнымъ и собственнымъ моимъ именемъ, то есть богинею Изисою, и они только истинными и справедливыми обрядами совершающъ при олшаряхъ моихъ богослуженіе. И такъ престанъ Луцій проливать слезныя токи, отринь мрачную печаль и скорбное сѣшваніе; ты зришь меня передъ собою, я о тебѣ милосердствую; уже скоро, скоро возсіяетъ спасительный день, назначенный моимъ промысломъ для прекращенія твоихъ несчастій; внимай прилѣжнымъ слухомъ повелѣнія, которыя хочу тебѣ произнести нынѣ: день, который изъ мрака сея ночи родится, посвященъ мнѣ отъ самыхъ первобыт-

Т 2

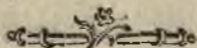
ныхъ

(к) Рамнонтъ Аппическій городъ, въ которомъ она подъ именемъ Немезисы почиталась: Немезисъ была богиня награждающая добрыхъ и казнящая злыхъ людей.

(л) Сии народы жили около Каспійскаго моря при подошвѣ горы Кавказа.

ныхъ временъ. Заутра мои жрецы должны принести мнѣ въ жертву начашки мореплаванія, посвящая въ честь мою корабль новый и не коснувшійся воднѣ морскихъ, назнаменуя чрезъ сіе, что вихри и непогоды царствующія во время хладной зимы, уже не будутъ свирѣствовать, и что волны лазоревыя, унротивъ свою ярость и разливая поверхъ морей томное и пріятное спокойствіе, дозволятъ быстрымъ кораблямъ нестися въ дальныя страны. Ожидай сего торжественнаго празднества, но ожидай съ благоговѣніемъ и спокойнымъ духомъ: ибо великій первосвященникъ исполняя мою волю имѣть будетъ въ десницѣ своей вѣнокъ розовой присоединенный къ снѣгу, когда онъ въ великолѣпнѣи достойномъ моего торжества простретъ свои снопы по стогнамъ града: и такъ послѣдуй тщательно за множествомъ народнымъ и надѣясь на мое благоволеніе старайся сквозь толпу шествующихъ достигнуть до сего первосвященника; приближась къ нему смиренно и какъ будто желая лобзать его десницу, снѣдай несомыя имъ розы, послѣ того немедленно уничтожится

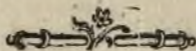

сей гнусный и толико противный мнѣ
твой образъ и ты обратно явисься
Луциемъ. Не сомнѣвайся и не помы-
шляй, чтобъ сіи мои поведѣнія испол-
нить тебѣ не удобно и не возможно :
ибо въ сіе самое время, въ которое
находясь я съ тобою, въ сіе мгновеніе
увѣдомляю первосвященника чрезъ про-
роческій сонъ о всемъ, что ему дол-
жно въ разсужденіи тебя дѣлать. Весь
народъ не смотря на шѣснопуту, и чув-
ствуя мановеніе мое, дозволитъ тебѣ
свободный путь; никто среди радо-
стныхъ восклицаній, среди торжествен-
ныхъ плесковъ, среди великолѣпнаго
празднества не возгнушающа презрѣн-
нымъ образомъ и безобразнымъ тво-
имъ видомъ, въ которомъ ты нахо-
дишься нынѣ; притомъ никто незап-
ное образа твоего премѣненіе не будетъ
почитать страшнымъ предзнаменова-
ніемъ какого нибудь несчастія; но
только помни вѣчно, и незабвенно со-
держи въ мысли своей, что ты
все оставшееся теченіе жизни твоея
долженъ посвятить мнѣ даже до по-
слѣдняго твоего дыханія: сама спра-
ведливость требуетъ, чтобъ ты при-
знавалъ себя одолженнымъ всею жиз-
нію

нію той богинѣ, которая помощію
 возвращенѣ тебѣ челоѣческой образѣ,
 Впрочемъ ты подѣ моимѣ покрови-
 тельствомѣ и защитою будешь жить
 благополучно и цвѣтѣ славы твоея ни-
 когда не увянетѣ. Но совершивѣ стран-
 ствованіе въ сей юдоли снидешь ты
 во адѣ; однако и на семѣ подзем-
 номѣ полукружіи не оставишѣ тебѣ
 жастие, ты будешь обиташѣ въ ра-
 достныхѣ Элисейскихѣ долинахѣ, ты
 не преминешь поклоняться мнѣ и въ
 семѣ мѣстѣ, мнѣ сіяющей посреди
 мрачнаго Эреба и царствующей въ Плу-
 тоновыхѣ чертогахѣ. Еслии прежде
 сего времени усерднымѣ ко мнѣ благо-
 говѣніемѣ, и всегдашнимѣ храненіемѣ
 священныхѣ обрядовѣ, касающихся до
 моего богослуженія, припомѣ непо-
 рочностью и чистотою своею явишѣся
 достойнымѣ моихѣ щедротѣ и благо-
 дѣяній, то узнаешь, что я едина те-
 ченіе жизни твоей сильна простерѣ
 за предѣлы предписанные тебѣ отѣ
 вѣка судьбою,

Тако величественная богиня от-
 крывѣ мнѣ свою волю невидимо сама
 въ

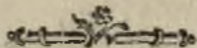

въ себѣ сокрылась. (м) Я въ шуже минушу воспрянулъ ошѣ сна, и воспалъ покрышѣ весь хладнымѣ пошѣмѣ, исполненѣ ужаса, удивленія и радости ошѣ шоль явнаго и очевиднаго присутствія благодѣшительныхъ ботни. Я вторично омывшисѣ въ лазоревыхъ струяхъ мбря углублялся въ благоговѣйныхъ размышленіяхъ ошѣдромѣ ея благоволеніи, и спократно повшорялѣ сѣ начала до конца всѣ ея божественныя завѣщанія. Не много пропекло времени и уже Фебова колесница разсыпая огненныя искры по спезямѣ своимѣ, и живошворные изливая лучи гонитѣ сѣ Эеирныхъ полей темнопу нощную. Мгновенно всѣ спогныя покрышы были безчисленнымѣ множествомѣ народа, которыи сѣ веселіемѣ шекался для священнаго шоржества. Иромѣ собственной моей радости, восхипившей всѣ мои чувствія, казалось мнѣ, что вся шварь ушѣшительнымѣ обѣяша веселіемѣ. Всѣ живолныя, всѣ

Т 4

не

(м) Луна какѣ Царица всея природы, или самая природа, не могла ни въ какое мѣсто удалиться, но сокрылась сама въ себя *in se recessit*.

неодушевленные существа, и самой
 день явился въ пріятнѣйшемъ видѣ.
 Словомъ, благотворное солнце отъ вѣка
 толь великолѣпно. съ высоты своей не
 блистало, никогда лучезарные власы
 его въ лучшемъ сіяніи не развивались
 на колеблющемся Зефирѣ. Пернашы
 сонмы птицъ не потрясая крылами
 плавали по волнамъ воздушнымъ, изъ
 нихъ одаренныя нѣжиѣншею гортанью,
 обрадованныя желаннымъ возвратомъ
 смѣющейся весны, изливали на воздухъ
 сладостныя трѣли, и пріятнымъ со-
 гласіемъ воздавали почести державной
 виновницѣ временъ, матери всѣхъ свѣ-
 шилъ, и владычницѣ всѣхъ міровъ: но
 что! самыя древа, равно какъ плодо-
 носящія, такъ и безплодныя, и одною
 тольکو прохладною гордящіяся тѣнію,
 одушевлены будучи животворною те-
 плою полуденнаго вѣтра покрылись
 пріятнымъ возраждающимся знакомъ,
 и производили сладостное журчаніе,
 принимая въ густоту вѣтвей и листьевъ
 своихъ играющаго Зефира; море уже
 не колебалось бурнымъ вихремъ, шу-
 мящія волны уже не отягощали бре-
 говъ своимъ бременемъ, но кротко из-
 ливаясь орошали ихъ спокойными стру-
 ями;

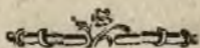
лами; блистательные своды небесъ не были покрыты ни самымъ тонкимъ облакомъ.

Уже великолѣпное сего празднества соборнще начинается торжественное свое шествіе. Каждый въ семъ многолюдствѣ по склонности своей одѣтъ былъ различно, и разную представлялъ особу: иной препоясанъ будучи воинскимъ поясомъ изображалъ солдата; иной одѣвшись въ короткое платье, имѣя при одной бедрѣ мечъ, и въ рукѣ держа рогатину, сдѣлался ловцемъ звѣрей; другой надѣвъ на свои ноги золотомъ вышитые башмаки, прикрывшись съверху шелковою одеждою и украсившись всѣми великолѣпными нарядами свойственными предестному полу, а при томъ зачесавъ свои волосы на самой верхъ головы, представлялъ женщину уборомъ своимъ и походкою: иной имѣя въ рукахъ свихъ щипъ, копье и мечъ казался недавно сражавшимся на зрѣлищѣ, гдѣ шпажные бойцы показываютъ свое искусство и храбрость. Предъ другимъ одѣтымъ въ порфиру несли пуки

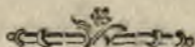

розгъ и острую сѣкиру, какъ будто предъ знаменитымъ Сенаторомъ; бы-
ли и такіе, которые широкой епан-
чею, пупоносными башмаками, длин-
ною въ рукахъ палкою, и козлиной
бородою искусно изображали Фило-
софа; сверхъ того иной какъ рыбо-
ловъ несетъ въ рукахъ уду, другой
какъ шпигельовъ разные силки и
сѣти. Видѣлъ я при томъ крохкую
и пріобученную къ рукамъ медвѣди-
цу, одѣтую въ платье знаменитой
вдовицы и несомую на спулѣ; видѣлъ
я обезьяну, которая имѣя на головѣ
своей сплешенную изъ цвѣтовъ шапку,
одѣта была во Фригійское шафраи-
наго цвѣту платье, и держа въ ру-
кахъ золотой сосудъ изображала
Танимеда; наконецъ выступалъ хра-
бро за дряхлымъ старикомъ, дря-
хлый, но крылатый оселъ; одного
почелъ бы ты быстрымъ Пегазомъ,
другаго неустрашимымъ Веллерофон-
томъ: но впрочемъ тотъ и другой
принудилъ бы тебя смѣяться.

Посреди сей многочисленной и ра-
достной толпы одѣтой чуднымъ, раз-
личнымъ и забавнымъ образомъ ше-
ствующъ

ствуютъ особенные покровительствующей богини спутники и спутницы. Тамъ зрѣлися въ великомъ множествѣ женщины, облеченныя въ бѣлыя одежды, и являя радость на лицахъ, несли въ рукахъ своихъ разныя вещи. Онѣ имѣли на главахъ своихъ прекрасныя вѣнки, соплетенные изъ цвѣтовъ весеннихъ, но такіе же цвѣты разсыпали они по стезямъ, по которымъ священное богини соборище должно будетъ шествовать. Иные изъ нихъ позади раменъ своихъ имѣли блистающія зеркала, которыя представляли богинѣ всѣхъ грядущихъ ей во слѣдъ такъ, что лица ихъ казались обращенными къ ея лицу, иные напротивъ имѣя гребни изъ слоновой сдѣланные кости и различныя показывая движенія рукъ своихъ и персповъ, старались по видимому разчесывать и украшать сребровидные волосы благодѣтельной Царицы. Иные предъ стопами ея изливали бальсамъ и прочіе благовонные ароматы. Кромѣ сего безчисленное множество мужчинъ и женщинъ одинъ предъ другимъ старались умилоствивлять державную сію богиню планетъ, неся въ рукахъ своихъ факлы,

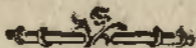
факлы, свѣщильники, восковыя свѣщи и другіе всякаго рода огни, изливающіе блескъ различнаго и возможнымъ искусствомъ содѣланнаго цвѣта; наконецъ хоръ пѣвцовъ громкамъ, но стройнымъ голосовъ своихъ шумомъ, и сладостными шреллями разныхъ свирѣлей наполнялъ воздухъ и восхищалъ все соборище; за симъ хоромъ слѣдовалъ прелестный ликъ самыхъ прекрасныхъ опроковъ, облеченныхъ въ бѣлыя и сему торжеству приличныя одежды.

Они пѣли съ повтореніемъ сладостную пѣснь, сочиненную однимъ славнымъ стихотворцемъ, вдохновеннымъ устами чистыхъ музъ. Въ сей пѣсни изъяснены были причины толь великолѣпнаго и священнаго торжества, и воспѣты всѣ благодѣянія великія небесъ Царицы. Между ими шествовали также музыканты, посвященные богу Серанису; они съ великимъ искусствомъ играли на извишыхъ флейтахъ сладостную пѣснь, которую обыкновенно играютъ во храмѣ сего великаго боже-ства. Многіе приставаы и гражданскіе надзирашели увѣщевали народъ, чтобъ онъ

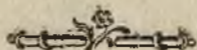
онъ на обѣ стороны раздѣлился и не преняшествовалъ шѣсною своею свободному шестію богининыхъ спашуй, несомыхъ благоговѣйными руками. Послѣ того шли новопросвѣщенные и недавно принятые къ познанію великихъ и дивныхъ таинствъ: ихъ было великое множество обоето пола и всякаго возраста, и всѣ облечены въ одежды изъ тонкаго полотна сошвенные и подобныя бѣлизною чистому серебру, или снѣгу.

Изъ нихъ женщины на власистыхъ своихъ главахъ, орошенныхъ разными благовоніями, тонкіе и прозрачные имѣли покровы, но у мужчинъ головы были совсѣмъ обрѣзаны, которыхъ шѣмя блистало отъ лучей солнечныхъ. Сія земная свѣшила, сіи почтенные истиннаго благочестія хранители и неподвижные столпы наполняли воздухъ громкимъ звукомъ, ударя въ мѣдныя, серебряныя и золотыя систры. Наконецъ главные жрецы и первосвященники облеченные въ бѣлыя изъ тонкаго льна сдѣланныя одежды, которыя проспиралися почти до самой земли, несли благоговѣй-

говѣнными своими руками изображенія и признаки боговъ. Первой изъ нихъ держалъ свѣтоносную лампаду; однако не уподоблялась она лампадамъ, употребляемымъ при вечернихъ нашихъ пиршествахъ, но сдѣлана была изъ золота на подобіе ладіи, и огненнымъ сіяла блескомъ. Другой несъ обѣими руками малые жертвенники, называемые *Помощниками*: такимъ именемъ нарекло ихъ благопшорительное и повсюду вспомошествоующее провидѣніе великія богини. Третій несъ Меркуріевъ жезлъ и пальмовую вѣтвь, на которой листья были золотыя. Четвертый изъ нихъ шествуя показывалъ всѣмъ признакъ *правды*: это была лѣвая рука имѣющая простертые персты: ибо шуйца наша будучи не такъ дѣйствительна, проворна и способна къ разнымъ и хитрымъ обращеніямъ, приличнѣе можетъ изобразить чистосердечную правду, нежели десница. Сей же самой жрецъ имѣлъ въ руцѣ своей золотой сосудъ, сдѣланной на подобіе женскаго (н) соца, и онъ изъ него про-

(н) Сей сосудъ былъ знакомъ обилія и плодоносія всей природы:

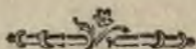

проливалъ чистое млеко. Пятой несъ превеликой золотой лопокъ, наполненной мѣлкими золотыми вѣшьями. Наконецъ шестой имѣлъ въ рукѣ своей скляницу.

Непосредственно шествующіе самыя боги, соблаговолившіе нестися руками смертныхъ. Одинъ, (это былъ Анубисъ) поднималъ въ верхъ страшную свою песью главу; другой, будучи небесъ и ада посланникъ, держалъ оную прямо, одна половина лица его была черна (о), другая напрошивъ позлащенна; онъ въ шуйцѣ своей имѣлъ жезлъ, а въ десницѣ зеленый палынь. За нимъ слѣдовала шучная права (богиня Изиса) стоящая на заднихъ только ногахъ; она изображала великую богиню, плодоносную мать всѣхъ твореній, и несомая была на раменахъ одного жреца. Нѣкоторой благоговѣиной мужъ несъ въ рукахъ своихъ кошицу, заключающую въ се-

66

(о) Златой цвѣтъ означалъ небо, а черной изображалъ адъ; ибо Меркурій почитался посланникомъ небесъ и ада.

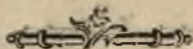
бѣ всѣ сокровенныя богослуженія
 таинства: за нимъ слѣдующій имѣлъ
 въ щастливыхъ своихъ нѣдрахъ вели-
 чественный образъ высочайшаго боже-
 ства. Сей образъ не представлялъ
 видомъ своимъ ни человека, ни
 птицу, ни рыбу, ни звѣря, словомъ
 никакого животнаго: и сею опъ про-
 чихъ божескихъ изображеній опмѣ-
 ною, сею новостію будучи вѣщаго
 доспоннѣ благоговѣнія показывалъ
 величіе и святость высочайшаго бого-
 служенія яснѣе, нежели сколь вишій-
 спвенныя человѣческія уста описать
 могутъ; и чрезъ сіе же самое назна-
 меновалъ, что таинства сего боже-
 ства должны хранимы быть во все-
 гдашней сокровенности и молчаніи. Сло-
 вомъ, это былъ невеликой золотой
 сосудъ, сдѣланной со возможнымъ
 искусствомъ; дно его было круглое,
 на которомъ опвиѣ начертаны зрѣли-
 ся удивительныя Египетскіе Геро-
 глифы; горло его будучи не высоко и
 проспиралось въ одну сторону составля-
 ло долгую трубочку; но съ другой
 стороны была на немъ рукоятка
 весьма великая и которую до самой
 вышины окружалъ изгибами своими

Аспидъ

Аспидъ подъемящій чешуичестую и клубящуюся выю.

Наконецъ желанная минута обѣщанная мнѣ великою богинею приближилась, уже первосвященникъ предреченный мнѣ ею шествовалъ и несъ мою свободу и спасеніе. Онъ въ десницѣ имѣлъ систрѣ благодѣшельныя сея богини и припомѣ вънокъ соплешенный изъ иѣжныхъ розъ; копорой по истиннѣ былъ для меня драгоцѣннымъ вѣнцемъ: ибо все-сильною великія богини десницею предводимъ и вспомошествоуемъ будучи, побѣдилъ я враждебную и гонящую меня Форшуну, претерпя съ мужештвеннымъ духомъ всѣ нещастія, и почти неизбѣжимыя опасности. И такъ хотя я неописанную чувствовалъ радость, не отважился однако устремиться съ поспѣшностію въ толлу народную, боясь чшобъ скорымъ и необычайнымъ бѣгомъ такого скопа, наковъ тогда я казался, не былъ смущенъ и встревоженъ стройной порядкомъ торжештвеннаго шештвія; но смиреннымъ и тихимъ шагомъ шелъ я посреди множества, кошорое вдохно-

Венно будучи богинею расширялось на
 обѣ стороны дозволяя мнѣ нупь сво-
 бодный; я нечувствительно прибли-
 жился къ первосвященнику, которой
 едва меня усмотря, вспомнилъ боже-
 ское о мнѣ велѣніе чрезъ сонъ ему
 изреченное, и видя, что все по пред-
 сказанію богини совершается, остано-
 вился и самъ простерши руку свою
 поднесъ къ моимъ устамъ вѣнокъ
 розовой; которой съ благоговѣйнымъ
 ужасомъ и съ чрезмѣрнымъ препеша-
 ніемъ моего сердца принялъ я отъ его
 десницы и сѣлъ его съ великою жад-
 ностію. Уже я зрю скорое исполне-
 ніе обѣтовъ сея Царицы: немедленно
 уничтожается презрѣнный скопекій
 видъ, въ которомъ я до сего вре-
 мени находился; жосная и гнусная
 шерсть ниспадаетъ съ моего тѣла,
 кожа моя мягкою и нѣжною дѣлается;
 пространный желудокъ умалется,
 копыща ногъ моихъ распростираются
 и составляютъ персы; руки мои уже
 преспали бытъ передними ногами, и
 дѣлаются способными къ исполненію
 человѣческихъ рукодѣлій; моя долгая
 шея сдѣлалась короткою, мое лице и
 голова приемишъ видъ кругдой; отвѣ-
 систые

енстые и длинныя уши уменьшаются, страшныя мои зубы уже равняются зубамъ человѣческимъ; и шопъ длинный и превеликій хвостъ, которой столько меня беспокоилъ, совсѣмъ уничтожился. Тогда весь народъ изумляется; благоговѣныя особы видя столь дивное превращеніе совершившееся въ одну минуту, превращеніе подобное невѣроятнымъ чудесамъ мечтающимся въ мысляхъ нашихъ во время сна ночнаго, со страхомъ чшутъ столько явное доказательство неограниченнаго богинина могущества; и подѣмля свои длани къ небесамъ всѣ громкимъ гласомъ возсылаютъ хвалу богинѣ, и свидѣтельствуя о столь великомъ и дивномъ ея благодѣянїи. Что касается до меня, то я объятъ будучи удивленїемъ и ужасомъ, и неописанною восхищаясь радостїю стоялъ въ безмолвіи подобая мраморному истукану, и хотя человѣческимъ языкомъ можно мнѣ было говорить, но не могъ я отверсть свои уста, и не зналъ какъ начать, и какими достойными хвалами, какимъ вишїйствомъ изъяснить благодарность мою величественной богинѣ,

которая шоль многія щедроты и благо-
дѣянія извѣяшь на меня благоволила.

Великій первосвященникъ будучи
извѣщенъ богинею о всѣхъ бѣдствіяхъ
понесенныхъ мною съ самаго начала
моего превращенія въ ослиной образъ,
не менѣе и самъ удивлялся шоль вели-
кому чудеси. Онъ немедленно далъ
знакъ, чтобъ подали мнѣ для при-
крытія наготы моей одежду льняную;
ибо превратившись обратно въ Луцій
увидѣлъ я себя совсѣмъ обнаженнымъ,
и только руками своими могъ я при-
крыть свое тѣло; немедленно одинъ
изъ числа священнослужителей сни-
маетъ съ себя верхнюю одежду и
оною меня прикрываетъ; послѣ того
первосвященникъ воззрѣвъ на меня крош-
кимъ и веселымъ взоромъ, вѣщавъ
мнѣ тако: любезный Луцій, ты пре-
одолѣвъ шоль многія напасти, препо-
бѣдивъ шумящія валы устремляемые
на тебя злобнымъ дыханіемъ форшуны,
и спасшись отъ ярыхъ и ядоносныхъ
ея стрѣлъ достигъ наконецъ въ при-
ешанище мирной тишины и спокой-
ствія, и обрѣлъ себѣ милость предъ
олтаремъ божественнаго милосердія.

Твоя

Твоя знаменитая порода, твой собственная заслуга, твой разумъ по-лико озаренный свѣтомъ премудрости, ни въ какую пользу тебѣ не послужили, и ни какихъ добрыхъ плодовъ не принесли; и ты стремленіемъ по-ползновенной и кипящей юности влекомъ будучи предался постыднымъ любовнымъ забавамъ, и за свое неосторожное любопытство несчастное, но достойное получилъ воздаяніе. Но впрочемъ сія слѣпая форшуна погрузившая тебя въ несчетныя бѣдствія, сія форшуна сверхъ чаянія своего, и самую злобною мщенія своего рукою привела тебя къ сему благополучному состоянію. И такъ пусть она удалится, пусть ищетъ другой себѣ жершвы, надъ которой бы могла испо-щать свое неукротимое свирѣпство: ибо ея стрѣлы уже ни мало недѣй-ствительны противу шѣхъ людей, ко-торыхъ великая наша богиня удосто-ила принять въ свое покровительство, и прикрыть щитомъ своего милосер-дія, и которые жизнь свою посвя-щаютъ ея богослуженію. Повергая тебя въ руки безчеловѣчныхъ разбой-никовъ, обременяя оковами рабства,

ушрждаа непроходимыми путями, и смущая духъ твой повседневнымъ страхомъ лютой смерти, какой успѣхъ могла получишь сія злобая и слѣбая фортуна? се ты нынѣ подъ тѣнію уже благотворной фортуны, которая видишь ясно и озаряешь своимъ блескомъ прочихъ боговъ. И такъ возрадуйся Луцій и сообразуйся свѣшлымъ веселіемъ бѣлизнѣ твоей одежды, и сопутствуй радостно торжественному шествію сея богини явившей тебѣ столь великую щедроту и столь милосердое снисхожденіе. Да узрятъ нечестивые дивное чудо содѣвшаеся надъ тобою ея могуществомъ; да узрятъ и познаютъ свое беззаконное заблужденіе: уже Луцій испортнуетъ изъ бездны всѣхъ несчастій, уже покоясь подъ щитомъ благодѣтельныхъ Изиды торжествуетъ надъ грознымъ стремленіемъ ожесточеннаго фортуны. Но чшобъ тебѣ пріятнѣйшею наслаждаешься ширинною и безопаснѣйшимъ оградишься миромъ, причисли ты себя къ священному воинству сея богини, ты стократно возрадуешься о благополучномъ избраніи такого щасливаго жребія, не медли и въ сіе мгновеніе посвяти

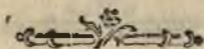

свяши себя добровольно великимъ таинствамъ и богослуженію нашему, ибо едва лвишься ты подъ знаменемъ сея богини, то сладостный плодъ свободы своея возчувствуешь несравненно утѣшительнѣе и пріятнѣе.

Тако вѣщалъ первосвященникъ извлекая отъ глубины сердца своего тяжкія воздыханія. Онъ умолкъ; и торжественное шествіе возобновляется. Я шелъ во слѣдъ богини среди ея жрецовъ, и немедленно всему народу сдѣлался извѣстенъ и примѣтенъ, всѣ разсуждали о моемъ превращеніи; и указывая на меня одинъ другому перстомъ говорили: се щастливой изъ смертныхъ, которому великая богиня могуществомъ своимъ возвратила человѣческій образъ; по испикнѣ онъ блаженъ и спократно блаженъ! когда непорочностію жизни своею и неслеснымъ чистосердіемъ удостоился получить толь великую отъ щедрыхъ небесъ милость, что едва родившись, такъ сказать, и воспріявщи человѣческой видъ, уже усыновляется богинѣ, и приступаешь къ познанію сокровенныхъ ея таинствъ.

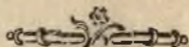

Совершивъ нѣсколько пути при гласѣ громкихъ восклицаній и при всеобщей усердной мольбѣ достигли мы наконецъ морскаго брега, и того поочно мѣста, на которомъ я находясь еще въ ослиномъ образѣ препроводилъ ночь лежа на мягкомъ пескѣ: на семъ брегѣ поставили, какъ должно было, всѣ божескія изображенія, потомъ великій первосвященникъ произнесъ нѣкопорыя священныя молитвы, посвятилъ богинѣ новой корабль едѣланной со всевозможнымъ искусствомъ: на немъ видимы были со всѣхъ сторонъ чудныя писмена Египетскія, и разные Тѣроглифы, при томъ очищенъ онъ былъ горящимъ сѣтильникомъ, свѣжимъ яицомъ и сѣрою. На бѣломъ парусѣ щастливаго сего корабля начертаны зрѣлися крупныя и древніе писмена, изображающія желаніе благополучнаго мореплаванія, и они каждой годъ были возобновляемы. Уже пошановляется сосновая круглая яхта, которая была весьма велика, и украшена различною рѣзбою: на кормѣ видѣнъ былъ искусно едѣланной гусь весь позлащенной, и его долгая шея приклонялась ко груди

ди: словомъ, весь корабль сдѣланъ былъ изъ цитроннаго дерева хитрыми руками самаго совершеннаго въ искусствѣ своемъ художника. Тогда весь народъ и всѣ жрецы съ горящимъ усердіемъ неся кошницы наполненныя ароматами и другими разными вещами служащими для жертвоприношенія, бросаютъ ихъ въ корабль; сверхъ того изливаютъ въ море чистое млеко, и млеко смѣшанное съ другими вещами. Когда уже корабль наполнился благоговѣйными приношеніями и дарами, то поднимаютъ якорь, отрѣзаютъ канаты, и въ минуту способный и пріятный вѣтръ удаляетъ его отъ берега и стремишь на открытое море. Наконецъ сокрылся онъ отъ нашего взора: жрецы подѣмлютъ съ земли обратно всѣ священныя вещи и возвращаются во храмъ съ радостію, и такимъ точнымъ порядкомъ, какъ шли они къ еему берегу.

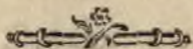
Когда вступили мы въ сей храмъ, то первосвященникъ и жрецы, которые несли изображенія и признаки боговъ, и также всѣ уже

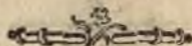
отъ давнаго времени просвященные великими и сокровенными тайнами вошли во внутреннее святилище богини, и тамъ поставили по порядку всѣ божескія статуи толь искусно сдѣланныя, что они всѣмъ казались одушевленными и живыми. Послѣ сего одинъ изъ жрецовъ, именуемый отъ всѣхъ проповѣдникомъ, стоя у дверей призвалъ, какъ будто для общаго собранія всѣхъ (п) Паспофоровъ (такъ нарицались всѣ члены сего священнѣйшаго общества); пошомъ восшедши на возвышенное мѣсто, и держа въ рукахъ книгу читалъ громкимъ голосомъ молитву о здравіи Императора, всѣхъ Сенаторовъ, всадниковъ, и о благополучіи всего Римскаго народа; желалъ при томъ щастія всѣмъ плавающимъ на морѣ, и всѣмъ подданнымъ и союзникамъ Римскія державы: онъ окончалъ молитву произнеся два Греческія слова *λαοις ἀφροεις*; по естъ, народъ уже отпущается. Всѣ на сіе отшѣствовали единогласнымъ желаніемъ; дабы все, что сдѣлано и

совер-

(п) Паспофорами назывались тѣ, которые облечены были въ греческія одежды.

совершенно служило къ пользѣ и блаженству всего міра. Наконецъ каждой положила оливныя вѣтви и вѣнки содѣланные изъ разныхъ цвѣтовъ предъ сребренною спашуюю богини стоящей на жертвенникѣ, и облобызавъ ея ноги, возвращался домой съ радостію. Но я не могши ни на одну минуту удалиться, и усремя со вниманіемъ взоръ свой на сію священную богиню спашую, размышляя въ умѣ своемъ о всѣхъ прешедшихъ моихъ бѣдствіяхъ. Между тѣмъ слава уже распросерла крыль свои, дабы летѣть въ мое отечество и возвѣстить всѣмъ чудное мое приключеніе и всѣмъ благодѣянія полученныя мною отъ щедрой богини. Немедленно мои ближніе сродственники и всѣ домашніе служители опринувъ скорбное сѣшваніе причиненное имъ несправедливымъ и ложнымъ слухомъ о моей смерти, спѣшатъ ко мнѣ съ разными дарами, восхищаясь радостію, и желая увидѣть человека спасеннаго, и отъ челюстей почти адскихъ изъятаго всемогущею десницею великія богини. Толь неожиданное сихъ любезныхъ мнѣ особъ пришествіе обрадовало меня чрезвы-

вычайно. Я отъ искренняго сердца благодарю ихъ за всѣ усердныя мнѣ дары. Мои служители принесли мнѣ довольно всего, что только нужно было для прохладной жизни. Послѣ того поздравивъ и облобызавъ изъ нихъ каждаго, обѣяснилъ имъ подробно всѣ прошедшія мои бѣды и злоключенія; и увѣдомивши ихъ о настоящемъ благополучіи, возвратился обратно къ богининой спатуѣ. Я откупилъ во оградѣ храма сего маленькой домикъ, дабы прожить въ немъ нѣсколько времени. Я всегда находился въ особенныхъ жрецовъ собраніяхъ и служилъ всѣдневно великой богинѣ, не отлучаясь никогда отъ ея храма.

Не было ни одной ночи, въ которую бы сія величественная небесъ Царица не явилась мнѣ, и чрезъ пріятный сонъ не изрекла бы различныхъ завѣщаній; она многократно повелѣвала мнѣ просвѣтиться ея таинствами и приступить къ ея богослуженію, къ которому я уже давно былъ назначенъ. Но я хопя чрезмѣрнымъ къ тому горѣлъ желаніемъ, однако благо-

го-

говѣнный и священный ужасъ удерживалъ спремленіе мое отъ сего предпріятія. Ибо разсуждая со вниманіемъ о всѣхъ обязанностяхъ, которымъ подвергаетъ себя служитель столь великія богини, увидѣлъ я, что весьма трудно исполнить безъ всякаго порицанія такую должность, при которой требуется непорочность и цѣломудріе, и при томъ всевозможное благоразуміе для избѣжанія отъ разныхъ и многихъ прешкновеній случающихся намъ непредвидимо въ сей жизни. И такъ углубляясь въ сихъ размышленіяхъ медлилъ, хотя и желалъ просвѣтить себя таинствами и вступить въ служеніе великой богини.

Въ нѣкоторую ночь видѣлъ я во онѣ первосвященника представшаго предъ мои очи, и въ нѣдрѣ своемъ имѣющаго различныя для меня вещи; и когда я спросилъ, что сіе значитъ? отвѣтствовалъ онѣ, что все сіе послано мнѣ изъ Фессалии, и что слуга мой по имени Кандидусъ (бѣлый) уже пришелъ изъ сей страны. Разсуждалъ проснувшись я долго въ умѣ своемъ къ чему бы клонилось такое чудное видѣніе; и
тѣмъ

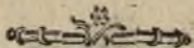

шѣмъ паче я безпокоился, что никогда
 не было у меня слуги называющагося
 такимъ именемъ. Впрочемъ, какъ я
 ни толковалъ сіе сновидѣніе, всегда
 оно предвѣщало мнѣ знатную прибыль.
 И такъ питаясь надеждою получить
 какую нибудь выгоду, ожидалъ я
 доколѣ не отворятся двери храма,
 отверзаемые въ уреченное время въ
 каждое утро. Но когда уже всту-
 пили мы во храмъ, и завѣса покрыва-
 ющая статую богини была подъята,
 то всѣ поверглись на землю предъ ве-
 личественнымъ изображеніемъ сѣя Ца-
 рицы. Между шѣмъ первосвященникъ
 обходя по порядку жертвенники прі-
 уготовлялъ все нужное для богослу-
 женія; пошѣмъ приличныя читая мо-
 литвы излилъ изъ золотого сосуда
 воду почерпнутую изъ чистаго источ-
 ника, сокровеннаго въ самомъ тайномъ
 мѣстѣ сего храма. Послѣ того всѣ
 жрецы провозвѣстя что наступилъ
 уже первый часъ дня, начали съ благо-
 говѣніемъ читать упрежня молитвы.
 Въ сіе время пришли ко мнѣ изъ Фес-
 салін мои слуги, которыхъ я оставилъ
 въ сей странѣ будучи превращенъ въ
 осла неосторожностію Фописы; срод-
 ствен-

спивенники мой не преминули прислать ко мнѣ также моего коня, которой разнымъ и многимъ служилъ господамъ, но по примѣтѣ бывшей на его спинѣ сысканъ былъ моими служителями. Я чрезвычайно удивилъя почному и справедливому событію моего сновидѣнія: ибо сверхъ обѣщанной прибыли, предвѣщало оно мнѣ обратное полученіе моего коня, нарекиши его именемъ слуги Кандидуса, по причинѣ бѣлой его шерсти.

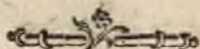
Я вседневно упражнялся въ благотовѣнномъ служеніи великой богини; питаясь надеждою обрѣсть предъ нею милость, и получишь впредъ вся благая обѣщанная мнѣ ея устами; и въ семъ упованіи утвердили меня еще больше настоящія благости ея дары и благодаренія. Съ сего времени усугублялось во мнѣ день оиъ дня желаніе, чтобъ озариться священными ея тайнами. Я многократно ходилъ къ первосвященнику и заклиналъ его съ возможнымъ убѣжденіемъ и мольбами, дабы онъ принялъ меня въ число своихъ сочленовъ, и просвѣтилъ мой разумъ познаніемъ сокровенныхъ тайнствъ со-
вер-

вершаемыхъ въ ночь освященную. Но онъ, будучи мужъ важной и строгой хранишель всѣхъ законовъ сего непорочнаго и чистѣйшаго богослуженія, ошлагалъ мое принятіе до другаго времени, говоря со мною благосклонно и ласково, подражая благоразумнымъ родителямъ, которые тихимъ и пріятнымъ образомъ умѣряютъ и воздерживаютъ преждевременныя чады своихъ желанія; онъ сшараясь ушисшить безпокойствіе и волненіе моего духа, совѣшовавъ мнѣ не отчаяваться, но ободриться терпѣніемъ и надеждою. Онъ увѣрялъ меня опечески, что день, въ которой долженъ кшонибудь просвѣшиться обыкновенно волею и маиновеніемъ самой богини означается, и что священникъ долженствующій исполнять величественныя при семъ случаѣ обряды, ея же провидѣніемъ избираемъ бываетъ, и что наконецъ самое число денегъ и прочихъ къ тому потребныхъ вещей опредѣляется всегда по ея божескому повелѣнію: для сего и я долженъ терпѣливо, великодушно и со смиреніемъ ожидать ея воли, и остерегаться пришомъ двухъ крайностей, шо есть, чтобъ

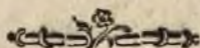

чтобъ не имѣшь, какъ безразсудной и спремительной поспѣшности прежде времени, такъ равно не отрицаться бы преслушнымъ медлѣніемъ, когда уже особеннымъ сея богини гласомъ призванъ буду къ просвѣщенію. Впрочемъ, продолжалъ онъ, нѣтъ у насъ толь безразсуднаго жреца и толь мало пекущагося о своей жизни, кою-рой бы не имѣя почнаго отъ богини повелѣнія опважняся принять себя въ число тайно просвѣщенныхъ, и учинить чрезъ шо самое незаконное и святошашское злодѣйство: ибо жизнь и смерть наша находится во власти сея богини; и при томъ самое вступленіе къ познанію сихъ таинствъ торжествуется съ обрядами приличными самовольной смерти, и таковой жизни, кою-рою уже одолжены мы единой благости и щедростъ великія богини: сверхъ того сія богиня обыкновенно избираетъ для своего богослуженія мужей пресстарѣлыхъ, благоразумныхъ и могущихъ священнымъ молчаніемъ запечатлѣть всѣ ея таинства; она ихъ своимъ промысломъ вторично, такъ сказать, раждая, выводитъ на сцену новья и опмѣнныя жизни. И такъ,

хотя уже благость великия Царицы столь явно и достоверно на тебѣ явившаяся, назначила тебя къ щасливому сему жребію, однако долженъ ты благоговѣнно ожидать рѣшительнаго небесъ соизволенія, и долженъ съ сего времени воздерживаться отъ мясъ запрещенныхъ, подражая другимъ сочленамъ нашего сообщества, дабы съ вящимъ усердіемъ и чистотою духа приступишь къ познанію сокровенныхъ таинствъ свѣтѣйшаго богослуженія.

Тако увѣщевалъ меня первосвященникъ, я повиновался ему всегда, умѣряя свое нетерпѣливое желаніе; и при томъ успокоя мысли свои и храня благоговѣнное молчаніе находился вседневно при служеніяхъ совершаемыхъ въ честь великой богини: наконецъ она по благости своей не умедлила совершить мою надежду; и во время сна моего при мракѣ nocturno, не мрачными впрочемъ но ясными увѣреніями открыла миѣ, что уже день столько много желанный приближился; она миѣ объявила сколько долженъ я употребить денегъ для своего принятія къ просвѣщенію.

щенію, и припомѣ того же самого
первосвященника назначила быть мо-
имъ просвѣтителемъ; увѣряя, что
между имъ и мною есть нѣкоторое
тайное соединеніе и согласіе произво-
димое содѣйствіемъ свѣтилъ небе-
сныхъ. Такимъ образомъ открывши
мнѣ волю свою благодѣтельная богиня,
обрадовала и успокоила духъ мой со-
вершенно. Я предъ восходомъ солне-
чнымъ воспрянувши отъ сна поспѣшаю
немедленно къ первосвященнику. Онъ
выходилъ тогда изъ своей ложницы;
я увидя его, поклонился по обыкно-
венію и пошелъ за нимъ во слѣдъ,
намѣреваясь съ возможнымъ усиліемъ
просить его, дабы принялъ меня въ
число просвѣщенныхъ, какъ такого
человѣка, которому уже сама богиня
открыла свое благоволеніе: но онъ
какъ только усмотрѣлъ меня, то
не ожидая никакой моей прозбы на-
чалъ первой говорить мнѣ: — О любез-
ный мой Луцій, сколь ты щастливъ
и блаженъ! ты, котораго великая
богиня удостоила великихъ щедротъ
и благодѣній! что еще медлишь?
чего ожидаешь? уже наступилъ
спасительный день, толь усердно и

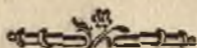

поль нешерябляво тобою ожидаемый: въ сей день исполня велѣніе нашея богини просвѣщу я тебя великими ся таинствами. — Въ то же время взявши онъ меня за руку повелѣ ко вратамъ храма; они съ обыкновенными обрядами отверзаются; потомъ совершается упреннее жертвоприношение; послѣ того вынимаетъ онъ изъ сокровеннаго мѣста нѣкогорыя книги, исполненныя писменъ совсѣмъ неизвѣстныхъ. Сіи писмена заключали въ краткихъ словахъ весь смыслъ и все содержаніе священныхъ таинствъ и молитвъ, изъ нихъ одни изображены были въ видѣ различныхъ звѣрей; другія составляли изъ себя нерѣшимой узелъ, иныя были круглыя на подобіе колеса, иныя извишты различнымъ образомъ: и сіе для того единствено, дабы непросвѣщенные будучи любопытны не могли ничего читать въ сихъ книгахъ. Онъ изъ нихъ прочиталъ мнѣ нѣ завѣщанія, по которымъ долженъ я приготовить все нужное для жертвы при случаѣ моего вступленія въ познанію священныхъ таинствъ.

Я всѣ сіи вещи то самъ, то чрезъ моихъ пріятелей купилъ немедленно

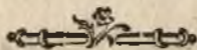

Членно и въ болшей количествѣ, нежели сколь нужно было. По наступленіи уреченнаго часа повелѣ меня первосвященникъ въ ближнюю баню, и всѣ члены сего благочестиваго общества насъ провождали. Когда я омылся, и обыкновенная при семъ случаѣ молитва уже совершилась; по освѣпивъ и очистивъ онъ меня кропленіемъ воды, повелѣ обратно ко храму; двѣ трети дня уже протекли, и я представленъ былъ предъ стапую великія богини; въ семъ мѣстѣ проговорилъ онъ мнѣ тайныя слова и завѣщанія, которыхъ я не долженъ никому объявлять, помѣмъ громкимъ голосомъ и предъ всѣми присутствующими повелѣлъ мнѣ десять дней поститься, не употреблять въ пищу никакого мяса, и не пить также вина. Сей законъ наблюдалъ я свято. Наконецъ день моего посвященія наступилъ, и солнце уже склонялось къ западу; какъ вдругъ опшсюду стекается великое множество зрителей, которые сообразуясь древнему обыкновенію и благочестію несли мнѣ различныя дары. Но первосвященникъ повелѣвши удалишься всѣмъ но-

просвѣщеннымъ взялъ меня за руку и повелъ въ самое внутреннее святилище сего храма; я облеченъ былъ въ новую и бѣлую одежду сошвенную изъ тонкаго полотна.

Любезный читатель, можетъ быть въскомъ природнымъ любопытствомъ, спросишь ты меня, что при семъ случаѣ было говорено и что дѣлано? Я бы тебѣ объявилъ, когдабъ позволено было, и ты бы узналъ, если бы тебѣ можно было слушать. Но уста дерзающія возвѣщать снъ шаниства, и слухъ хотящій ихъ внимать равному подвергаются жребію за свое безразсудное любопытство и нескромность. Однако сколь мнѣ позволяется, удовольствую я свое благочестивое желаніе. И такъ внимай и будь увѣренъ, что всѣ мои слова будутъ истинны. Я приведенъ былъ сперва ко вратамъ смерти, и нога моя касалась самага праха чертоговъ Прозерпинныхъ; я возвращаясь изъ сего мѣста веденъ былъ чрезъ всѣ стихіи; и среди мрачной полночи видѣлъ солнце сіяющее чистѣйшимъ свѣтомъ; потомъ зрѣлъ лицомъ къ лицу небесныхъ и адскихъ боговъ

и покланялся имъ въ близости. Се таинства, которыя хотя и слышалъ ты, но понять не можешь. Я еще тебѣ объявлю, что мнѣ только можно открытъ и что не запрещается разумѣть непросвѣщеннымъ. Утренній часъ приближился и обыкновенныя молитвы и обряды совершились; я вышелъ изъ внутренняго святилища облеченъ въ священныя одежды, которыхъ ровно было дванадцать. Сей уборъ весьма былъ чуденъ и сдѣланъ таинственнымъ образомъ; но никакой законъ говорить мнѣ о томъ не запрещаетъ, тѣмъ паче, что всѣ тогда бывшіе видѣли меня въ семъ одѣяніи; ибо великій первосвященникъ повелѣлъ мнѣ взыти на возвышенное мѣсто, бывшее среди храма противъ самой статуи богининой. Я облеченъ былъ въ одежду льняную, различными разпещренную цвѣтами, верхнее одѣяніе было весьма великолѣпно и висѣло съ плечу моихъ раменъ до самой земли: но съ какой бы стороны ни смотрѣлъ ты на меня, отовсюду и на всемъ убранствѣ увидѣлъ бы ты разныхъ животныхъ, разными изображенныхъ цвѣтами. Тамъ видимы были Индій-

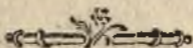

скіе драконы и страшныя Гилерборейскіе грифоны, имѣющіе птичью голову и крылья, но все прочее тѣло львиное. Сіе одѣяніе называется отъ всѣхъ жрецовъ Олимпійскимъ. Въ правой рукѣ держалъ я возженный свѣщильникъ, и увѣнчанъ былъ пальмовымъ вѣнцемъ, котораго листья изображали вокругъ моей головы нѣкоторый видъ лучей блистающихъ. Такимъ великолѣпнымъ убранствомъ подобаясь солнцу, стоялъ я на высокомъ мѣстѣ какъ статуя. Вдругъ подѣмлется завѣса скрывававшая меня отъ зрителей, и я представился любопытнымъ очамъ всего народа. По совершеніи всѣхъ обрядовъ торжествовалъ я щастливо день моего просвѣщенія и угощалъ всѣхъ жрецовъ и пріятелей великолѣпнымъ и веселымъ пиршествомъ. Сіи благоговѣйныя обряды продолжались три дни, начинаясь всегда утренними молитвами, и кончаясь жертвоприношеніемъ; однако еще нѣсколько времени живя близь храма сего, восхищался я неописанною радостію, взирая всегда на священный образъ великія богини, явившей мнѣ щедрость неизреченная и благость превышшую всякихъ похвалъ и благодарности. На-
ка-

конецъ повинуюсь ея велѣнію и прине-
ши ей смиренное и моимъ только си-
ламъ и усердію, а не ея благодѣяні-
ямъ сразмѣрное благодареніе, началъ
я пріуготовляться къ отшествію въ
мое отечество. Но коль тяжко и не-
сносно было для меня разрѣшать тѣ
священныя и любезныя узы, которы-
ми душа моя связана была, желая вѣч-
но пребывать предъ величественнымъ
изображеніемъ сея Царицы. Но дол-
жно исполнять ея волю и возвратиться
въ домъ свой. И такъ въ нѣко-
торой день повергшись предъ ея сто-
пами проливая слезныя источники и
стократно лобзая прахъ земли, про-
стерлъ я къ ней сію смиренную благо-
дарственную мольбу, прерываемую вздо-
хами и рыданіемъ.

„О ты святая и неотступная хра-
„нительница рода человѣческаго! ты
„всегда, изливая на смертныхъ обиль-
„ныя щедроты, являешься чадолюбивою
„матерню всѣмъ несчастнымъ. Не про-
„ходитъ день, не протекаетъ ночь,
„не минуешь ни одно мгновеніе, ко-
„торое бы ты не запечатлѣла своею
„благодѣію, покровительствомъ и снѣ-

„схожденіемъ ко смертнымъ, какъ на
 „волнующемся морѣ, такъ равно и на
 „земли. Ты уничтоживъ бурные вихри
 „и волненіе колеблющее ладію жизни
 „нашей, проспираешь спасительную
 „десницу, которыя могуществомъ оп-
 „вращается неизбѣжимость рока и са-
 „мый часъ смерти опредѣленный судь-
 „бою; укрощается сщремленіе злобной
 „и слѣпой фортуны, и предваряется
 „вредоносное изліяніе и содѣйствіе не-
 „щастливыхъ созвѣздій. Тебѣ покла-
 „няются небеса, и благоговѣютъ предъ
 „лицемъ твоимъ жители адской без-
 „дны. Ты владычествуешь всѣмъ свѣ-
 „томъ, управляя движеніемъ небесъ;
 „побой озаряется солнце (р), ты по-
 „спираешь партаръ; планеты въ пече-
 „ни своемъ твоему слѣдуютъ мано-
 „венію. О тебѣ радуются всѣ боги и
 „богини. Ты учреждаешь времена и
 „лѣта; спихи тебѣ повинуются, отъ
 „тво-

(р) Изъ сего можно видѣть, что Апулей
 чрезъ сію богиню не разумѣетъ одну
 только луну, но всю природу, или вы-
 сочайшее существо, которе есть душа
 всего міра: ибо какъ можетъ быть,
 чтобъ луна озаряла собою солнце?

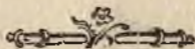

„твоего дохновенія колеблется въ твѣрахъ
„воздухъ, сгущающіяся облаки, рождаются,
„ростенъ и зрѣтъ всякое сѣмя.
„Пернатыхъ пшварей сонмы летающіе
„на зыбяхъ воздушныхъ, свирѣлыя
„звѣри обитающіе въ пустыняхъ и го-
„рахъ, страшныя змѣи кроющіяся въ
„разсѣлинахъ и вершепахъ, пресмыкаю-
„щіяся по земли, ужасныя и много-
„образныя чудовища насѣляющія глу-
„бину морскую, трепещутъ и боят-
„ся твоего имени; но что, можно ли
„миѣ вѣщати хвалы твои! я не въ си-
„лахъ изобразить словами чувствій
„моего сердца и шѣхъ благоговѣннѣй-
„шихъ мыслей, которыя имѣю я о
„величествѣ и славѣ твоего божества;
„и будучи смертенъ, могу ли при-
„личными почтимиъ себя дарами и
„жертвами. Несчетныя и парящимъ
„вистійствомъ исполненныя уста слабы
„къ прославленію твоего имени; вѣч-
„ныхъ и повсемѣстныхъ олтарей ку-
„ренія и еиміамы не довиѣютъ твоей
„благости и щедростамъ. И' такъ я
„все, что только можешъ брешной и
„убогой челоуѣкъ, но числѣншею впро-
„чемъ пылающій благодарностію и
„благоговѣніемъ, содѣлашъ въ честь
„твою,

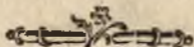
твою, я все содѣлаю; я до послѣд-
няго моего издыханія сохраню во глу-
бинѣ сердца моего божественный твой
зракъ и блескъ твоего священнаго
величества. Я днемъ и ночью углуб-
ляясь буду въ размышленіи о тво-
ихъ щедротахъ и благодареніяхъ.,,

Скончавъ сію мольбу, пошелъ я
къ первосвященнику, дабы съ нимъ
проситься; я обѣмля его лобызалъ
шестократно какъ своего истиннаго
отца и учителя; извѣснясь при томъ,
что не могу сразмѣрной благодареніемъ
его воздать благодарности. Наконецъ
я съ нимъ распался; и началъ при-
готовляться къ отшествію въ роди-
тельской свой домъ, отъ котораго
отлученъ я былъ чрезъ толь долгое
время. По прошествіи нѣсколькихъ
дней извѣстила мнѣ богиня, что уже
день моего отбѣзда приближился; и
такъ собравши малое свое сляжаніе
сѣлъ я на корабль, которой долженъ
плыть въ Римъ. Вѣтры намъ благо-
пріялспвовали и мы въ краткое
время безъ всякаго при томъ опас-
наго приключенія достигли до при-
станн называемой Остія, и оттолѣ
идя въ легкой и быстрой коляскѣ
при-

пріѣхалъ я въ священный сей (с) градъ 12 Декабря, когда уже солнце склонилось къ Западу. Единственное мое и всегдашнее въ семъ градѣ упражненіе въ томъ состояло, что я всякой день ходилъ поклоняясь великой Царицѣ Изидѣ, которую всѣ жители съ глубочайшимъ почитали благоговѣніемъ, нарицая ее Изидою Марсова поля, ибо храмъ ея воздвигнутъ былъ на семъ полѣ. Я вседневно приносилъ смиренныя мольбы сей богинѣ; и былъ только пришлецъ въ разсужденіи храма; но богослуженіе и таинства ея уже мнѣ были совсѣмъ открыты. Между тѣмъ солнце совършивъ печеніе свое исполнило цѣлый годъ шоро благополучнаго дня, въ которой я просвѣтился таинствами сей великія богини. Однако она еще явившись въ сонномъ видѣніи возвѣстила мнѣ, что я впрочемъ долженъ просвѣтиться. Внимая такое ведѣніе изумился я чрезвычайно и не могъ понять, что значитъ ея
воля.

(с) Римъ назывался священнымъ градомъ потому, что всѣ языческія различныя вѣры и богослуженія были въ немъ приняты.

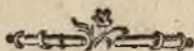

воля, и какое будетъ слѣдствіе; ибо
назалось мнѣ, что я уже довольно и
совершенно знаю всѣ тайнства ея бого-
слушенія.

Но стараясь какъ собственнымъ
разсудкомъ, такъ равно и совѣтами
благоразумныхъ жрецовъ испытать
волю богини сея и уничтожишь свое
сомнѣніе, позналъ и увидѣлъ я вещь
чуждую и для меня совѣмъ еще новую;
то есть, что я великія только богини
просвѣщенъ тайнами; но непобѣдимаго
Озириса, сего великаго бога и отца
всѣхъ боговъ, священныя тайнства
мнѣ были еще неизвѣстны. И хотя
сіи два божества нераздѣльны между
собою и одинакимъ чтутся поклоне-
ніемъ, однако весьма великое различіе
наблюдается въ обрядахъ; еслии кто
приступаетъ къ познанію тайнствъ
того или другаго; и попому я дол-
женъ былъ чувствовать, что боже-
ское провидѣніе призываетъ меня къ
служенію и тайнствамъ великаго бога
Озириса: въ чемъ сомнѣніе мое скоро
уничтожилось: ибо въ слѣдующую
ночь одинъ изъ священниковъ облеченъ
будучи во льняную одежду и въ ру-
нахъ

нахъ своихъ имѣя тирсы и плащъ и другія вещи, которыхъ не должно открывать, явился мнѣ въ сонномъ видѣнїи. Онъ все сіе положи въ моей спальнѣ, и сѣдши на стулѣ объявляя мнѣ о торжественномъ пиршествѣ, которымъ долженъ я угостить жрецовъ, дабы приступить къ величественному и священному богослуженію; но чшобъ я могъ узнать его по какойнибудь примѣтѣ; всталъ онъ и пошелъ тихимъ шагомъ, хромая при томъ лѣвою ногою. И такъ извѣщенъ я будучи шоль ясными свидѣтельствами о божескомъ благоволенїи, не могъ уже нимало колебаться мыслями: но вставши поутру весьма рано и принеши великой богинѣ благодарственную мольбу, спрашивалъ у всѣхъ жителей: нѣтъ ли какогонибудь священника храмлющаго лѣвою ногою. Дѣйствишельно такой находился и я немедленно увидѣлъ одного изъ Пастофоровъ, которой походкою, одеждою и видомъ своимъ совсѣмъ подобенъ былъ жрецу явившемуся мнѣ въ сновидѣнїи. Я узналъ послѣ, что называется онъ Азинїемъ Марцелломъ, и сіе имя имѣетъ нѣкоторое отношенїе къ шому
пла-

плачевному (т) состоянію, въ ко-
ромъ я находился. Я съ поспѣшностію
къ нему подошелъ, но онъ будучи
извѣстенъ, равно какъ и я, что дол-
женъ просвѣтить меня священными ве-
ликаго бога таинствами, узнавъ на-
передъ еще что я намѣренъ ему гово-
рить: ибо въ прошедшую ночь мечта-
лось ему во снѣ, что въ то самое
время, когда онъ соплеталъ для Ози-
риса вѣнцы, услышалъ величественный
гласъ сего бога происходящій изъ та-
кихъ же устъ, какими онъ произно-
ситъ судьбу всѣхъ смертныхъ; услы-
шалъ гласъ вѣщающій: внимаи Азини,
къ тебѣ посылается гражданинъ Ма-
даврійскій, человекъ впрочемъ убогой,
но достойный, чтобъ принявъ его не-
медленно въ число просвѣщенныхъ мо-
ими таинствами, предводимъ будучи
моею десницею, прославился онъ повсю-
ду знаніемъ и науками, а ты копо-
рой долженъ ему открыть мои сокро-
венныя таинства и богослуженіе, ты
будешь мною не забвенъ и получишь
достойное отъ меня воздаиіе.

Такимъ

(т) Потому что оселъ на Лашинскомъ
языкѣ *арити*.

Такимъ образомъ будучи назна-
ченъ къ познанію таинствъ непобѣди-
маго Озириса медлилъ я, противъ же-
ланія моего, вшоричнымъ симъ про-
свѣщеніемъ; не имѣя довольнаго до-
статка для столь великаго шорже-
ства: ибо малое мое спянганіе исто-
щилъ я въ путешеспвіяхъ, и при-
томъ въ семъ градѣ требовалось
несравненно большее число денегъ для
сего случая, нежели сколько употре-
билъ я въ Греческой провинціи. И
такъ крайнимъ своимъ убожествомъ
воспящаемъ будучи отъ шакого вели-
каго богослуженія находилъ я въ
опчаянномъ недоумѣніи: между
тѣмъ великій Озирисъ многократно
повелѣвалъ мнѣ исполнить его волю
немедленно. И сіе повергало меня въ
крайнюю печаль и смущеніе. Нако-
нецъ по его рѣшительному велѣнію
продалъ я свои одежды и другія
вещи, которыя хотя были весьма
посредственны, однако пріобрѣлъ я
чрезъ то все нужное для моего про-
свѣщенія. Естли бы ты, вѣщало мнѣ
сіе неописанное божество, захотѣлъ
веселія и пріятныя для себя учре-
дить забавы и утѣхи, ты не пожа-
лъ

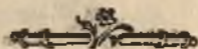
явля бы ни мало и послѣдней оде-
жды; но когда повелѣваю тебѣ мо-
ими просвѣтись таинствами, и
приступишь къ моему богослуженію;
ты сомнѣваешься, медлишь и боишься
ввергнуться чрезъ то въ бѣдность и
убожество, о которомъ ты никогда
не будешь сожалѣшь и раскаивать-
ся.

Слыша такія божественныя слова,
приготовилъ я все нужное, вторично
постившись десять дней не употребляя
никакого мяса ни вина, просвѣщенъ
я былъ сокровенными таинствами
державнаго бога Сераписа, и уже съ
совершеннымъ спокойствіемъ и надеж-
дою исполнялъ всѣ обязанности и зако-
ны сего великаго служенія, и сіе са-
мое служило мнѣ великимъ утѣше-
ніемъ во всѣхъ случаяхъ; и подаю
средства къ жизни пріятнѣйшей: ибо
въ судебныхъ мѣстахъ исполняя
стряпческую должность на Латин-
скомъ языкѣ, получалъ я довольное
число денегъ, въ чемъ мнѣ божеское
провидѣніе и сама Фортуна споспѣше-
ствовала больше нежели прочимъ. Но
по прошествіи нѣкотораго времени
чуд-

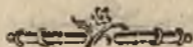

чудное и неожиданное велѣніе боговъ понуждаетъ меня, дабы я въ прешій разѣ просвѣтился. Тогда уже опягощенъ печалю и смущеніемъ углубился я въ различныя мысли, стараясь узнать, къ чему клонится сіе новое и чрезвычайное велѣніе; я не могъ понять чего еще не доставало и что упущено въ обрядахъ моего сугубаго просвѣщенія. Видно, говорилъ я самъ себѣ, что оба сіи первосвященники не желая миѣ совершеннаго благополучія непочино и несправедливо исполняли свою должность и не всѣ приличныя сохранили обряды. Такъ разсуждая началъ я сомнѣваться о ихъ добродѣтели и вѣрности.

Но когда я различными колеблясь мыслями находился въ крайнемъ недоумѣніи подобаясь лишенному всего разсудка, то щедрое божество явившись миѣ во время ночнаго сна, уничтожило мрачный облакъ моего сомнѣнія. — Не долженъ ты, вѣщало оно миѣ, страшиться толь долговременныхъ и многочисленныхъ обрядовъ служащихъ къ твоему просвѣщенію, и не думай также, чтобъ не сохранимо

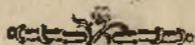

или забыто: было что нибудь
 жрецами при сей торжественной
 и священной должности; напротивъ
 того радуйся получая толкиа щедро-
 ть; ошь боговъ безсмертныхъ, и
 утѣшайся, когда они благоволиа
 прикрасно озарить тебя неизрече-
 нымъ свѣтомъ недовѣдомыхъ своихъ
 таинствъ; которыми другія изъ
 смертныхъ и единожды просвѣщивъ-
 ся едва удостоились; при томъ будь
 благонадеженъ и уповай безъ сомнѣ-
 нія; что ты симъ прояснимъ озарив-
 шись свѣтомъ пребудешь всегда благо-
 подученъ. Впрочемъ ты самъ у-
 знаешь, что сіе претіе просвѣщеніе
 нужно тебѣ непремѣнно; когда рассу-
 дишь, что одежда великой богини,
 въ которой ты приступилъ къ по-
 знанію ея таинствъ въ Греческой про-
 винціи, осталась въ ея храмѣ; и что
 для сей причины не можно тебѣ
 имѣть ее въ здѣшнемъ храмѣ при тор-
 жественномъ священнослуженіи во вре-
 мя всеобщихъ праздниковъ, или когда
 приказано будетъ явиться въ сей
 одеждѣ. И такъ исполняя съ бла-
 тоговѣнною радостію велѣніе держав-
 ныхъ боговъ, озари сокровенными
 таин-

тайнствами разумъ свой еще единожды; и сѣда послужитъ къ твоему блаженству, здравію и спасенію. — Наконецъ сіе неописанное и неизреченное божество извѣстило меня о всемъ, что я долженъ приуготовить.

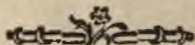
Исполняя съ возможнымъ усердіемъ всещедрыхъ небесъ волю, немедлялъ я ни одной минуты, но въ то же время объяснивши прежнему первосвященнику свое сновидѣніе, рѣшился я еще десять дней возможную хранить чистоту и не употреблять въ снѣдь себѣ никакого мяса, и не пить также ни какого вина, сообразуясь непремѣнному сего богослуженія закону. Послѣ того купилъ я всѣ нужныя для шоржества сего вещи, и при томъ въ большемъ количествѣ, нежели сколько требовалось; къ чему поощрало меня благочестивое усердіе. И по истинѣ я не могъ и не долженъ былъ сожалѣть о разныхъ и многихъ расходахъ употребленныхъ на сїи случаи: ибо щедрое божеское провидѣніе усугубляло вседневно мои доходы и сдѣлало меня довольно богатымъ, благопріятствуя и вспомошествова мнѣ въ исполненіи

спряпческой должности при мѣстахъ судебныхъ. Наконецъ спустя нѣсколько дней самъ Озирисъ, богъ великихъ боговъ большій, и вышшихъ высочайшій, и высочайшихъ превосходнѣйшій, и превосходнѣйшихъ державный Царь, явился мнѣ въ сновидѣніи въ точномъ свѣдѣніи видѣ, не скрывъ своего величества ни въ какомъ странномъ и опмѣнномъ образѣ, онъ удостоивая меня божественныхъ своихъ вѣщаній, повелѣлъ мнѣ съ большимъ стараніемъ и ревностію упражняться въ исполненіи спряпческой должности и приобрѣтати чрезъ то уваженіе себѣ и славу; презирая злобныя клеветы всѣхъ злоязычниковъ завидующихъ моему знанію и превосходнымъ наукамъ приобрѣтениымъ мною чрезъ неусыпное стараніе и всегдашніе труды. И наконецъ, дабы не бысть мнѣ въ числѣ простыхъ и обыкновенныхъ жрецовъ, возвысилъ меня сей великій богъ на степень Пастофоровъ и почтилъ достоинствомъ десятиначальника, (у)

НОЧ

(у) Десятиначальниками назывались тѣ, у которыхъ подъ властію находились десять жрецовъ, а иногда меньше или больше.

которое обыкновенно пять лѣтъ продолжалось. Съ сего вождѣннаго часа, имѣя голову свою обриту и не стараясь ее ни чѣмъ прикрывать, прилѣпился я съ радостію къ сему святому и благоговѣйному сообществу, учрежденному около временъ Суллы, и вседневно исполнялъ законы и обязанности его съ возможнымъ усердіемъ и ревностію.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙНАДЕСЯТЬ

И

ПОСЛѢДНЕЙ КНИГИ.

